

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
Белорусский национальный технический университет

Архитектурный факультет

АРХИТЕКТУРА

Сборник научных трудов

Выпуск 5

**Минск
БНТУ
2012**

Редакционная коллегия:

главный редактор А.С. Сардаров (доктор архитектуры),
зам. главного редактора Е.Е. Нитиевская (кандидат архитектуры),
ответственный секретарь Л.С. Асташенок (ассистент),

В.Н. Аладов (доктор архитектуры), И.А. Иодо (доктор архитектуры),
Н.В. Кожар (доктор архитектуры), А.А. Литвинова (доцент),
В.Ф. Морозов (доктор архитектуры), Е.Б. Морозова (доктор архитектуры),
Г.А. Потаев (доктор архитектуры), С.А. Сергачев (доктор архитектуры),
К.К. Хачатрянц (кандидат архитектуры), Ю.В. Чантурия (доктор архитектуры)

Сборник включен в Перечень научных изданий Республики Беларусь для опубликования результатов диссертационных исследований по отрасли науки «Архитектура» приказом ВАК Республики Беларусь от 13.07.2012 г.

В сборник включены материалы международной научной конференции, посвященные актуальным проблемам архитектуры. Материалы отражают результат плановых и инициативных научных исследований в области теории и истории архитектуры, градостроительства и территориальной планировки, ландшафтной архитектуры, архитектуры жилых и общественных зданий, вопросов архитектурного образования.

Предназначен для специалистов, аспирантов, магистрантов, работающих в области архитектуры и смежных отраслях.

The collected articles include the materials from the International scientific conference concerning the urgent problems of architecture. The materials are the results of planned as well as initiative research in the field of architecture theory and history, town and territorial planning, landscape architecture, problems of training architecture.

The collection is intended for architects, post-graduate students and other specialists, working in the field of architecture as well as in adjacent fields.

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ АРХИТЕКТУРЫ	4
АНАЛИЗ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО КОНЦЕПТА «МЕСТО» БЕЛОВА О.В.	4
«ЭКОНОМИЧНАЯ» СИСТЕМА ПРОЕКТИРОВАНИЯ И ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ЖАНА-НИКОЛА-ЛУИ ДЮРАНА КОЖАР Н.В., НИСС Е.В.	8
КУЛЬТОВАЯ АРХИТЕКТУРА ОРДЕНА ИЕЗУИТОВ НА БЕЛАРУСИ: ОТ БАРОККО К КЛАССИЦИЗМУ КОЛОСОВСКАЯ А.Н.	13
КОМПОЗИЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ СПАСО-ПРЕОБРАЖЕНСКОЙ ЦЕРКВИ В ПОЛОЦКЕ ЛАВРЕЦКИЙ Г.А.	21
КАКИМ БЫТЬ ПРОТЕСТАНТСКОМУ ХРАМУ ЛАВРЕЦКИЙ Н.Г.	25
ИДЕИ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ В АРХИТЕКТУРНОЙ СТИЛИСТИКЕ БЕЛАРУСИ 1920 – 30 – х гг. МОРОЗОВ Е.В.	29
АРХИТЕКТУРНО – ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОБЛИК БАТАЛЬОННОЙ ЦЕРКВИ СВЯТОГО НИКОЛАЯ В ВИТЕБСКЕ (ПО ДАННЫМ АРХИВНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ) ОЖЕШКОВСКАЯ И.Н.	34
АРХИТЕКТУРНО – ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПРАВОСЛАВНЫХ ДУХОВНЫХ ЦЕНТРОВ ПОЛОЦКА ПАНЧЕНКО Т.А.	39
МАГЕЛЬ В КОПЫЛЕ: ИЗ ИСТОРИИ ПРОМЫШЛЕННОЙ АРХИТЕКТУРЫ БЕЛАРУСИ XVIII-XIX ВВ. СЕРГАЧЕВА Г. А., СЕРГАЧЕВ С.А.	44
МОНУМЕНТАЛЬНАЯ ЖИВОПИСЬ В ФОРМИРОВАНИИ ОБЪЕКТОВ, БЛАГОПРИЯТСТВУЮЩИХ РАЗВИТИЮ ТУРИЗМА СЛАУК С.Я.	50
ПОСТИЖЕНИЕ БОЛОНСКОГО ПРОЦЕССА ЧЕРЕЗ ИНТЕРНЕТ ХАЧАТРИАНЦ К.К.	56
РАЗДЕЛ 2. ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО	63
ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА ВАШКЕВИЧ В.В.	63
ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ АРХИТЕКТУРНОГО БЛАГОУСТРОЙСТВА СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ БЕЛАРУСИ ДРУГОМИЛОВ Р.А.	66
АРХИТЕКТУРНОЕ ОБУСТРОЙСТВО ТРАНСЪЕВРОПЕЙСКИХ ТУРИСТСКИХ КОРИДОРОВ ИЗ БАЛТИИ НА БАЛКАНЫ ПОТАЕВ Г.А., ДУМИТРАСКУ С.М., ТУМАШКИ Л.Б.	72
ФЕНОМЕН «ГЛОБАЛЬНОГО ГОРОДА» В БЕЛОРУССКОМ КОНТЕКСТЕ СЫСОЕВА В.А.	79
ПЛАНИРОВОЧНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ГОРОДОВ ИРАНА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА ЧАНТУРИЯ Ю.В., ХЕДЖАЗИНИЯ А., ДЖАЛАЛИ М.	84
РАЗДЕЛ 3. АРХИТЕКТУРА ЖИЛЫХ И ОБЩЕСТВЕННЫХ ЗДАНИЙ	91
ПРОЕКТЫ НОВЫХ ЖИЛЫХ ОБРАЗОВАНИЙ ДЛЯ ДОМОХОЗЯЙСТВ СРЕДНЕГО КЛАССА В ГОРОДЕ САНЕ (РЕСПУБЛИКА ЙЕМЕН) АБДУЛМАЛИК МУСАИД ШАМСАН АЛЬ-АРИКИ	91
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ФИРМЕННОГО СТИЛЯ НА ФАСАДАХ ТОРГОВЫХ ОБЪЕКТОВ ДАШКЕВИЧ О.В.	94
ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ НОРМАТИВНЫХ ТРЕБОВАНИЙ ПО СОЗДАНИЮ БЕЗБАРЬЕРНОЙ СРЕДЫ ЛАЗОВСКАЯ Н.А.	98
СОВРЕМЕННАЯ ТИПОЛОГИЯ ОБЪЕКТОВ ВНЕДОМАШНЕГО ВОСПИТАНИЯ СИРОТ: ВЕРИФИКАЦИЯ ГИПОТЕЗ МАЗАНИК А.В.	103
ОТ ЛОДЖИИ К ГЕЛИО-ТЕПЛИЦЕ ПРОКОПЕНКО К.И.	107
ОПЫТ АРХИТЕКТУРНОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ ИНТЕРЬЕРОВ В РЕКОНСТРУИРУЕМОМ ЗДАНИИ (НА ПРИМЕРЕ ЗАЛА БОРЦОВСКОЙ СЛАВЫ В «ЦЕНТРЕ СПОРТИВНОЙ БОРЬБЫ ИМ. А. МЕДВЕДЯ») БАШАРИМОВА Т.В.	113

Раздел 1 ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ АРХИТЕКТУРЫ

УДК 72.01

АНАЛИЗ ТЕОРЕТИЧЕСКОГО КОНЦЕПТА «МЕСТО»

Белова О.В.

старший преподаватель, кафедра «Дизайн архитектурной среды», БНТУ

Автором статьи проведен анализ сферы и границ использования понятия «место», а также истоки становления научного интереса к данному теоретическому концепту. Само понятие «место» рассматривается как сложный междисциплинарный концепт, дающий широкие возможности для понимания связей человека и мира.

Введение. Эта статья является ответом на, несомненно, возрастающий интерес в архитектурной теории к такому понятию как «место». На данный момент этот термин все чаще встречается в профессиональной лексике отечественных архитекторов, а так же в публицистических материалах, связанных с архитектурной тематикой. Необходимо отметить что, в основном этот термин используется в контексте таких словосочетаний как: «дух места», «чувство места», а также и тот факт, что его использование часто носит в большей степени эмоциональный, чем научный характер. При этом теоретические возможности концепта «место», его значимость для архитектурно-строительной и дизайнерской практики по-прежнему во многом остаются неосмысленными.

Основная часть. Общий обзор научной литературы и публицистических материалов позволяет утверждать, что для ряда авторов концепт «место» – это возможность придать онтологическую глубину пониманию ландшафта, территории, архитектурного пространства и строительства. Для других – это просто путь к целостному видению объектов изучения и проектирования, к поощрению уникальности и разнообразия, а также способ отойти от глобалистских, унифицированных методов и вернуться к локальному масштабу и местным ценностям.

На сегодняшний день наибольший интерес к концепту «место» проявляется в рам-

ках архитектурной феноменологии и герменевтики (Кр. Норберг-Шульц (Ch. Norberg-Schulz), М.В. Морозов), социальной или гуманитарной географии (Э. Рельф (Edward Relph), Т. Крессвелл (Tim Cresswell), Дж. Малпас (Jeff Malpas), У.-Ф. Туан (Yi-Fu Tuan)), в рамках исследований средового поведения (Д. Симон (David Seamon)), в контексте работ связанных с проблемами сохранения и реставрации, а также проблемами города и городской среды (К. Линч, Д. Симон, Кр. Александер (Cr. Alexander)).

Все эти довольно разнохарактерные научные направления имеют общую теоретическую платформу, позволяющую им вовлечь в свой терминологический словарь понятие «место». Эту платформу составляют исследования в области когнитивной психологии (в частности работы Ж. Пиаже), философия гештальта, феноменология восприятия М. Мерло-Понтии, но наиболее значимая роль в ней, несомненно, принадлежит философии М. Хайдеггера и в особенности его феноменологии обитания.

«Обитание» – это та философская категория, которая увязывает сакральные смыслы бытия и физический мир пространств и вещей, мир непосредственной человеческой деятельности. Ее изначальная неразделенность на объективное и субъективное видение, ее обращенность к взаимодействию мира и человека открывает широкие возможности для исследований в области антропологии, культурологии, философии среды и ландшафта.

«Обитание» по М. Хайдеггеру – это способ пребывания человека на Земле. Обитать на Земле, под Небесами, перед Богами и среди Смертных означает схватывать свое бытие как вплетенное в нечеловеческое

(сверхчеловеческое) бытие. Место же позволяет обитанию проявиться, то есть дает пристанище подлинному бытию. Смертные всегда существуют -- обитают в силу своего пребывания при вещах и местах [1]. Таким образом, можно говорить о том что, Место является важнейшей категорией человеческой жизни.

Для определения Места по М.Хайдеггеру важно не само вмещающее пространство, Место не некая ниша в нем. Важен факт проявления обитания, через возвращение, через упорядочение вещей. Сам Хайдеггер иллюстрирует эту мысль на примере Моста, говоря о том, что не Мост возникает на Месте, а Место рождается с появлением Моста, Мост и есть Место [1]. То есть именно постройка, или в более широком смысле «Вещь» дает обитанию проявиться. «Вещью веществуется мир» [2]. «Вещи» как бы столбят пространство, являя его Человеку через Места.

За феноменом «вещи», кроются две важные категории, имеющие большое значение для дальнейшего развития философии места: «событие» и «имя» (впоследствии значимость этих категорий для феноменологии места и герменевтики архитектуры раскрыты И.В. Морозовым [3]) Событие, как действие вовлекающее вещь и человека, позволяющее прибывать бытию, и имя, как раскрытие и постижение смысла. Соборность события говорит о центростремительной сущности места, о важности для раскрытия его естества «близости». Имя говорит о постижимости места как целого, о возможности отличить его от иного, от того что извне. В дальнейшем развитии теории места это позволяет определять его как нечто внутреннее, ограниченное, свое по отношению к наружному, бескрайнему и чужому, а также отличное, обладающее уникальностью, обоснованное, адекватное и уместное, по отношению к безликому, однообразному и универсальному.

В философии М. Хайдеггера феномен «место» рисуется как сопряженный с понятием «дом», с актом обретения пристанища

и проявлением подлинной сущности. Впоследствии эта тенденция устойчиво связывает теорию места с вопросами ориентации (в самом широком смысле этого слова) через проблематику безопасности, как возможности обретения жизненной точки опоры, и идентичности, как возможности распознать и понять.

Важно также отметить, что в философии М. Хайдеггера зарождается дуализм пространства и места, обозначившийся как диалектика пустоты безграничных возможностей и акта созидания и заботы, диалектика свободы и, отмеченной выше, безопасности. Эта тенденция также получает широкое развитие в последующей теории места (например, в концепциях Т. Крессвелла, У.-Ф. Туана, Э. Рельфа). Более того для ряда авторов этот дуализм становится основной возможностью осмыслить феномен «место».

Помимо философии М. Хайдеггера важную роль, в теоретическом обосновании концепта «место» играет анализ непосредственного человеческого опыта общения с пространством. Причина этому, прежде всего, в том, что само понятие «место», будучи сложно определимым для научной и профессиональной лексики, является одновременно и доступным и емким для повседневного обихода (в отличие, например от терминов «пространство», «территория» или «ландшафт»). В обыденном сознании и пространство, и ландшафт интерпретируются нами, прежде всего, через конкретику событий, действий и явлений, а значит, представляются как совокупность мест, обладающих определенными значениями. Эта мысль развивается и поддерживается многими авторами посредством лингвистических изысканий (анализа генеалогии слов и фраз, связанных с топографией и местонахождением); через анализ поэтических, мифологических и художественных образов и структур [3,4,5,7]; с помощью изучения схем восприятия окружения [6,7] и методичного перечисления примеров непосредственного опыта переживания пространственных объектов [8].

Выраженность и значимость понятия «место» в повседневном опыте делают его важной категорией феноменологического подхода в географии, антропологии, архитектуре и средовом проектировании. Разумеется, что феноменологию мы здесь будем трактовать не как самостоятельную сферу мышления, обладающую конкретными объектами или тематикой исследований, а сам способ понимания, основанный на человеческой вовлеченности в мир, на рефлексии повседневного опыта и его «живых значений» [10]. То есть метод, названный Д. Симоном «радикальным эмпиризмом» [10].

На данный момент в мировой практике накоплен весомый пласт работ, посвященных феноменологии пространства, ландшафта и среды. Тематический диапазон этих исследований довольно широк: от изучения повседневного средового опыта отдельных групп (локальных, этнических, социальных) до поиска общего смысла связей человека и среды его обитания: от анализа феноменологии ландшафта конкретных регионов до общих универсальных принципов взаимодействия культурной среды и ландшафта. Но необходимо отметить, что сам теоретический концепт «место», а вернее его обоснование и определение, в них зачастую исчезает из центра исследовательского поля. «Место» понимается как феномен, априорно существующий и не требующий дополнительных пояснений, феномен, выражающий само собой разумеющиеся связи человека и мира. Интерес представляют скорее способы его существования в конкретной реальности, признаки его присутствия – отсутствия, принципы его развития и причины деградации.

Однако если же обратиться непосредственно к попыткам дать более или менее законченное определение феномену «место», необходимо упомянуть работы Т. Крессвелла [5], Д. Симона [10, 11] и Э. Рельфа [9, 12, 13]. По Д.Симону, например, смысл места кроется в «пространственно-временных привычках, укорененных в особом окружении» [11]. То есть «особое окружение», яв-

ляющееся важным для межперсональных связей, привязанностей, общения и обмена смыслами и следует понимать как место [11]. Схожее определение можно сформулировать, опираясь на работы Э. Рельфа, для которого место возникает там, где сеть культурных ценностей «касается земли и объединяет людей» [13]. Каждое место – это территория значений, вычлененная из пространства ее особыми средовыми качествами; историей и общей памятью, связанными с ней; интенсивностью смыслов, которые люди придают ей или извлекают из нее [13]. Точно так же и по Т. Крессвеллу: «место – это участок или территория, наполненная смыслом» [5].

Обобщив, можно сказать, что, во-первых, место, несомненно, является пространственным феноменом. Эту пространственность можно связать как с элементарным вопросом местонахождения (определения «точки на карте»), так и с вопросами характера среды, ее визуального образа.

По Т. Крессвеллу, например, это звучит как «location» (положение) и «locale» (локальные, местные черты) [5]. Пространственность в смысле особых, узнаваемых черт связана непосредственно с материальной основой места. Это осязаемые и воспринимаемые зрением характеристики, такие как строительные и пространственные типы (паттерны), стилистические приемы и детали, цветовые гаммы и материалы, предметное наполнение. Нужно понимать, что эта уникальная пространственность возникает, прежде всего, в диалоге между природным ландшафтом и конкретной культурой и определяется присущим ей способом «освоения природных ресурсов». Т. Крессвелл называет эту характеристику места «материальной основой социальных отношений» [5].

В дискурсе о пространственных характеристиках места большое значение приобретает категория «уникальности». Уникальность может рассматриваться как одно из основополагающих качеств места. Э. Рельф, в поисках понимания феномена «место» (place) прибегает к определению от против-

ного, и вводит представление об его антитезисе, о полном отсутствии места, «не-месте» (placelessness) [9]. «Не-место» – это выражение стандартного, однообразного, скучного, произведенного для масс, «место», соответственно, должно пониматься как нечто уникальное и особое. Разумеется, именно, уникальность позволяет нечто идентифицировать, отличить его от иного. Однако идентичность сложное явление, связанное не только с обособлением, но и с соотношением с подобным, уже знакомым. Поэтому сам Э. Рельф, говорит о том, что использование категории «уникальность» требует определенной осторожности, так как всякое стремление к абсолютной оригинальности, особенности чревато потерей связи с контекстом и распознаваемыми знаками и символами [12].

Второй важной составляющей в определении феномена места является людская активность, деятельность, или если пользоваться терминологией вытекающей из философии М. Хайдеггера – «событие», в котором и раскрывается подлинный смысл места. Каждодневные перемещения пешеходов и транспорта, производимые и продаваемые продукты, характеристики самих людей (их принадлежность к местному населению или туристам, их социальный статус, этническая, религиозная и половозрастная принадлежность) и наконец, их цели и занятия в данном месте – все это, наряду с особыми пространственными характеристиками среды, является неотъемлемой составляющей места, той особой атмосферы, характера, которые могут пониматься как его дух.

И третий фактор, без которого невозможно понять суть феномена «место», – это смыслы и значения, связанные с ним, переживания и чувства, им вызываемые. Кажется, что это наиболее сложный для анализа критерий, не имеющая четкого определения в силу своего эмоционального и, в определенной степени, субъективного характера. Не секрет, что вкладываемый смысл всегда

опосредован большим количеством факторов: прежде всего, культурным кодом воспринимающего, его жизненным опытом, конкретикой ситуации и пр. Однако речь здесь, прежде всего, идет не о единичных, эфемерных переживаниях, а о более или менее устойчивых образах и значениях, разделяемых различными по масштабу социальными общностями. Оговорка «более или менее устойчивые» связана с тем фактом, что смыслы и значения одного и того же места различны для различных культурных групп. Помимо этого, значение места может меняться со временем. Смысл и чувство места, несомненно, зависят и от его пространственного образа и от деятельности его наполняющей (о которых говорилось ранее). Важно так же учесть, что для понимания и оценки этого критерия история, прошлое места, имеет едва ли не большее значение, чем непосредственная реальность настоящего.

Заключение. Пространственность (материальность), деятельность, смыслы и значения лишь условно являются отдельными факторами в определении феномена «место». Место играет интегрирующую роль в человеческом опыте, поэтому и понимание его не может быть сведено к перечислению отдельных свойств и черт, к сумме определенных составляющих. Смысл его постигается лишь через целостность. М. Хайдеггер раскрыл экзистенциальную сущность этой целостности в своей феноменологии обитания, оставив при этом вопрос о том, возможно ли обитание сегодня, открытым [14]. Понимание внутренней природы, механизмов и законов, обеспечивающих становление и развитие этой целостности, на сегодня является актуальной задачей для различных специалистов, в том числе и для архитекторов.

Литература:

1. Хайдеггер, М. *Строить, обитать мыслить / Мартин Хайдеггер // Пер. с англ. С. Ромашко // ПроектInternational – 2010. – № 20. – С.176-189*
2. Хайдеггер, М. *Вещь / М.Хайдеггер //Время и бытие: Статьи и выступления / Пер. с нем. - М.:Республика, 1993. – 447 с.*

3. Морозов, И.В. *Архитектурная герменевтика: Текстологические аспекты теории архитектуры*. – Мн.: Пейто, 1999 – 264с.
4. Malpas, J. E. *Place and Topography/ Environmental & Architectural /Phenomenology Newsletter* [Электронный ресурс]. – 2012 – Режим доступа: <http://www.arch.ksu.edu/seamon/malpas.html>. - Дата доступа: 22.02.2012
5. Cresswell, T. *Place: a short introduction*, Oxford, Wiley-Blackwell, 2004– 153с
6. Линч, К. *Образ города / Пер. с англ. В.Л. Глазычев* – М.: Стройиздат, 1982. – 328 с
7. Norberg-Schulz, Cr. *Existence, Space and Architecture* – Oslo, 1971 – 427 с.
8. Tuan, Yi-Fu *Space And Place: The Perspective of Experience*. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 1977– 248с
9. Relph, E. *Place and placelessness*. – London: Pion, 1976 - 156 с.
10. Seamon, D. *A Lived hermetic of people and place: phenomenology and space syntax* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://ksu.academia.edu/DavidSeamon/Papers/126848/A_Lived_Hermetic_of_People_and_Place_Phenomenology_and_Space_Syntax - Дата доступа: 22.02.2012
11. Seamon, D. *Theories of Place* [Электронный ресурс]. – 2012 – Режим доступа: http://ksu.academia.edu/DavidSeamon/Teaching/16600/Theories_of_Place Дата доступа: 22.02.2012
12. Relph, E. *Reflections on Place and Placelessness / Environmental & Architectural /Phenomenology Newsletter* [Электронный ресурс]. – 2012 – Режим доступа: <http://www.arch.ksu.edu/seamon/Relph26th.htm> - Дата доступа: 22.02.2012
13. Relph, E. *A Pragmatic Sense of Place/ Environmental & Architectural / Phenomenology Newsletter*[Электронный ресурс]. – 2012 – Режим доступа <http://www.arch.ksu.edu/seamon/Relph20th.htm>- Дата доступа: 22.02.2012
14. Каччари, М. *Эвпалинос или Архитектура / Массимо Каччари/пер. с англ. С. Ситар // ПроектInternational – 2010 - № 20, С.190-207*

THE ANALYSIS OF THEORETICAL CONCEPT "PLACE"

Belova O.V.

The main subject of this paper is notion «place», which is widely used in scientific literature of Western Europe and America (especially in papers of human geography, anthropology, architectural phenomenology). But it only becomes popular in Belarusian architectural theory.

Author of the article explores field and limits of this term's use.

Поступила в редакцию 26.04.2012

УДК 72. 036

«ЭКОНОМИЧНАЯ» СИСТЕМА ПРОЕКТИРОВАНИЯ И ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ЖАНА-НИКОЛА-ЛУИ ДЮРАНА

Кожар Н.В., Нисс Е.В.

доктор архитектуры, профессор, Политехника Ченстоховска (Польша)
магистрант, кафедры «Теория и история архитектуры», БНТУ

В статье анализируются основные положения архитектурной теории Жана-Николя-Луи Дюрана (1760 – 1834), профессора Политехнической школы в Париже. Показана роль его учения в формировании рационалистического направления архитектурной теории первой половины XIX века.

Введение. В сборнике научных трудов «Архитектура» №3 авторами была представлена история развития рационалистических тенденций архитектурной мысли эпохи романтизма [1]. В контексте исследуемой тематики были изучены основные положения теории основателя рационалистического направления архитектурной мысли XIX века Жана-Николя-Луи Дюрана (1760 – 1834) (рис. 1) и его влияние на развитие региональной теории зодчества.

Данная публикация, посвященная анализу теоретической доктрины и методов проектирования Дюрана, продолжает начатое исследование.

Основная часть. Жан-Николя-Луи Дюран родился в Париже 18 сентября 1760 г. После окончания колледжа с 1776 г. он учился у Этьена-Луи Булле. Дюран прошел также курс обучения в Академии Архитектуры у Жульена-Давида Ле Руа и выполнил ряд конкурсных проектов на Гран-при Академии под руководством Рудольфа Перро.

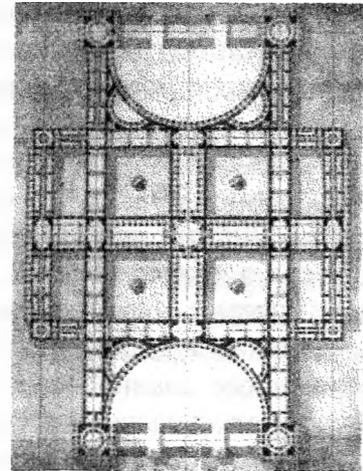
Рисунок 1 – Жан-Никола-Луи Дюран
(1760 – 1834)

Конкурсные проекты Дюрана дважды были награждены второй премией (в 1779 г. проект музея, (рис. 2), в 1780г. – проект школы). В 1780-е гг. Дюран работал чертежником у Булле и гравера Жан-Франсуа Жанно. В 1788 г. по его проекту в Париже было построено здание Lathuille в стиле «неогрек», отличавшееся предельной простой планировкой (рис. 3).

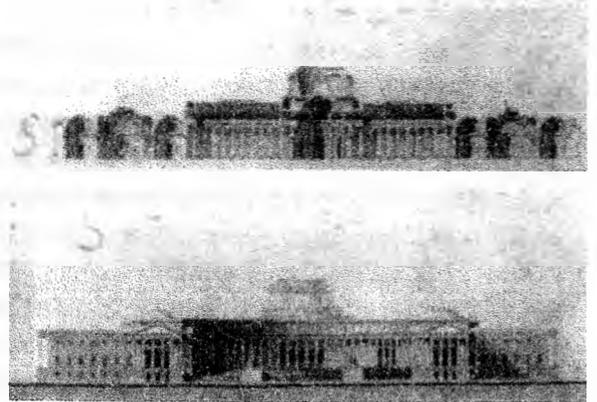
Около 1790 гг. Дюран выполнил серию рисунков, отражавших взгляды его учителя Булле о выразительных формах и «характере» в архитектуре. В 1794 г. в Париже была открыта Политехническая Школа, в которой Ж.-Н.-Л. Дюран преподавал 1795 – 1830 гг. В условиях возросшего у студентов Школы интереса к истории, в 1799 – 1801 г. Дюран издал типологический атлас, содержащий схематические планы, фасады и разрезы памятников «всех времен и народов», выполненные в одном масштабе [2].

Атлас представлял собой «Музей мировой архитектуры», в котором очень четкие чертежи известных памятников архитектуры сопровождалась эмблемами и комментариями. Тематика представленных объектов была разнообразна: от водопровода турецких бань до театров и храмов различных форм, от древнейших памятников Пальмиры до бесчисленных крыш и шпилей.

Была выполнена типологическая классификация, например, «Сводчатые центрические здания» или «Устройство монументальных перистильных дворов».

а)

б)

Рисунок – 2 Ж.-Н.Л. Дюран. Конкурсный проект музея (1779): а) – план, б) – фасады

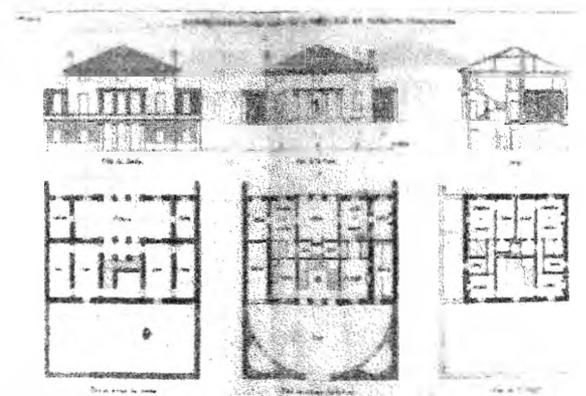

Рисунок 3 – Проект дома Lathuille
из кн.: Durand J.N.L. *Precis des lecons d'architecture* donnees a l'ecole Royale Polytechnique (1805)

Кроме того, каждое здание сопровождалось краткой аннотацией, содержащей имя автора и сведения о местоположении и дате строительства.

Создавая программу обучения для студентов, основанную на изучении истории архитектуры, Дюран писал: «После того как мы хорошо ознакомились с разными объектами, которые в архитектуре являются тем, чем слова в речи, ноты в музыке, без совершенного знания которых невозможно будет идти дальше, мы увидим:

1. как их следует сочетать между собой, т.е. как следует их расположить относительно друг друга, как по горизонтали, так и по вертикали;

2. как при помощи этих сочетаний приходят к образованию различных частей здания

3. как следует их сочетать в свою очередь в композиции ансамбля зданий» [2, с. 29].

В 1802 – 1805г. он опубликовал самый известный свой труд – «Учебник архитектуры» [3] (рис. 4). В «Учебнике» теоретик рассматривал архитектуру «как оптимизирующий процесс», для которого «важны два принципа: целесообразность и экономичность» [4, с. 235].

Рисунок 4 – Durand J.N.L. Précis des leçons d'architecture donnesa l'école Royale Polytechnique

Первый принцип охватывает понятия «прочность», «благоприятность для здоровья» и «удобство». Вторым – «симметрию», «регулярность» и «простоту». Здание

должно быть целесообразно, гигиенично, удобно; должно быть долговечным при минимальной стоимости. Поэтому Дюран подверг критике Церковь Св. Женеьевы (Пантеон) в Париже (1756 – 1789, арх. Ж.-Ж. Суффло) и предложил свой вариант круглого собора такой же площади, но с меньшим количеством колонн. Это давало значительную экономию при, более сильном, по мнению автора, эмоциональном воздействии (рис. 5).

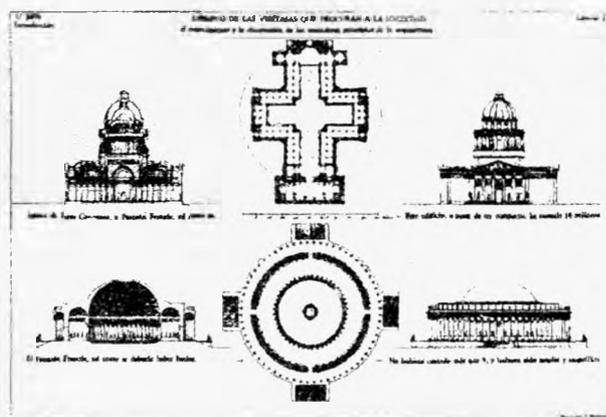

Рисунок 5 – Таблица из кн.: Durand J.N.L. Précis des leçons d'architecture donnesa l'école Royale Polytechnique (1805)

Согласно Дюрану, «талант архитектора» должен быть направлен на решение следующих задач:

1. «уложиться в имеющуюся смету»,
2. «выполнить с минимальными отступлениями заданные габариты здания»,
3. учесть, что «экономичность в архитектуре ни в коей мере не препятствует красоте», но, напротив – «ее богатый источник» [4, с. 51].

Считая «экономичность» одним из основных качеств архитектуры, Дюран выполнил «более дешевый» проект собора Св. Петра в Риме (рис. 6). Он использовал прямоугольные формы, которые считал наиболее оптимальными для проектирования и зданий, и градостроительных ансамблей. Теоретик утверждал, что «высшее проявление принципов архитектуры» происходит при решении задачи правильного расположения элементов» [5, с. 230].

Этот важный для архитектурной теории начала XIX в. принцип позволял считать декор «излишним». Основное внимание уделялось проблемам формообразования.

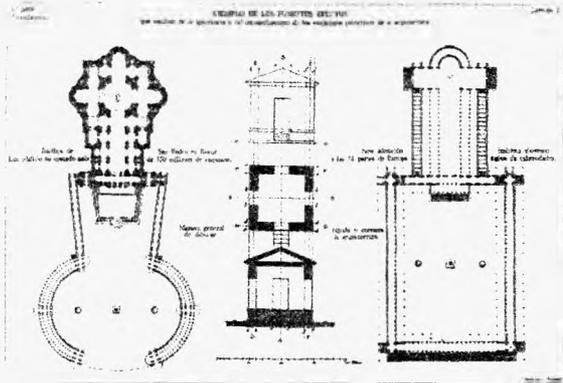

Рисунок 6 – Ж.-Н.-Л. Дюран. Вариант планировки площади Св. Петра в Риме
Таблица из кн.: Durand J.N.L. *Precis des lecons d'architecture* donna l'ecole Royale Polytechnique (1805)

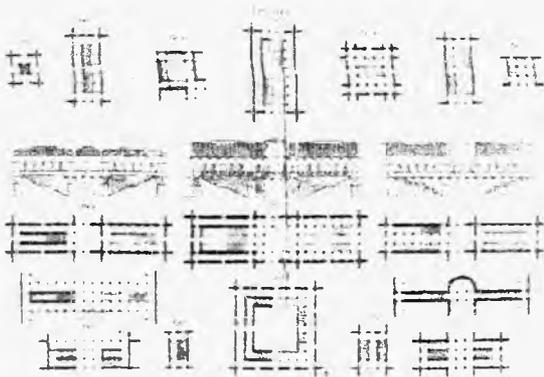

Рисунок 7 – Ж.-Н.-Л. Дюран. Элементы здания.
Таблица из кн.: Durand J.N.L. *Precis des lecons d'architecture* donna l'ecole Royale Polytechnique

Для Дюрана, «полезность» понималась как аспект социальный. Удобство любого здания и «экономичность» его конфигурации являлись принципиальным аспектом его творческого метода. Понятие «удобства» подразумевало «здоровье и комфорт», в то время как «экономичность» предполагала использование симметрии, регулярности и простоты. Таким образом, принцип экономии в первую очередь был связан с эффективностью проектирования. Дюран разработал систему основных конструк-

тивных элементов зданий, использование которой представляло собой прототип современных методов индустриального строительства, основанных на стандартизации строительных элементов (рис. 7).

Таблицы «Учебника» являлись пособием для выполнения студентами абстрактных упражнений по проектированию отдельных элементов зданий (холлы, галереи, внутренние дворы, залы). Лишь на последних курсах выполнялись конкретные проекты зданий со строго заданными функциональными требованиями. В качестве оптимального метода проектирования Дюран предложил «сетчатую систему координат» – систему пересекающихся в плане горизонтальных и вертикальных линий, которая «предоставляет архитектору неограниченные возможности комбинации элементов». Он считал, что ввел «единицу измерения, к которой мы приводим все остальные отношения в архитектуре». Этой единицей являлось «расстояние между осями двух колонн», определявшее «единство всего объема» [3, с. 239].

На основе его схемы выполняли свои проекты студенты Политехнической школы еще до опубликования «Учебника архитектуры» (рис. 8).

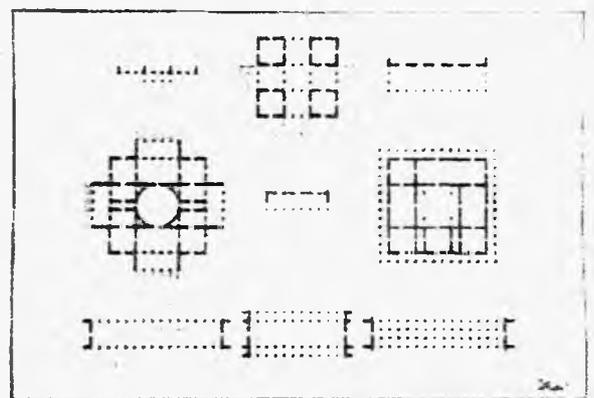

Рисунок 8 – Работа студента Политехнической Школы, выполненная на основе «сетки Дюрана» (1801 – 1802)

Одним из первых технических воплощений идей Дюрана принято считать зда-

ние павильона «Хрустального дворца» на Лондонской выставке 1851 г. (арх. Пэкстон) [5, с. 176]. Павильон был собран из легких стандартных сборных элементов со стеклянным заполнением. Все элементы были изготовлены фабричным способом и собраны в короткий срок (рис. 9).

Здание было исключительно функциональным (что соответствовало поставленной задаче), относительно недорогим и простым в возведении и являлось представителем «свободного» стиля, который легко адаптировать для самых разных целей и окружения.

Во второй половине XIX в. архитекторы стали все чаще стремиться подчинить внешние формы здания «оптимальному развитию» конструкции. Максимумом стало дюрановское понятие «красоты»: «Архитектура – это искусство, которое непосредственно создает условия для удовлетворения потребностей».

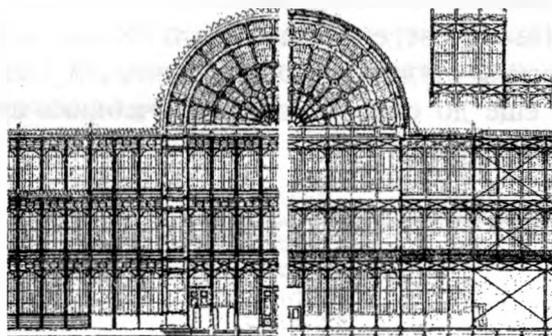

Рисунок 9 – Выставочный павильон «Хрустальный дворец» в Лондоне (1851, арх. Пэкстон)

своему назначению...», то такое здание обладает «характером» [5, с. 236].

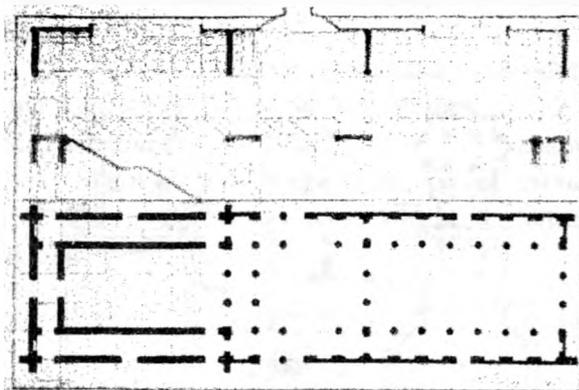

Рисунок 10 – Аналитический чертеж лестницы, выполненный на «сетке Дюрана»
Из кн.: Durand J.N.L. *Precis des lecons d'architecture* donnees l'ecole Royale Polytechnique (1805)

В теории Дюрана и его сторонников «целесообразность» стала основой создания «характера» архитектурного сооружения. В результате сложился новый принцип формообразования, основанный на соответствии объемного решения здания его назначению.

Дальнейшее развитие рационалистических тенденций в архитектуре конца XIX в. было связано с внедрением в строительство нового строительного материала – железобетона, который предоставил широкие возможности создания новых форм и типов зданий.

Заключение. Идеи рационалистической и «экономической» теории Дюрана нашли свое дальнейшее развитие в XX в., когда потребовалось массовое возведение промышленных сооружений, деловых центров и жилья, которые можно было бы строить дешево и быстро из стандартных элементов и панелей.

В современном мире индустриализация является основным направлением развития строительства. Она означает превращение строительного производства в механизированный поточный процесс сборки и

монтажа зданий из крупноразмерных конструкций, их элементов и блоков, предлагающих множество новых типологических возможностей.

В архитектурной теории наблюдается отход от прежних идей и форм, неустанный поиск новых решений, как это происходило и на рубеже XIX – XX вв. Сегодня признан тот факт, что предпосылки современной архитектуры сформировались в конце XIX в., характеризовавшегося появлением новых материалов, технических возможностей и новых принципов формообразования.

Теоретическое обоснование данного явления создал французский архитектор и педагог Жан-Никола-Луи Дюран, предвосхитивший идеи современной архитектуры.

Сегодня наблюдается полная свобода мнений и идей, отсутствие приоритетных направлений. Теоретические концепции, определяющие развитие архитектурного формообразования, свободны и равноправны. В этих условиях изучение уроков истории может стать «школой» и действенным инструментом для современного архитектора.

УДК 726.71(476)(091)

КУЛЬТОВАЯ АРХИТЕКТУРА ОРДЕНА ИЕЗУИТОВ НА БЕЛАРУСИ: ОТ БАРОККО К КЛАССИЦИЗМУ

Колосовская А.Н.

кандидат архитектуры, доцент, кафедра «Теория и история архитектуры», БНТУ

Барокко – одно из стилевых направлений в искусстве Европы, на белорусских землях появилось в конце XVI века и постепенно сменилось со второй половины XVIII века классицизмом. Барокко появилось в Италии и воплотило доминирующую идею в обществе – религиозную идею, возникшую на волне реформ католической церкви и монашеского ордена иезуитов. Первым памятником барокко на территории Речи Посполитой, в состав которой входили белорусские земли с середины XVI века, стал костел Божьего тела в Несвиже ордена иезуитов. Постепенно барокко, стало основным художественным направлением в архитектуре всех орденов монастырей Беларуси XVII – XVIII веков. Стиль позволил сформировать композиции подчиненные единому замыслу, и в тоже время подчеркнуть индивидуальность и выработать особое направление – «виленское барокко». Смена доминирующих идей в обществе

Литература:

1. Кожар Н.В. *Рационалистические тенденции в архитектурной теории эпохи романтизма* / Н.В.Кожар, Е.В. Нисс // *Архитектура*. - Вып.3, Минск: БНТУ, 2010 – С.33–40.
2. Durand J.N. *Recueil et parallele des edifices en tout genre, anciens et modernes* / J.N. Durand. – Paris, 1801
3. Durand J.N.L. *Precis des lecons d'architecture donnees a l'ecole Royale Polytechnique* / J.N. Durand. – Paris, Chez l'auteur, – 1805
4. Milde K. *Neurennaissance in der deutschen Architektur des 19. Jahrhundert* / K. Milde – Dresden, 1981. - 352 s
5. Germann G. *Einführung in die Geschichte der Architekturtheorie* / G. Germann, Darmstadt, 1980. - 281 s.
6. http://art.1september.ru/2007/05/no05_13.htm

“COST” SYSTEM DESIGN AND THEORETICAL CONCEPTS OF JEAN- NICOLAS-LOUIS DURAND

Kozhar N.V., Niss E.V.

The article describes the main provisions of the doctrine of Jean-Nicolas-Louis Durand, professor of the Polytechnic School in Paris. The role of his teachings in shaping the direction of the rationalist architectural theory of the first part of the 19th century is shown.

Поступила в редакцию 21.05.2012

и преобладание в культуре Нового времени светских элементов привело к появлению в архитектуре Франции середины XVIII века нового, быстро распространяющегося по Европе, художественного направления – классицизм. Лаконичность форм в архитектуре и возобновление принципов античного искусства способствовало развитию стиля, который стал распространенным в культовой архитектуре Беларуси конца XVIII века и нашел свое воплощение в крупных градостроительных комплексах ордена иезуитов.

Введение. В настоящее время существует множество литературы, посвященной ордену иезуитов, среди них труды по истории ордена, жизни и общественной деятельности

сти Игнатия Лойолы – Г. Бемера, А.А. Быкова, Ж. Губера [1–3].

Экономическая сторона деятельности орденских монастырей наиболее полно рассмотрена в работе Я.Н. Мараша «Ватикан и католическая церковь в Белоруссии (1569–1795 гг.)» [4], где затронуты вопросы формирования землевладения католической церкви. В XX веке началось систематическое исследование архитектуры Беларуси, и были опубликованы значимые в области культурного зодчества, затрагивающие архитектуру орденских монастырей работы Е. Квитницкой [5–9], В.А. Чантурии [10–11]. Отдельно следует упомянуть материалы искусствоведа Т.В. Габрусь по проблеме стилистики барокко и разрабатываемой ей стилистической специфики барокко – «виленского барокко» [12–13]. Классицизм в архитектуре Беларуси, вопросы затрагивающие зодчество католической церкви и ее орденов, изучены в ряде работ отечественных и зарубежных авторов (В.Ф. Морозов, Ю.В. Чантурия, М. Мореловский, Т. Бернатович, А. Цехановецкий, Е. Пашенда и др.) [14 – 19]. Одной из наиболее крупных работ последнего времени является монография И.Н. Слюньковой [20], посвященная культовой архитектуре Беларуси в контексте взаимовлияния восточной и западной архитектурной традиции. В работе приводятся описания зданий монастырей по архивным материалам, рассматривается исторический аспект деятельности монашеских орденов. На сегодняшний день, несмотря на богатый фактологический материал в существующих изданиях по архитектуре орденов католической церкви, нет отдельной работы по архитектуре ордена иезуитов. В настоящей статье была предпринята попытка проследить ключевые моменты формирования архитектуры ордена иезуитов на Беларуси.

Интерес к историческим объектам со стороны теоретиков архитектуры и искусствоведов основывается на противоречии между неудовлетворительным состоянием многих из монастырских комплексов, которые обладают высокой историко-культурной цен-

ностью, с одной стороны, и недостаточной научной разработанностью вопросов их архитектурной организации, комплексного анализа, задач сохранения и адаптации, – с другой. Исследование монастырского зодчества базируется на анализе наиболее характерных примеров орденских монастырей, возведенных на территории этнической Беларуси в XVII–XVIII веках. Историко-генетический метод выявляет взаимодействия системы и основных составляющих ее элементов (монастырских комплексов) в непрерывном динамическом процессе их историко-культурного развития, позволяет провести анализ стилистических систем (барокко и классицизма) как мировоззренческих понятий и эстетических принципов художественного мышления эпох в контексте развития европейской художественной культуры.

Основная часть. В эпоху стилей барокко и классицизм Беларусь не имела своей государственности. Е.Ф. Карский в труде «Белоруссы» (1903 г.) установил, что белорусы жили и на своем языке разговаривали в следующих губерниях бывшей Российской империи: Виленской, Витебской, Гродненской, Минской, Могилевской: «Во всех перечисленных местах говорится о Белой Руси ... это название было общеизвестным, живым, народным, издавна употребительным выражением» [21, с. 115]. Со времени заключения Люблинской унии 1569 г. и до разделов между Пруссией, Австрией и Россией в 1772, 1793, 1795 гг. белорусские земли входили в состав Речи Посполитой (Rzeczpospolita) – федеративного государства, включавшего Великое княжество Литовское и Польшу. Наиболее значительными для развития орденской архитектуры являются XVII–XVIII века, т.к. после разделов Речи Посполитой позиция монашеских орденов значительно ослабла, и их деятельность стала постепенно прекращаться к середине XIX века. Католические ордена формируют свои монастыри в большей степени в западных провинциях. Иезуиты создавали коллегии и резиденции, которые

размещались в городах, а также – миссии, которые располагались в основном в местечках и деревнях.

Характерным признаком монашеского ордена является обязательное проживание его членов в монастыре – «*stabilitas loci*» (постоянство места, лат.). В традиции иезуитов это правило заменяет «*stabilitas provinciae*» – требование проживания члена ордена в пределах определенной территории. Коллегиум не был монастырем как таковыми, т.к. по своему функциональному назначению являлся, прежде всего, учебным заведением со свойственной ему внутренней организацией. Коллегиумы представляли собой большие, часто многоэтажные постройки со сложной планировкой, множеством залов и комнат. С самого начала Общество Иисуса старалось давать своим членам всестороннее образование, а как «орден ученых» они получили под свое руководство созданные после Тридентского собора (1545–1563 гг.) духовные семинарии. Папа Павел III (1534–1549 гг.) утверждением «Общества Иисуса» (1540 г.) предоставляет в распоряжение Церкви механизм ее обновления, основанный на централизованной организации. Глава ордена Игнатий Лойола из «*homines novi*» (новых людей, лат.) полагал, что светская культура служит религиозному идеалу. К средствам, которые способствовали достижению этого, принадлежала концепция воспитания и духовного руководства: любовь к ближнему, забота о спасении души, преподавание, науки и искусства.

В Европе орден иезуитов повсюду осуществлял подготовку священников, основывал и руководил гимназиями, коллегиями и высшими учебными заведениями. Студенты часто объединялись и жили в арендованном зале (*hospicium*) под управлением одного бакалавра или мастера, избранного ими из своих рядов в качестве руководителя. Для бедных студентов были организованы бурсы (лат. *bursa* – кошелек), их основателями главным образом были епископы или другие священнослужители. Перед иезуитами ставились задачи распространения и защи-

ты веры, воспитания католиков, чему служили проповедь и преподавание. Осуществлению задач ордена служили централизм и иерархия; от кинонии иезуиты практически отказались, и любой из них мог по необходимости жить в миру. Орден делился на разряды: 1-й составляли испытуемые – новиции (2 года проходили школу орденской дисциплины (первая экзаминация) – работать в госпитале или совершить паломничество, нищенствуя и босиком), 2-й – схоластики (5 лет изучали общие науки и богословие (вторая экзаминация), 3-й – коадьюторы (терциарии отбирались из схоластиков для годичного новициата (третья экзаминация) принимали монашеские обеты и вели соответствующий образ жизни). Испытуемые и схоластики, хотя и являлись членами ордена, могли свободно жить в миру. Кoadьюторы тоже делились на два разряда: духовные коадьюторы – принимали духовный сан и занимались воспитанием юношества, миссионерством и проповедничеством и светские коадьюторы, работавшие экономками, поварами, управителями и т.п. Самую высшую степень посвящения в Ордене представляли профессы, принимавшие кроме трех обычных монашеских обетов еще и четвертый – обет безусловного повиновения Папе. Профессы, как правило, назначались миссионерами в какой-либо стране. Генерал Ордена выбирался из среды профессов, назначал остальных профессов на должности и руководил деятельностью всего Ордена. Если в нищенствующих орденах верховной властью наряду с должностными лицами обладал генеральный капитул, на котором были представлены либо одни министры, либо также делегаты от конвентуалов, то у иезуитов капитул отсутствовал.

Король Стефан Баторий содействовал иезуитам в открытии коллегий. В королевской грамоте от 20.1.1582 г. указывалось, что коллегия в Полоцке основана для воспитания иезуитами в католической вере юношества, распространения католической веры, устройства римско-католических приходов. В 1812 г. коллегиум в Полоцке был преоб-

разован в Академию, и все другие коллегииезуитов Российской империи были ей подчинены. Иезуитам вскоре после прибытия в Петербург удалось открыть начальную школу для детей прихода Св. Екатерины под названием «Collegium Petropolitatum Paulinum» – «Петербургский коллегийезуитов Св. Павла» (впоследствии – «Дворянский коллегийезуитов»). Преподавание велось на латинском языке. После запрещения деятельности иезуитов, функции образования католического населения были переданы пиарам, затем преимущественно монахам-доминиканцам.

Коллегииезуитов организовались в следующих населенных местах: в Витебске – слонимский воевода Корвин-Гансевский в 1640 г., в Гродно – Самуэль Лоза и Констанция Лоза в 1677 г., в Минске – смоленский бискуп Героним Сагнушка в 1654 г., в Несвиже – в 1581 г. основал М. К. Радзивилл Сиротка (костел в 1586 г. перестроен по инициативе виленского бискупа Юрия Радзивилла), в Пинске – Великий канцлер литовский Альбрехт Станислав Радзивилл прикрепил в городе иезуитов в 1631 г., в Полоцке – в 1579 г. польский король Стефан Баторий основал свою резиденцию, потом передал ее иезуитам (в 1581 г. основано П. Скаргом среднее учебное заведение), а также в Бресте, Орше, Слониме, Слуцке и др.

Коллегийезуитов в Несвиже представлял собой сочетание двух- и трех-этажного (в центральной части) корпусов с внутренним двориком. Рядом со зданием у крепостных стен города был разбит небольшой регулярный парк. В первом этаже коллегийезуитов разместились школа, библиотека, типография, аптека, трапезная, кухня и др. Второй этаж заняли комнаты ректора, кельи монахов и придворная часовня. Три основных корпуса коллегийезуитов были поставлены в плане подобно, северный и южный корпуса – галерейной планировки, восточный – коридорной. С запада квадратный внутренний двор замыкался узким 3-этажным объемом с башней с часами над эркером. Вначале 1-й ярус этого объема представлял собой от-

крытые аркадные галереи вокруг глухой стены с центральным входом. Поздней внешняя аркада была замурована, по бокам входа возведены часовня студенческого братства и зал философии. На 1-м этаже южной части размещались 4 школьные класса с выходом в отдельный двор, огражденный глухой стеной.

В Гродно (1677–83 гг., 1691–1763 гг.) комплекс занимал целый квартал 120 x 160 м, где в середине располагался коллегийезуитов. По обе стороны старого коллегийезуитов располагались хоз. дворы, огражденные с тыльной стороны комплекса флигелями (мастерские, конюшни, сарай для телег). При главной бреме стояла бурса (общежитие для бедных студентов). Рядом с костелом находилось здание аптеки. С севера от него – школа с собственным двором (в этом же здании размещался театр). Остальную территорию занимал большой сад. В трех этажах коллегийезуитов в Пинске (осн. в 1631 г.) были собраны многочисленные служебные и жилые помещения, традиционные для построек этого типа. Самый большой иезуитский коллегийезуитов Беларуси был в Полоцке (в камне отстроен в 1750 г.), превращенный в 1812 г. в иезуитскую академию наук, приравненную к университету. Вплоть до изгнания иезуитов из Российской империи он представлял собой сочетание монастыря с учебным комплексом. Здесь были большое общежитие, многочисленные службы, театр, музей, картинная галерея, типография, книжная лавка, аптека и др. Всего в трехэтажных корпусах коллегийезуитов насчитывалось свыше ста комнат и залов.

При коллегийезуитов часто открывались школы: в Слуцке (в 1698 г. открыта 1-классная школа), в Бобруйске (1760–68 гг. при школе действовал театр) и др. Библиотеки с типографией существовали при гродненском и несвижском коллегийезуитов, в Пинске с 1729 г. при коллегийезуитов работала частная типография. По архивным документам известно о существовании госпиталя (шпиталя) при иезуитском коллегийезуитов в Пинске и др. При монашеских ком-

плексах иезуитов организовывались «бурсы» – общежития для бедных студентов в (Гродно, Пинске, Слуцке и др.), открытые для горожан аптеки (Несвиже, Гродно, Минске, Мстиславле, Полоцк, Слуцк и др.). В Пинске между костелом и коллегиумом вперед от их красной линии выступала в сторону площади аптека. Это характерная черта деятельности иезуитов: свои лечебные учреждения они выносили в места более доступные для прихожан. В Гродно коридоры на уровне 1-го и 2-го этажей связывали аптеку (1763 г. на средства иезуита Эдера) с комплексом коллегиума. Внутренний дворик и узкий проезд отделяли аптеку от костела. Со стороны площади проезд между костелом и аптекой был оформлен брамой с дубовыми воротами. Само здание аптеки представляет собой 2-этажный, прямоугольный в плане корпус с мансардой. На первом этаже размещалось 4 помещения, кухня и коридор. На 2-м этаже размещалось 7 помещений, сени, малая кухня, помещение для хранения «заморских лекарств». Со стороны двора на уровне 2-го этажа здание имело галерею. Спуски с 1-го этажа вели в склеп.

Архитекторы иезуиты привнесли в храмовую архитектуру белорусских земель, возводимую в традиционной византийской системе, новую римскую базиликальную систему, новую схему главного фасада с большим орденом. Церковная жизнь Италии достигает под руководством «общества Иисуса» расцвета, воплотившегося в подъеме церковного зодчества. Новая религиозная концепция определяет характер изменений в архитектуре. Макс Дворжак пишет об этом так: «Способствовать возникновению возвышенных чувств и руководить ими в процессе преодоления земной ограниченности стало высшей целью новой архитектуры» [22, с. 113]. С конца XVI века многие церковные постройки возводились под впечатлением церкви ордена иезуитов Иль Джезу, которая как тип храмового здания стала образцом для многочисленных иезуитских церквей в том числе и первого па-

мятника стиля барокко в Беларуси – костела Божьего тела Несвиже.

Строительство церкви при орденской резиденции коадьюторов в Риме было начато в 1568 г. архитектором Якопо Бароцци да Виньола, и закончено в 1575 г. Джакомо делла Порта. При возведении новой церкви было решено обратиться к композиции с продольным нефом и куполом на средокрестии – композиции, характерной для более раннего итальянского церковного зодчества XII–XIV веков. Постоянно делались попытки объяснить происхождение данной архитектурной формы исходя из процесса эволюции античного зодчества. По мнению М. Дворжака «несмотря на все существующие связи, наиболее важная характерная черта подобных зданий чужда античности в такой же точно степени, как и та новая религия, которой посвящалось здание» [22, с. 98]. В иезуитской церкви прослеживаются, воспринятые по-новому традиции архитектуры предыдущей эпохи, о чем свидетельствует фасад церкви Джакомо делла Порта: усложнены формы, увеличены общие пропорции (пилястры проходят через два яруса). Пространство интерьера, близко по типу к базиликальному, но отличие состоит в том, что боковые нефы превращены в ряды капелл, соединенных между собой и отделенных от главного нефа арками подобными триумфальным. Духовным и художественным центром церкви является подкупольное пространство. Важным элементом в создании архитектурной среды становится свет, который подчеркивает направление к подкупольному пространству через окна в цилиндрическом своде. В апсиде также полумрак, но купол предстает перед посетителем в ярком свете. Распространение в церковной архитектуре основных архитектурных идей Иль Джезу повлекло упоминания об «иезуитском стиле». Но не одни иезуиты способствовали распространению стиля, отвечающего требованиям новых религиозно-нравственных идей и художественно-эстетическим воззрениям эпохи. При использовании нового архитектурного типа цер-

ковного здания шла согласованность с местными традициями, например между готикой и новым римским стилем, что способствовало появлению характерных для северной архитектуры барокко высоких фасадов и башен, вытянутых ввысь интерьеров.

Польский ученый ксендз Ежи Пашенда называет костел Божьего Тела в Несвиже (закончен в 1593 г.) первым храмовым сооружением на территории Речи Посполитой, получившим в плане форму латинского креста с куполом над трансептом и безбашенным барочным фасадом, подобно его прототипу храму Иль Джезу в Риме (1568–1584 гг.) [19, с. 198, 212]. Храмовые здания иезуитов привнесли в архитектуру этнической Беларуси систему купольной трехнефной базилики с трансептом и латинским крестом плана (Несвиж, Витебск, Полоцк, Пинск).

Распространению новых тенденций стиля барокко в культуре Беларуси способствовал несвижский князь Николай Криштоф Сиротка – инициатор перестройки г. Несвижа, начатой в 1586 г. при участии ордена иезуитов – *Societas Jesu* (SJ). Архитектурным произведением иезуитов в стиле барокко стал костел Божьего тела в Несвиже (1587 – 1593 г., архит. Я.М. Бернадони). С именем Бернадони связано появление проектного чертежа, что как полагает Т.В. Габрусь [12] стало переломным моментом в истории архитектуры, ведь до него такая практика не имела места во всей Речи Посполитой. В Беларуси того времени не было собственной архитектурной школы, ее роль исполняли строительные объединения (цехи). Крупнейших зодчих в XVII–XVIII веках подготавливал Рим, Париж, Краков, в кон. XVIII века – художественный факультет в Виленском университете. Иезуиты в местных коллегиях осуществляли подготовку среди братьев: в конце XVIII века в иезуитском коллегииуме Полоцка вводится архитектура как учебная дисциплина. Иезуиты организовывали в Несвиже и свой коллегииум, третий после Виленского (1579 г.) и Полоцкого (1580 г.) и вскоре новый стиль активно рас-

пространяется в XVII – XVIII веке в зодчестве Беларуси. Следует отметить, что каждая постройка имела авторскую интерпретацию от римского прототипа.

Рим являлся средоточием нового, появившегося в итальянской архитектуре периода барокко. Лучшие образцы итальянской архитектуры стали ориентиром духовной и светской власти, для архитекторов в Речи Посполитой. В основу городской планировки эпохи барокко заложены специфические формальные модели, основанные на принципах организации театрального пространства, с возможностью организации религиозных и официальных процессий и праздников. Обычный прямоугольный план улиц не всегда отвечал этим требованиям, поэтому задавались новые отношения между улицами, их застройкой и площадями. В 1595 г. Доминико Фонтана составил проект перепланировки Рима, в которой улицы вели от городских окраин к центру, заканчивающиеся акцентами в городской застройке – зданием или группой зданий и большой площадью. В эпоху раннего барокко формировались планы с радиально расходящимися улицами и закрытыми площадями, в эпоху зрелого барокко – формировалась застройка с несколькими площадями.

В XIV–XVI веках в городах Беларуси на смену градостроительной системе, построенной на принципах обороны (крепость в центре и радиальная сеть улиц) приходит система, в центре которой объекты духовного, социального и экономического факторов общественных отношений. Центром становится площадь, окруженная культовыми, административными и торговыми сооружениями. Организация у храма площади, открытие его городу проявилось в костеле иезуитов в Гродно (1664–1700 гг.), Пинск (1651–75 гг.) и т. д. Градостроительные и художественные принципы барокко – пространственная развернутость и динамичность композиции, контрасты масштабов и ритмов, светотеневые и цветовые эффекты, криволинейность абрисов. Комплексы монастырей, улицы, площади, парки ста-

ли рассматриваться как органичное, функционирующее в пространстве эстетическое целое, многообразно разворачивающееся перед зрителем.

В конце XVIII века, после включения земель Беларуси в состав Российской империи, внедряется новое административно-территориальное деление на губернии и уезды, проводятся крупные градостроительные преобразования, в которых значительное место отводится комплексам иезуитов. В XVIII веке в ряде стран Европы укрепляет свои позиции классицизм, который в Беларуси развивался с востока на запад. Наиболее крупные архитектурные преобразования коснулись восточных губерний, где широкие градостроительные работы велись при участии русских архитекторов. Согласно проектам перепланировки городов, предстояло изменить центры городов в соответствии с симметричными планировочными схемами: планам, как правило, придавались формы прямоугольников или правильных многоугольников. Градостроительные преобразования классицизма сказались и на орденской архитектуре, в том числе на ордене иезуитов с его крупными архитектурными комплексами. Главные фасады иезуитских храмов обращены в сторону общественной и торговой площади города (за исключением Орши, Юровичей на планах XVIII в.), а в частновладельческих городах в Несвиже, Слуцке – в сторону площади, образованной при мостовом въезде в замок магната.

В Минске доминантой в застройке Верхнего города во 2-й половине XVII – начале XVIII века становится иезуитский комплекс с обращенным к площади костелом Иисуса, Марии и Барбары (включал школу, здание коллегиума, ряд хозяйственных сооружений внутри квартала застройки). Панорама Пинска с реки архитектурный центральной площади в значительной мере определяются: иезуитским коллегиумом с костелом Св. Станислава (XVII в.), который занимал главное место в организации городского центра. Корпус коллегиума был ориентирован протяженным фасадом на торговую

площадь, коротким – на реку Пину, угол корпуса закреплен шестигранной башней имеющей оборонные функции, и являвшейся своеобразным контрфорсом [73, с. 78].

К началу XIX века большинство наиболее крупных городов Беларуси имели проектные планы, многие из которых рассматривались и утверждались или разрабатывались в Петербурге. Проектные планы небольших городов, как правило, не учитывали существовавшей планировки и во многих случаях были планами новых городов, где на сложившуюся планировку города была наложена геометрически четкая система улиц. Однако в Беларуси были и крупные города с определенной исторически сложившейся планировкой, закрепленной в основных композиционных узлах каменной застройкой (Минск, Пинск, Гродно, Витебск, Могилев, Полоцк) [23]. При их переустройстве учитывалась капитальная застройка. Города разбивались на районы и кварталы с обязательными правилами застройки, при которой на периферии возводились деревянные дома, в центре – каменные. Композиционными осями являлись главные улицы, в месте пересечения которых обычно организовывалась центральная площадь.

Заключение. Зодчество ордена иезуитов иллюстрирует доминирующие архитектурные и градостроительные тенденции на Беларуси XVII–XVIII вв. в период стилей барокко и классицизм. Барокко явилось художественным воплощением религиозных идей ордена иезуитов и с начала формирования новой художественной концепции возникает тип храмового здания, повсеместно распространившийся в католических странах. Но это не привело к полному копированию западноевропейских прототипов на белорусских землях. Отличные от западноевропейских экономические и климатические условия, византийские традиции местного зодчества усилили тенденцию к появлению своей особой интерпретации архитектурно-планировочной организации и художественно-эстетического облика бело-

русских монастырей, а также к появлению «виленского барокко». Барокко воплотилось на белорусских землях в начале развития стиля в трехнефном безбашенном костеле с куполом в Несвиже (1584–1593 гг.) и в период наивысшего расцвета в трехнефном двухбашенном костел с куполом в Полоцке (1745 г.). Классицизм на белорусских землях развивался с середины XVIII в. с востока на запад, что обусловлено религиозными и геополитическими изменениями, произошедшими после разделов Речи Посполитой и участием русских архитекторов в широкомасштабных градостроительных преобразованиях белорусских городов. Эволюция объемно-пространственных композиций коллегиумов прослеживается от компактных замкнутых комплексов (Несвиж) до развитых городских комплексов монастырей с чертами светского зодчества (Полоцк).

Литература

- Бемер, Г. История ордена иезуитов / Г. Бемер; пер. с нем. Н. Попова. – Смоленск: Русич, 2002. – 455 с.
1. Быков, А.А. Игнатий Лойола: Его жизнь и общественная деятельность: биограф. очерк. / А.А. Быков. – 2-е изд. – СПб.: Тип. т-ва «Общественная польза», 1894. – 77 с.
2. Губер, Ж. Иезуиты. Их история, учение, организация и практическая деятельность в сфере общественной жизни, политики и религии / Ж. Губер; пер. В.И. Писаревой. – СПб.: Изд-во «Павленкова», 1898. – 320 с.
3. Мараш, Я.Н. Ватикан и католическая церковь в Белоруссии (1569–1795) / Я.Н. Мараш. – Мн.: Высшая школа, 1971. – 272 с.
4. Квитницкая, Е.Д. Белорусские коллегиумы XVIII в. / Е.Д. Квитницкая // АН. – М.: Изд-во лит. по строит., 1972. – № 19. – С. 12–26.
5. Квитницкая, Е.Д. Коллегиумы Белоруссии XVII в. / Е.Д. Квитницкая // АН. – М.: Стройиздат, 1969. – № 18. – С. 3–17.
6. Квитницкая, Е.Д. Планировка Гродно XVI – XVIII вв. / Е.Д. Квитницкая // АН. – М.: Стройиздат, 1964. – № 16. – С. 11–38.
7. Квитницкая, Е.Д. Приемы формирования торгово-административного центра Витебска в XVIII в. / Е.Д. Квитницкая // АН. – М., 1974. – № 22. – С. 135–149.
8. Квитницкая, Е.Д. Центры городов Белоруссии в XVI–первой половине XIX в. / Е.Д. Квитницкая // АН. – М., 1983. – № 31. – С. 28–50.
9. Чантурия, В.А. История архитектуры Белоруссии конца XVIII–начала XIX в. / В.А. Чантурия. – Мн.: Изд-во МВСС и ПО БССР, 1963. – 168 с.
10. Чантурия, В.А. История архитектуры Белоруссии: Дооктябрьский период. / В.А. Чантурия. – 3-е изд. – Мн.: Выш. шк., 1985. – 296 с.
11. Габрусь, Т. Праверапаная алгебрай гармонія: Пачатак архітэктуры Новага часу на Беларусі / Т. Габрусь, Г. Галенчанка // Мастацтва Беларусі. – 1990. – № 5. – С. 70–75.
12. Габрусь, Т.В. Мураваная сакральная архітэктура беларускага барока (генезіс і эвалюцыя): дыс. д-ра мастацтвазнаўства: 17.00.04. / Т.В. Габрусь. – Мн., 2002. – 234 с.
13. Морозов, В.Ф. Классицизм в архитектуре Беларуси: дис. ...д-ра арх-ры: 18.00.01. / В.Ф. Морозов. – Минск, 2001. – 260 с.
14. Чантурия, Ю.В. Развитие градостроительства Беларуси (вторая половина XVI – первая половина XIX в.): дис. ...д-ра арх-ры: 18.00.04. / Ю.В. Чантурия. – Минск, 2003. – 241 с.
15. Morelowski, M. Zarysy syntetyczne sztuki Wileńskiej od gotyki do neoklasycyzmu / M. Morelowski. – Wilno: Grafika, 1938–1939. – 162 s.
16. Bernatowicz, T. Miles christianus et peregrinus. Fundacje Mikołaja Radziwiłła «Sierotki» w ordynacji Nieszwieskiej / T. Bernatowicz. – Warszawa: Wyd. Neriton, 1998. – 234 s.
17. Ciechanowiecki, A.S. Nieszwież: Międzynarodowy ośrodek kultury na Białorusi: od XVI do XX w. / A.S. Ciechanowiecki. – Warszawa: Zakład poligr. P. Włodarskiego, 1994. – 47 s.
18. Paszenda, J. Kościół Bożego Ciała (pojezuicki) w Nieszwieżu / J. Paszenda // Kwartalnik Architektury i Urbanistyki. – Warszawa, 1976. – Nr. 21. – Zasz. 3. – S. 195–216.
19. Слюнькова, И.Н. Монастыри восточной и западной традиции. Наследие архитектуры Беларуси / И.Н. Слюнькова. – М.: Прогресс-Традиция, 2002. – 600 с.
20. Карский, Е.Ф. Белоруссы: в 2-х т. / Е.Ф. Карский. – Варшава: Тип. Варшавского учеб. округа, 1903. – Т. 1: Введение в изучение языка и народной словесности. – 466 с.
21. Дворжак, М. История итальянского искусства в эпоху Возрождения: курс лекций / М. Дворжак; пер. И.Е. Бабанова. – М.: Искусство, 1978. – Т. II: XVI столетие. – 395 с.
22. Егоров, Ю.А. Градостроительство Белоруссии / Ю.А. Егоров. – М.: Гос. изд-во лит. по строит. иarchit., 1954. – 282 с.

**SACRAL ARCHITECTURE OF THE JESUIT
ORDER IN BELARUS: FROM BAROQUE TO
CLASSICISM**

Kolosovskaya A.N.

Baroque – one of the styles directions in the art of Europe, on the Belarusian land appeared at the end of the XVI century and was gradually replaced from the second half of the XVIII century by Classicism. Baroque appeared in Italy and embodied dominating idea in society – the religious idea which has arisen on a wave of reforms of Catholic Church and monastic order of Jesuits. The church of God's body in the Niasvizh of the Order of Jesuits became the first monument of baroque in the Polish-Lithuanian Commonwealth territory which structure included the Belarusian lands from the middle of the XVI century. Gradually baroque, became the main art direction in architecture of all the Orders monasteries of

Belarus of the XVII–XVIII centuries. Style allowed creating compositions subordinated to a uniform plan, and during too timing to emphasize identity and to develop the special direction – «Vilensky baroque». Change of dominating ideas in society and prevalence in culture of New time of secular elements led to emergence in architecture of France of the middle of the XVIII century new, quickly extending across Europe, the art direction – Classicism. Lacnic forms in architecture and renewal of principles of ancient art promoted development of style which became widespread in cult architecture of Belarus of the end of the XVIII century and found the embodiment in large town-planning complexes of the Order of Jesuits.

Поступила в редакцию 5.06.2012

УДК 726.71(476)(091)

**КОМПОЗИЦИОННЫЕ ОСОБЕННОСТИ
СПАСО-ПРЕОБРАЖЕНСКОЙ ЦЕРКВИ В ПОЛОЦКЕ**

Лаврецкий Г. А.

канд. искусствоведения, доцент, кафедра «Теория и история архитектуры», БНТУ

В статье рассматриваются принципы построения архитектурной формы Спасо-Преображенской церкви в контексте близости ее планировочной системы аналогичным по времени балканским и древнерусским храмам. Проблема создания развитого по высоте храма была решена в полоцком зодчестве XII в.

Введение. Одной из задач изучения выдающегося памятника полоцкой архитектуры XII в. является определение основных архитектурно-планировочных и объемно-композиционных особенностей храма с целью его атрибуции, моделирования процесса его возведения, выявления закономерностей построения архитектурной формы. Особенностью архитектурного облика и богословско-художественного образа Спасского храма является наличие трифолиев в завершении прясел стен и в форме постамента.

Трехлопастное завершение фасада было известно в церковной архитектуре (например, церковь Спаса на Берестове, Киев, нач. XII в.), но эти объекты никак нельзя считать примером для Спасского храма. Откуда же пришла такая форма в полоцкую архитектуру? «Житие» повествует, что Евфросиния почитала книжное дело. В качестве заставок в греческих и древнерусских рукописных книгах часто использовались мотивы храмовой архитектуры. При этом можно пред-

положить, что в обрамлении миниатюр могли быть запечатлены общий абрис плана и силуэт того храма, для которого изготавливалось конкретное Евангелие. Примечательно, что в книжных иллюстрациях часто встречается форма трифолия как с циркульными очертаниями (аллюзия на апсидную группу), так и форма трифолия с пламенивидным завершением (завершениями). Такие формы запечатлены не только в древних богослужебных книгах, но и в храмовой декорации.

Основная часть. Н. Брунов, и И. Хозеров видят в применении «кокошников» исключительно художественную форму. «Остатки внимания на декоративной обработке постамента в виде трехлопастных фасов бестериальных частей, нам представляется одна возможность дальнейшего развития указанной обработки в вопросе о происхождении трехлопастных фронтонов Новгородских церквей от 13 века и Псковских 14 века» [12, с. 18]. «Подобием закомар», «псевдозакомарами, вносящими некоторую живописность» называл этот элемент П. Максимов [8, с. 47]. Н. Брунов сделал вывод, что «в основе трехлопастных аркококошников собора Евфросиниевского

монастыря лежат трехлопастные деревянные бочки, а сам «строитель собора не сумел «сочетать» воспринятые им из деревянного зодчества формы с каменными конструкциями» [2, с. 19]. По его мнению, конструкции постамента не только не оправданы с инженерной точки зрения, «но и представляют собой значительный лишний груз, положенный на своды и арки, вследствие чего пришлось заметно усилить столбы и стены здания» [2, с. 19].

Зодчий Иоанн был представлен как «самоучка, или, может быть, плотник, наспех обучившийся кирпичной технике и не успевший ещё глубоко с ней освоиться» [1, с. 124]. Ю. Асеев утверждал, что постамент «напоминает «крещатую бочку» русских деревянных построек, применявшуюся раньше как в деревянных зданиях, так и в «надрубленных верхах» каменных зданий». Такую же форму завершения автор предполагал и в Пятницкой церкви Бельчицкого монастыря [3, с. 586]. В. Чантурия также считал, что «зодчий воспроизвел в кирпиче деревянные «бочки», которые надрубались над покрытиями каменных зданий» [13, с. 188].

Н. Воронин сомневался в подобных выводах и замечал, что строитель был «не новичок в кирпичной технике». Вместе с тем, автор считал, что постамент храма, имевший на торцах форму трифолия, представлял собой «вредный огромный монолит, давивший, на своды» [5, с. 267], и всё-таки запас прочности и устойчивости здания был обеспечен «резвым строительным расчётом» [5, с. 261, 303].

Но являются ли «кокошники» только декоративным элементом, как считают многие исследователи? Ю. Спегальский, изучая влияние полоцкого храма на псковское зодчество, считал, что «разумность и естественность для каменного здания конструкции, применённой в Спасском храме, и полезная роль его кокошников совершенно ясны» [10, с. 57]. Он считал, что благодаря трифолиям давление от главы передается не только на подкупольные опоры, но и на боковые своды и стены четверика, а конструк-

ции постамента Спасского храма облегчают работу его столпов.

Примечательная черта конструкции постамента – дополнительные, слегка наклонные двойные контрфорсы в юго - западном секторе барабана. Эффективность работы арок трифолиев зависела от расстояния между подкупольными столпами и четвериком. Чем меньше это расстояние, тем большая часть нагрузки передаётся на стены, облегчая работу столпов. При увеличении параметров храмового девятиполья рациональность такой конструкции снижалась бы, а при значительном расстоянии от подкупольных столпов постамент был бы бесполезным грузом и приводил бы к деформациям и последующему разрушению.

Мастер Иоанн в полной мере учитывал особенности работы применённой им конструкции. Расстояние между подкупольными столпами и стенами постамента он сократил до предела. Это привело к уменьшению вместимости боковых нефов, что было компенсировано довольно глубоким нартексом. При этом отсутствовали стены, которые обычно разделяли нартекс от кафоликона, как это было, например, в Борисоглебской церкви Бельчицкого монастыря. Справедливо допустить, что этот храм был «предтечей» Спасского [4, с. 3 – 9]. С узкими боковыми нефами логично связано и отсутствие боковых апсид. Таким образом, вся композиция храма predeterminedена замыслом его подкупольной конструкции [10, с. 58]. Такой приём логичен и рационален именно для каменного здания. Изобрести его мог только мастер, обладавший большим практическим опытом и пониманием работы каменных конструкций.

Задача возведения ярусного башеннообразного храма, поставленная мастером Иоанном, нашла своё продолжение в смоленской, новгородской, черниговской, псковской. Наиболее ранний храм с развитым постаментом – Троицкий собор на псковском Крому, построенный в 1367 г., Впоследствии такие формы появились в московской школе зодчества. Причем, в тех храмах, где

кокошники являлись только декорацией, произошли обрушения сводов. Поэтому декоративные кокошники буквально «прилеплялись» к цилиндрическим поверхностям барабанов.

«Кокошники» Спасо-Преображенской церкви отмечались всеми исследователями, без попыток определить их семантическое значение или связать с архитектурно-православными традициями не предпринималось. В отношении трифолиев в завершении стен храма и оформлении постамента издавна сложилась традиция трактовать их как только декоративные. Находясь в непосредственной связи с конструкциями храма, трифолии Спасо-Преображенской церкви в Полоцке являются элементом именно богословской, архитектурно-символической программы. Красота всего арсенала выразительных средств архитектуры является одним из проявлений «богоподражания».

Если мы проанализируем пропорции многих древнерусских храмов, в частности, совместим чертежи планов и высотных построений, мы увидим поразительное совпадение основных параметров. И. Хозеров также отмечал, что «самый факт разбивки плана собора исходил из тщательно продуманной художественной идеи здания как архитектурного тела, созвучного в своих частях [11, с. 48].

На основе проведенных историко-архивных и библиографических изысканий были сделаны графические реконструкции Спасо-Преображенской церкви. В основу графической реконструкции может быть положено исследование метрологической структуры храма, выявление исходной меры, сопоставление вычисленной системы с существующими конструкциями. Планировочная система Спасо-Преображенской церкви содержит качества, контрастно выделяющие это сооружение из всей совокупности памятников восточно-христианской архитектуры. Это, в первую очередь, четкое зонирование храма, вызвавшее появление дополнительного пространства в верхнем уровне нартекса (западной части, примы-

кающей к девятиполюю). Восьмигранные столбы, наличие боковых келий верхнего яруса, пластическая программа и др. – все это заставляет намного расширить поиски возможных исторических аналогий, усложняет определение жанра храма. Планировка Спасо-Преображенской церкви относится к типу крестовокупольных храмов с куполом на четырех опорах, восточная пара которых переходит в ограждающую конструкцию. Это явление чисто греческое [9, с. 150].

Храм имеет удивительное свойство: в большинстве своем храмы, имеют стену, отделяющую католикон от нартекса, в то время как хоры раскрыты почти по всей ширине храма.

Особенностью планировки является и контрастно малая ширина боковых нефов по отношению к главному. Связано это с прогнозом работы конструкций и с проблемой придания сооружению достаточной статической стабильности. Пространство нижнего яруса нартекса раскрыто в кафоликон, а на хорах устроены кельи, сужая тем самым раскрытие хор в храм до параметров ширины главного нефа. Восьмигранная форма опор (по сведениям И. Хозерова, эти опоры на уровне пола имеют крестовую форму) также могла быть продиктована желанием увеличить вместимость здания.

План храма не совсем корректно называть шестистолпным. Восточные опоры подкупольного пространства, по сути, являются выступами стены. Эта стена разделяет помещения алтарной зоны, соединённые узкими проходами. Форма сечения столпов Спасского храма требует также анализировать подобные примеры в землях византийского влияния.

Из наиболее ранних примеров такого планировочного решения, возможно также продиктованного прогнозом работы выше лежащих конструкций, можно назвать церковь Успения в Скрипу (Беотия), 873 – 874 гг. Особо хочется отметить её базиликальную протяженность. При сравнении со Спасским храмом в Полоцке можно отметить стремление к созданию в объемно-

пространственной композиции равноконечного креста. В этом храме уже на уровне плана выделен крестообразный массив [14, с. 41]. Здесь было положено начало особого типа греческого храма IX – XII вв., так называемого, храма переходного типа.

В церкви Панагии в Епископии в Евритании, 2 пол. IX в. [9, с. 146], где такое же свойство подкупольных опор, крест вписан в продольные стены здания и не выступает в виде трансепта за пределы храма. Сформировалась чёткая и компактная купольная композиция [9, с. 109]. В Спасском храме форма креста проявится на уровне хор, но ещё на этапе разметки плана предполагается создание пространственного креста, вписанного внутри стен.

Стремление гармонично соотносить параметры храма, создать хорошо читаемую композицию, основанную на кубоподобной основной части кафоликона ощущается в церкви Панакиотиссы в Гавролимни, X в. [14, с. 54]. Те же задачи, которые стояли при формировании композиции рассмотренных выше примеров, нашли здесь своё решение. Церковь Фетие Джамы, Константинополь, XI в. даёт ещё один пример развития типа храма переходного типа. Те же тенденции организации объёмно-пространственной композиции, как и в предыдущих примерах, получают дальнейшее развитие, однако западная зона девятиполюя несколько вытянута, что свойственно для Благовещенской церкви в Витебске [6, с. 126].

В церкви Паммакарistos (Богородицы Радующейся), Константинополь, XI в. такая же система опор. К тому же здесь мы видим более выраженное по отношению к другим храмам сужение ширины вимы [7, с. 162]. Это же явление использовано и в Спасском храме в Полоцке, и в Благовещенской церкви в Витебске, причём в последней это сужение достигнуто за счёт трапециевидной формы. В церкви Феодоры в Вамбаке использован прием сочетания в подкупольном квадрате западной пары колонн с восточными опорами, являющимися выступами

алтарной стены, разделяющей жертвенник, алтарь и диаконник [14, с. 54].

Можно предположить, что *Введение* в структуру интерьера колонн было продиктовано желанием несколько увеличить площадь девятиполюя храма. Важно и то, что ширина боковых нефов довольно узка и равна толщине стен. Это свидетельствует о применении зодчими при разбивке плана модулей, как это отмечено и в Спасском храме в Полоцке.

Весьма близка по своим композиционно-планировочным чертам этому зданию церковь Архангелов (Таксиархи) в Месариасе на острове Андрос, 1158 [9, с. 148]. Это и квадратная форма храма, и упоминавшаяся выше система опор, причем, западная пара намного изящнее. Боковые нефы заканчиваются нишами, никак не выраженными извне. Такой приём характерен для довольно большой группы памятников полоцкой школы зодчества, в том числе, и для Спасского храма. Притвор (нартекс) довольно велик по отношению к храму.

Болгарские храмы XI – XII вв. показывают, что такая же традиция формирования храмовой композиции развивалась наряду с другими. Существовало несколько типов построения объёмно-пространственной композиции храма. При множестве методов, существовавших у разных строительных артелей, не корректно говорить о «шаге назад» [14, с. 109, 110]. Церкви этого времени развивают традиции формирования композиции храма «переходного типа». Это компактные, с кубоподобным основным объёмом сооружения.

Можно выделить из этой группы храм в Селище 1. У него довольно узкие боковые нефы, заканчивающиеся нишами в восточной стене, в качестве западной пары подкупольных опор использованы колонны, т.е. черты, свойственные Спасскому храму в Полоцке. Основное отличие – стена, разделяющая нартекс и кафоликон. В храме в Селище 2 примечательна разбивка плоскостей наружных стен на ритмические участки. Храмы Иоанна в Месемврии и в монастыре

Земен показывают, что стремление создать компактный объем с максимально приближенной алтарной зоной, нашло здесь своё воплощение. В земенском храме также примечательна строгая квадратная форма девятиполюя, как и в храме Спаса в Полоцке.

Заключение. Таким образом, Спасский храм можно считать ярким проявлением черт полоцкой архитектурной школы. Под категорией «архитектурная школа», прежде всего, предполагается устойчивый строительный опыт и способ формировать пространство в определенной системе мер и пропорций. Непосредственная связь с греческой и киевской архитектурно-строительной традицией XI – XII вв. привела к появлению самостоятельной школы, не похожей ни на одну из существующих в соседних княжествах, а также в дальних. Это выразилось в своеобразном методе формирования пространства. В немалой степени особенность гродненской школы, и, прежде всего, Борисоглебской церкви, проявилась в особом способе ориентации сооружения в соответствии с канонами.

Литература:

1. Брунов, Н.Н. *К вопросу о самостоятельных чертах русской архитектуры X – XII вв.* /Н.Н. Брунов/ Русская архитектура. М.: 1949. – 250 с.
2. Брунов, Н.Н. *Мастера древнерусского зодчества* /Н.Н. Брунов. – М.: Стройиздат, 1948. – 245 с.
3. Вагнер, Г.К. *Канон и стиль в древнерусском искусстве* / Г.К.Вагнер. – М.: Искусство, 1987. – 288 с.
4. Воронин, Н.Н. *Бельчицкие руины* /Н.Н.Воронин // Архитектурное наследство, № 6, М.: Стройиздат, 1956. – 270 с.

УДК 72.01(476)

КАКИМ БЫТЬ ПРОТЕСТАНТСКОМУ ХРАМУ

Лаврецкий Н. Г.

магистр архитектуры, аспирант, кафедра «Архитектура жилых и общественных зданий», БНТУ

В данной статье рассматриваются исторические и социальные предпосылки строительства в Минске лютеранского храма, а так же анализируются возможные пути решения этого вопроса – выбор места строительства и характер самого архитектурного проекта.

5. Воронин, Н.Н. *У истоков русского национального зодчества* /Н.Н. Воронин //Ежегодник Института истории искусств.1952. Животись. Архитектура. М.: 1952. – 320.
6. Комеч, А.И. *Древнерусское зодчество конца X – начала XII вв.* /А.И. Комеч. – М.: Наука, 318 с.: ил.
7. Коуп, Э. *Основы архитектуры* /Э.Коуп. – М.: Арт-Родник, 2002. 352 с.: ил.
8. Максимов, П.Н. *Творческие методы древнерусских зодчих* /П.Н.Максимов М.: Стройиздат, 1975. – 240 с.: ил.
9. Полевой В.Н. *Искусство Греции. Средние века* /В.Н. Полевой. – М.: Искусство, 1973. – 350 с.: ил.
10. Снегальский, Ю.П. *Каменное зодчество Пскова* /Ю.П. Снегальский. – Л., Стройиздат, Лен. Отд., 1976. – 120 с.: ил.
11. Хозеров, И.М. *Белорусское и смоленское зодчество XI – XIII вв.* /И.М. Хозеров.– Мн.: Навука і тэхніка, 1994. – 151 с.
12. Хозеров, И.М. *К исследованию конструкции Спасского храма в Полоцке* /И.М. Хозеров. – Издание автора. Смоленск: 1928. – 21 с.: ил.
13. Чантурия, В.А. *Архитектурные памятники Белоруссии* /В.А. Чантурия. – Мн.: Польша, 1982. – 223 с.: ил.
14. Якобсон, А. Л. *Закономерности в развитии средневековой архитектуры. XI – XV вв.* Л.: Наука, 1987. – 234 с.: ил.

THE COMPOSITIONAL FEATURES OF THE CHURCH OF TRANSFIGURATION OF SAVIOR IN POLOTSK

Lavretsky G.

The church of Transfiguration of Saviour in Spaso-Eufrosinievski monastery is an outstanding example of development of Byzantine tradition in Old Russian architecture in XII c. Well-defined planning structure, existing in significant for Polotsk church, was the base for development architectural school at that time. Planning, metrology, symbolism of spaces point out to some principles took place there.

Поступила в редакцию 19.04.2012

Введение. В XXI веке белорусская культовая архитектура испытывает определенные проблемы стилевой идентификации в виду того, что за долгое время «научного атеизма» на протяжении XX в. была прервана архитектурная традиция проектиро-

вания храмов вообще и протестантских храмов в частности. В настоящее время активизировалось строительство новых храмов, особенно православных, несущих в своей концептуальной основе идею преемственности традиций, а по сути, воспроизведение хорошо узнаваемых исторических первообразов. Постоянный рост числа христиан-протестантов настоятельно требует строительства и соответствующих святынь. В частности, имеется необходимость строительства лютеранского храма в Минске.

Протестантизм в Беларуси имеет свои давние корни. Реформаторское движение в Великом княжестве Литовском было тесно связано с гуманистической культурой и реформаторскими событиями на западе Европы. Политическая элита Великого Княжества Литовского с целью укрепления политического самосознания нации в XVI веке сделала ставку на Реформацию. Социально-культурный пласт ВКЛ все активнее вливался в контекст европейской цивилизации. С одной стороны, недовольство экспансией католицизма с разветвленной системой различных орденов и их бурной миссионерской деятельностью на территории ВКЛ, с другой, – адекватные отношения протестантизма со светскими общественными институтами Европы, способствовали тому, что идея обновления религиозного мышления становилась все более привлекательной. В 1523-1546 годах лекции Мартина Лютера в Витенбергском университете прослушали 20 студентов-аристократов из ВКЛ. К тому же территориально-конфессиональные претензии Московского княжества были весьма тревожны.

Значительное влияние на мышление магнатов ВКЛ оказало Возрождение и Реформация в Польше, а также тот факт, что в зависимом от Польши соседнем Прусском княжестве в 1525 г. лютеранство стало государственной религией. В 1544 г. в Кенигсберге был основан лютеранский университет, где получали образование многие литвинские протестанты [1].

Основная часть. Самое раннее упоминание о протестантизме на территории Беларуси относится к 1535 г., когда князь Юрий Семенович выделил в принадлежавшем ему городе земельный участок для постройки лютеранской церкви. Первым проповедником-лютеранином в Беларуси стал в 1539 г. Аврам Кулева или как его еще называли – Авраам Кульма. Образование и ученую степень доктора богословия он получил в Германии, где был посвящен в сан римско-католического священника. Возвратившись в Вильно, Кулева начал распространять не римско-католическое, а лютеранское учение. Но лютеранство на тот момент не нашло большого количества последователей на территории ВКЛ.

Однако в последующие десятилетия положение коренным образом изменилось. В течение 1553 – 1563 гг. на территории ВКЛ возникает около 200 протестантских приходов. В 1561 г. Радзивилл открыл молельни в Несвиже, Клецке, Орше, Шимянах, Ивье, Кейданах, Бресте, Витебске, Городее, Заславле, Минске, Слуцке, Сморгони [1]. В 1660 г. в кальвинизм перешло достаточно много литовских магнатов: Радзивиллы, Кишки, Сапеги, Нарушевичи, Воловичи и другие. Кальвинизм принимает как большая часть белорусской шляхты, так и их крестьянство.

Отдельные сохранившиеся источники свидетельствуют также о том, что во владениях белорусских магнатов-протестантов многие крестьяне добровольно исповедовали эту же веру.

Борьба с влиянием Польши на ВКЛ в пользу более выгодных экономических и политических связей со Швецией велась на протяжении всей первой половины XVII века. В результате этой борьбы политической верхушкой ВКЛ было принято решение о выходе из военных действий, которые были инициированы Жигимонтом Вазой в борьбе за шведскую корону (так называемая Первая Северная война). Вскоре под давлением политической элиты ВКЛ Жигимонт Ваза был вынужден приостановить военные действия и заключить мирное соглашение

со Швецией. Эти действия выявили явную прошведскую ориентацию элиты ВКЛ - в основном ее протестантской части. Впоследствии эти действия привели к заключению Кейдановской унии ВКЛ со Швецией, которую белорусско-литовская шляхта осуществила в 1655 г. вместе с сыном Кристофа Радзивилла – Янушем Радзивиллом, известным в ВКЛ защитником протестантской церкви [2].

В 1653 г. Януш Радзивилл стал главным патроном Полоцкого кальвинистского собора. При этом князь был последовательным приверженцем религиозной толерантности. Одной из его идей было объединение в единую церковь различных течений протестантизма (кальвинистов, лютеран, ариан). Будучи кальвинистом, Януш Радзивилл при этом финансово поддерживал лютеранские общины.

Как и святыни основных, традиционных для ВКЛ конфессий, протестантские храмы возводились в сложившейся урбанистической и ландшафтной среде. Первые сведения о кальвинском сборе с приходской школой в Минске относятся к 1560-м гг. В начале XVII в. протестантская община своими силами построила сбор на углу Рыночной площади, однако минские сборы были небогаты в виду отсутствия у них влиятельных патронов. Во время войны середины XVII в. сбор был разрушен и частично восстановлен в 1671 г. Сведений о его внешнем виде до нас не дошло, известно лишь, что здание было деревянным.

По мере возникновения религиозного противостояния здания протестантских церквей перестраивались. При этом архитектурно-композиционная система новых, эклектичных, по сути, сооружений оставалась вполне цельной и гармоничной (Заславль, Сморгонь и др.).

После того, как протестантская церковь на территории Великого Княжества Литовского в связи с аннексией Российской Империей потеряла свое влияние, в исторических источниках отсутствуют упоминания о

протестантских храмах г. Минска вплоть до середины XIX в.

В XIX вв. в Минске существовало лютеранское предместье в районе нынешней улицы Карла Либкнехта. Помимо сохранившейся деревянной застройки квартала, имеющей сегодня статус историко-культурного наследия, предместье также включало в себя лютеранскую часовню св. Николая с прилегающим кладбищем. К большому сожалению, на данный момент не сохранилось ни самого здания часовни, ни каких-либо графических материалов, из которых могло бы сложиться впечатление о внешнем виде храма и его роли в формировании планировочного ядра и силуэта застройки.

Учитывая тот фактор, что на месте главной городской кирхи, входившей в Лютеранское Подворье XIX века на бывшей улице Захарьевской, сейчас находятся здания, образующие застройку проспекта Независимости [3], вариант с постройкой храма именно на той территории, где находилась часовня св. Николая – в сквере по улице Карла Либкнехта, является наиболее логичным и исторически обоснованным.

Вопрос о строительстве в Минске лютеранского храма своевременен и актуален. Существование в Минске двух лютеранских общин настоятельно требует создания святынь. Главный принцип в возведении подобных объектов – попытка позиционирования храма как архитектурного акцента в сложившейся застройке в соответствии с современными нормами проектирования, материалами, и т.д.

И вот тут перед потенциальным проектировщиком возможного храма встанет вопрос – каким должен быть внешний облик этого сооружения? Ведь, если говорить о реконструкции, то никаких источников, которые могли бы хотя бы натолкнуть на мысли об архитектурном образе бывшей часовни не сохранилось. А если опираться на образ кирхи, стоявшей в центре города, то неизбежен дисбаланс, ведь она проектировалась исходя из градостроительного си-

луэта Минска и рассматривалась в контексте сложившегося архитектурного ансамбля центральной части города. Храмовый комплекс Лютеранского Подворья включал в себя сад, каменный двухэтажный дом и одноэтажный флигель, в котором в начале XX в. параллельно действовал кинотеатр «Гигант». С другой стороны, она была спроектирована и построена согласно канонам протестантской и, в частности, лютеранской архитектуры, поэтому с этой точки зрения именно такой вариант наиболее приемлем. Архитектурный образ этого здания является характерным примером протестантской архитектуры XIX – нач. XX в. в Беларуси в целом и в г. Минске, в частности. Наиболее ценным этот пример является и в связи с тем, что в дальнейшем на протяжении XX – нач. XXI вв. белорусская протестантская архитектура «выпала» из общей архитектурной традиции и адекватных современности примеров и канонов не имеет. Спорадические попытки создать социально-культурно-сакральные центры никак не инициировали тенденции в развитии интереснейшего пласта современной белорусской архитектуры.

Можно рассмотреть вариант постройки псевдоисторического храма, который станет очередным опытом стилизаторства, с присутствием ему методом «цитирования» исторических форм. В этом случае можно будет наблюдать такие характерные черты эклектического подхода к проектированию, как пренебрежение во-первых, принципом единства времени и места (хронотопным) и во-вторых, принципом стилевой цельности (стилесмещением).

Подобные примеры мы видим в «реконструкции» окончательно утраченных памятников архитектуры – таких, например, как гостиница «Европа» и т.д. В последнее время попытка современного автора «проникнуться эпохой», вжиться в «то время», а по сути, заигрывать с историей, предпринималась много раз. В итоге – неискренность и своего рода «одевание» современных ар-

хитектурных приемов и конструкций в псевдоисторические фасады.

В отношении к проблеме создания протестантского храма в вышеозначенном районе ул. Карла Либкнехта очень тонка грань между собственно реконструкцией и попытками подражать определенному архитектурному стилю, что вдвойне опасно ввиду того, что мы не знаем как выглядела часовня и, следовательно, некоего полного и наиболее близкого цели примера, на который мог бы ориентироваться архитектор, нет.

В конце концов, остается третий вариант – строительство совершенно нового храма (храмового комплекса) согласно задачам именно протестантской культовой архитектуры, со всеми присущими для такого ансамбля службами, но в ключе современных архитектурных течений и идей. В качестве достоинств такого решения можно записать возможность спроектировать храм, опираясь на конкретную градостроительную ситуацию, где будет учтена геопластика местности, окружающая застройка, элементы инфраструктуры и точки восприятия.

Такой вариант позволяет оторваться от равноприсущего как белорусской архитектурной реконструкции, так и современному белорусскому культовому зодчеству стремления к псевдоисторичности, что, несомненно, является достоинством, так как архитектура, оглядываясь на удачный опыт прошлых лет, должна, как и всякая прикладная дисциплина, двигаться вперед. В этом отношении любопытен зарубежный опыт, призывающий к парадоксу: «полному отходу от сложившейся традиции для создания истинно традиционного сооружения».

Возможными же рисками при выборе нового архитектурного образа является уже упомянутое несоответствие используемых приемов белорусской культовой архитектуры как национальной, так и мировой архитектурной традиции. Это в первую очередь касается протестантской архитектуры ввиду долгого перерыва в строительстве подобного типа зданий на территории Беларуси. В данный момент среди белорусских ар-

хитекторов отсутствуют носители такого опыта – опыта проектирования современных культовых сооружений вообще и протестантских в частности, поэтому такой проект потребует серьезной и длительной подготовки, архитектурных изысканий и изучения большого количества соответствующих материалов.

И, тем не менее, предпочтителен выбор именно этого варианта решения поставленной задачи – строительство абсолютно нового храма по современному проекту. Можно выразить уверенность, что такой проект позволит белорусской культовой архитектуре сделать шаг вперед к современным тенденциям в проектировании и строительстве актуальных культовых сооружений. Это даст возможность достичь архитектурно-пластической и колористической выразительности за счет применения новых конструкций и отделочных материалов.

Особое внимание должно быть уделено и синтезу искусств. В настоящее время необходим комплексный, ансамблевый подход в формировании сакрально-культурной среды. Протестантские традиции при всем принципиальном отрицании внешнего «благолепия» на всем протяжении развития способствовали развитию изобразительного искусства и скульптуры.

Пластические произведения стали неотъемлемой и органичной составляющей многих протестантских храмов, как древних, так и вновь построенных (Берлин, Гамбург, Мюнхен и др.). Для г. Минска, с его бога-

тым опытом монументальной пластики, создание скульптур с глубоким социальным содержанием было бы желательным не только с точки зрения формирования синтезированной художественно-сакральной среды, но и с точки зрения информационно-коммуникативной функции искусства.

Заключение. Сейчас в Минске есть не только потребность в строительстве лютеранского храма, но и возможности к осуществлению этого проекта: имеется исторически сложившийся соответствующий участок для строительства и примеры культовых построек для ориентации на них. Проектирование и постройка такого объекта будет индикатором активного развития в современной белорусской культовой архитектуре.

Литература:

1. Габрусь, Т.І. Мураванья харалы: Сакральная архітэктура беларускага барока /Т.І. Габрусь. – Мінск: Ураджай, 2001. – С. 84-90.
2. Котлярчук, А. Шэзды ў гісторыі і культуры беларусаў/А. Котлярчук. – Мінск: Энцыклапедыкс, 2002. – 272 с.
3. Архітэктура Беларусі/ «Беларуская энцыклапедыя», м-во Інфармацыі РБ; ; редкол. Воинов А. А. [и др.], - Мн.: БелЭн: 1977. - 620 с.

WHAT SHOULD TO BE A PROTESTANT CHURCH

Lavretsky N.

This article describes the historical and social preconditions for the construction of the Lutheran church in Minsk as well as analysis of possible solutions to this problem such as the choice of the construction place and architectural design.

Поступила в редакцию 19.04.2012

УДК 72.036(476)(091)

ИДЕИ НАЦИОНАЛЬНОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ В АРХИТЕКТУРНОЙ СТИЛИСТИКЕ БЕЛАРУСИ 1920 – 30-х гг.

Морозов Е.В.

кандидат искусствоведения, кафедра искусств, БГУ

Рассматриваются стилистические интерпретации национальной идеи в архитектуре Беларуси в межвоенное время, 1920-30-е гг. В связи с вхождением белорусских земель в состав двух государств эти поиски складывались по-разному в восточных и западных регионах. На отдельных примерах белорусской практики разбираются «белорусский стиль»,

усадебный, закопанский стили, стилизованные формы готики и барокко.

Введение. Вопрос воплощения национальной идеи в архитектуре является актуальным во все времена. И сегодня основу существования современного государства

слагают национальная специфика и самоидентификация, которые формируются, в том числе и посредством произведений искусства, их интерпретации, освоения национальной истории. В новых политических реалиях дорабатывается и переосмысливается определение белорусского национального феномена, основываясь на самобытности национального искусства, архитектуры и культуры в целом. Примечательно, что и в середине 1920-х гг. в белорусской архитектуре предпринимались попытки определить национальные черты и воплотить их в постройках тех лет. Такой опыт, безусловно, интересен и должен быть использован в современной архитектуре и культуре в целом.

Основная часть. Начиная с середины XIX в. в европейской архитектуре настойчиво зазвучали мотивы национального, интерес к особенному, воплощенному в архитектурных формах. Этим объясняется появление в то время на белорусских землях ретроспективно-русского и неорусского стилей в архитектуре, источниками форм для которых стали сохранившиеся памятники русского зодчества. Распад Российской, Прусской и Австро-Венгерской империй в конце первой мировой войны, образование на их территориях национальных государств инициировали новую волну создания национальных стилей уже у народов, получивших независимость. Эти поиски складывались по-разному в восточных и западных регионах Беларуси в связи с вхождением белорусских земель в состав двух государств.

Национальное возрождение «белорусского стиля» шло в Минске и Вильно. Образование в 1919 г. БССР способствовало подъему национальной белорусской культуры, в Минске были открыты научные и учебные заведения, активно формировалась культурная среда. Сюда приехали видные представители белорусской интеллигенции, ученые и литераторы, исследователи белорусской культуры, которые включились в процесс создания национального архитектурного стиля. Щекотихиным Н.Н. и Касперови-

чем М.И. были написаны книги о белорусской архитектуре, где авторы искали истоки самобытности в архитектуре замков, дворцов и культовых построек. Специальные экспедиции посылались на Slutчину, Бобруйщину, Мозырщину и другие округа для изучения и зарисовок сохранившихся памятников. В силу ряда исторических причин не сохранилось практически никаких следов об этом интереснейшем эпизоде развития национальной идеи в отечественном зодчестве. Известно, что «когда в 1926 году было поручено архитектору Струкову сделать проект для постройки Минского вокзала, ему было предложено изучить феодальные замки князей Радзивилов и Понятовского, которые должны были явиться «образцом» белорусского стиля» [1, с. 23].

Можно предположить, что идеи возрождения национального стиля в то время не нашли поддержки среди архитекторов. На территории республики не существовало своей архитектурной школы, профессиональная же среда практикующих архитекторов была фактически уничтожена за долгие годы войн и экономической разрухи. Немногочисленные проектировщики, начавшие свой творческий путь еще до революции (С.С. Гайдукевич, А.А. Денисов и др.), в своей работе пользовались образцами эклектичной архитектуры, молодые же выпускники московских вузов (Г.Л. Лавров, И.И. Володько, А.П. Воинов, А.Н. Крылов) ориентировались на достижения российского авангарда.

Некоторые материалы сохранились о творчестве архитектора Л. Витан-Дубейковского – деятеля белорусского возрождения, последние свои годы работавшего в Вильно. Еще в 1916 г., находясь в Петрограде, Л. Витан-Дубейковский получил от ксендза Будзько заказ на проектирование в белорусском стиле деревянного костела в Янотруде Полоцкого повята. Характерной чертой этого проекта была высокая скатная кровля, увенчанная небольшой башенкой, близкой по форме к стилю барокко. На западном фасаде име-

лась «подсень» – элемент, заимствованный из народной архитектуры. Во время работы над костелом Л. Витан-Дубейковский нашёл оригинальное конструктивное решение стены из деревянного бруса. Впоследствии автор апробировал эту конструктивную систему на практике в течение пятнадцати лет, считал ее «реформой деревянного строительства» и самым большим своим творческим достижением. На основе новой конструктивной системы Л. Витан-Дубейковский, вместе со своими учениками школы строительного ремесла в Вильно, построил в 1924–1926 гг. костел в Дрисвятах (рис. 1), где использовал «подсень». Обшитые досками и лишённые каких-либо украшений стены вместе с высокой скатной кровлей создавали целостную монолитную форму, увенчанную высокой многоярусной башней, что, по мнению Л. Витан-Дубейковского, напоминало белорусский стиль [2, с. 41].

В западных регионах Беларуси, находившихся в границах II Речи Посполитой, идея национального выразилась в поиске своего, «польского стиля» в архитектуре. В строительстве на новых, приобретенных землях Литвы, Беларуси и Украины были вложены значительные средства [3, с. 2–8], в создании проектов для этой «строительной акции» приняли участие известные польские архитекторы, продемонстрировавшие различные варианты национального стиля, отличающиеся не только архитектурными формами, но и самим пониманием источника и сущности национальных черт в архитектуре. В результате различные варианты национальных стилей – закопанский, усадебный, готические и барочные интерпретации, стали образцами для городских и сельских жилых домов в западных регионах Беларуси.

Создателем закопанского стиля считается известный критик и художник С. Виткевич [4, с. 58], сформулировавший концепцию этого стиля в 1880-90-х гг. Небольшой городок Закопане у подножия Татр, ставший знаменитой здравницей и местом встреч и проживания интеллектуальной элиты, спод-

винул С. Виткевича теоретически обосновать в качестве национального стиля народное искусство жителей тех мест. Согласно его теории закопанский стиль был в древности распространен на всей территории Польши, однако, позднее, его вытеснили пришлые, чужеродные стили, и в первоначальном виде он сохранился лишь в труднодоступном районе Татр. За основные отличительные элементы стиля С. Виткевич принял характерную для хаты горцев форму крыши, а также вытесанные из дерева орнаментальные мотивы.

Сформировавшись в конце XIX – начале XX в. в основном в архитектуре загородных вил, закопанский стиль нашел свое воплощение в постройках западных регионов Беларуси в период между первой и Второй мировыми войнами. Наиболее последовательно он проявился в жилых домах поселка для служащих в Браславе, построенных в 1924–1926 гг. по проекту виленского архитектора профессора Ю. Клоса. Основу поселка составили типовые многосемейные одноэтажные дома, накрытые высокой четырехскатной крышей с большими свесами. На скате кровли симметрично расположены два небольших фронтона с характерным для закопанского стиля декором в виде солнца с расходящимися лучами (рис. 2). Аналогичное решение декоративных фронтонов можно встретить и в жилых домах поселка для служащих в Глубоком.

Черты закопанского стиля имели и культовые объекты – деревянный костел в деревне Межаны Браславского района, построенный по проекту Ю. Клоса, и православная церковь в деревне Лысково Пружанского района, возведенная в 1931–1933 гг. полесскими плотниками по проекту белостокского архитектора С. Патровского (рис. 3, 4). Традиционные для православного строительства архитектурные формы в данной церкви причудливо трансформированы, луковичные купола вытянуты вверх, верхний ярус массивной приземистой башни несколько расширяется книзу.

Усадебный стиль (Dwórkowy) берет начало с конца XIX в. Тогда, в западных губерниях Российской империи, были широко распространены небольшие усадебные дома, напоминавшие о временах шляхетской свободы. Сочетание планировочных и декоративных элементов барокко и классицизма с традициями народного жилья сделало знаковыми отличиями этого стиля вальмовую или ломаную крышу, крыльцо с обязательным портиком. Упрощенные и отработанные на практике эти элементы идеально подходили и для деревянного, и для каменного строительства.

С землями Литвы, западными регионами Беларуси и Украины в польской культуре начала XX в. был связан определенный романтизм. Здесь среди лесов и полей в старинной усадьбе разворачивался сюжет романов и повестей многих знаменитых польских писателей [5, с. 245]. Для воплощения образа родового гнезда, острова культуры дворянского сословия лучше всего подходил усадебный стиль, в котором в западных белорусских регионах в 1920-х гг. строились как новые усадьбы, так и рядовые жилые дома.

К наиболее показательным примерам следует отнести жилые дома поселка для служащих (Е. Мюллер, В. Геннеберг) в Новогрудке (1924 г.). Основным элементом здесь являлся высокий портик, образующие его дорические колонны были выполнены из кирпича и оштукатурены, остальные же конструкции дома – деревянные (рис. 5). Практически аналогичный проект двухподъездного жилого дома был реализован в Воложине. Дом старосты в Новогрудке, построенный в 1924 г. по проекту Е. Беля (рис. 6), также в качестве главного элемента имел стилизованный четырёхколонный портик, на фронте которого помещалась стрельчатая арка. Дом целиком выполнен из кирпича, высокая крыша покрыта черепицей, что должно было символизировать долговечность польской власти. Точно такой же проект дома старосты был реализован в Несвиже (рис. 7), Барановичах и Во-

ложине. Однако архитектору пришлось отказаться от колонн на портике, ограничившись пилястрами, что, вероятнее всего, было вызвано требованиями сокращения затрат на строительство.

Национальные романтические настроения в архитектуре 1920-х гг. воплощались также в формах готики, в основном они проявились в строительстве католических костелов, усадеб и загородных домов. Довольно неожиданно формы готического шипца приобрел мезонин одного из домов бывшей колонии для служащих в Бресте. Проект выполнен варшавским архитектором Ю. Лисецким, некоторое время работавшим инспектором отдела строительства в Бресте, активным деятелем Товарищества по охране памятников [6]. Памятные ворота в честь приезда в Глубокое президента Польши были построены также в готической стилистике в 1930 г., эта постройка до наших дней не сохранилась (рис. 8).

Значительно шире в западных регионах Беларуси использовались архитектурные формы и композиционные мотивы стиля барокко, которые воспринимались тогда, как элементы местной архитектурной традиции, поскольку так были построены до разделов Речи Посполитой многочисленные монастыри и костелы. В 1920-х гг. эти мотивы стали использоваться не только в культовой архитектуре. Общественные и жилые здания польской администрации, как правило, декорировались высоким шипцом с характерным барочным абрисом. Это позволяло придать зданию архитектурную выразительность при сравнительно небольших материальных затратах, так как фризы и окантовка контура шипца могли иметь очень простой профиль и легко выполнялись из обыкновенной штукатурки. Среди примеров использования барочной стилистики в гражданской архитектуре следует назвать здание железнодорожного вокзала в Слониме (1922 г.) (рис. 9), административное здание в Новогрудке, бывшие казармы в Клецке (1924 г.) (рис. 10).

Отличительными элементами романтических национальных сентенций в архитектуре 1920-х гг. стали высокая четырехскатная вальмовая крыша, характерная для дворцов и монастырей эпохи барокко, и декоративный сандрик, разорванный в центральной части и размещаемый над входом в здание: жилой доме в Бресте, жилой дом военного ведомства в Слониме (рис. 11), жилые дома в Столбцах (1925 г., архитектор З. Тарасин), административное здание в Несвиже.

После включения западных белорусских регионов в состав польского государства начался процесс возвращения католикам зданий костелов, переданных верующим православной конфессии во времена Российской империи. Многие постройки к тому моменту были перестроены в русско-византийском стиле, снабжены луковичными куполами и соответствующим декором. Возвращение построек, как правило, шло по пути тщательного восстановления первоначального облика зданий, однако в ряде случаев, где точных сведений не сохранилось, архитекторы выходили из рамок реставрации и дополняли постройку стилизованными элементами, относящимися в основном к стилистике готики и барокко.

В новом костельном строительстве исторические формы стиля барокко реализовывались наиболее часто: деревянный костел в Барановичах (1924–1925 гг.) (рис. 12), костел в деревне Сола Сморгонского района в 1926–1934 гг.), костел в деревне Идолта Миорского района (1939 г.). Архитектуру этих построек отличают исторические мотивы упрощенных знаковых форм, довольно точно воспроизведенных и практически не стилизованных.

Заключение. Подводя итог краткому анализу возрождения национальных архитектурных традиций на белорусских землях в межвоенный период, можно заключить, что реальное воплощение этот процесс получил в «белорусском стиле», усадебном стиле, закопанском стиле, стилизованных формах готики и барокко. В силу ряда исторических причин идеи возрождения

национального стиля в архитектуре нашли воплощение большей частью в западных областях Беларуси.

Подобная архитектура создавалась в основном для среднего класса общества того времени, ей была свойственна народноромантическая образность. Для передачи романтического настроения авторы построек выбирали из исторических архитектурных стилей самые характерные, самые знаковые формы и приемы. Однако новая архитектура в то же время не просто копировала и цитировала исторические формы, трактовка архитектурных деталей была довольно свободной, зачастую упрощенной, переработанной в соответствии с духом времени и новым формальным языком стиля модерн. Различные архитектурные детали, как современные, так и взятые из истории, а также характерные, знаковые композиционные принципы сочетались в новые формальные общности, теоретически обоснованные исследованиями С. Шиллера, Л. Витан-Дубейковского, К. Магушевского, Ф.К. Мартыновского, С. Виткевича и проч.

Литература:

1. Костелянский, А. *Изобразительное искусство БССР / А. Костелянский.* – М. - Л.: ОГИЗ – ИЗОГИЗ, 1932. – 24с.
2. Гліньнік, В. Л. *Вітан-Дубейкаўскі: Старонкі біяграфіі / В. Гліньнік // Архітэктура і строіцельство Беларусіі.* – 1991.- № 5. – С. 40–45.
3. *Budowa domów dla urzędników państwowych w województwach wschodnich.* – Warszawa. – 1925. – 62 s.
4. Olszewski A.K. *Przegląd koncepcji stylu narodowego w teorii architektury polskiej ostatniego stulecia / A.K. Olszewski // Architektura.* – 1977. – № 3-4. – S. 55–75.
5. Jaroszewski, T.S. *Od klasycyzmu do nowoczesności: O architekturze polskiej XVIII, XIX i XX wieku / T-S-Jaroszewski.* – Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 1996. – 340 s.
6. Уласюк, М. *Архітэктура Юліана Лісецкага: віды міжваеннага Брэста / М. Уласюк // Брэстскі кур'ер.* – июнь 2003. – №25 (642). – С. 3.

NATIONAL IDEA REVIVAL IN ARCHITECTURAL STYLES IN BELARUS OF 1920-30th.

E. Morozow

The article is about the national idea interpretation in Belarusian architecture of 1920-30th with the focus on stylistic aspects. Because of the two states belonging of Belarusian lands the searching of national trends in ar-

chitecture had a different ways within western and eastern regions. The "Belarusian style", zakopany style, usadebny style, stylistic forms of Gothic and Baroque have been exanimate on several examples.

Поступила в редакцию 26.03.2012

УДК 726.71 (476) (091)

АРХИТЕКТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ОБЛИК БАТАЛЬОННОЙ ЦЕРКВИ СВЯТОГО НИКОЛАЯ В ВИТЕБСКЕ (по данным архивных исследований)

И.Н. Ожешковская

ст. преподаватель, кафедра «Теория и история архитектуры», БНТУ

Работа с архивными материалами позволяет вернуть белорусской историографии утраченные страницы истории культового зодчества Беларуси, что является важным аспектом в деле сохранения и изучения архитектурного наследия. Таким образом, восстановленный облик православной батальонной церкви св. Николая в г. Витебске и уточненная дата ее возведения – 1776 г. помогает сформировать представление об облике православного храма II-ой половины XVIII в., который был характерен для восточного региона Беларуси. Проведен стилистический анализ объемно-планировочного решения, внешнего облика и иконостаса храма. Выявлено, что архитектура храма не соответствовала характерным национальным особенностям греко-российского храма, а скорее выявляла региональные особенности культовой деревянной архитектуры, основанными на синтезе западноевропейских и восточнославянских культурных традиций. Эти особенности являются следствием интеграции католической и православной церкви на изначально православных восточных землях, где в результате сконцентрировались главные духовные центры униатской культуры.

Введение. Архитектурное наследие культовых сооружений Витебска поражает богатством внесенных в белорусское зодчество новых строительных традиций и творческой переработкой влияний архитектурных школ различных направлений. Город, расположенный на пути «из варяг в греки», являлся крупнейшим торговым и стратегическим центром восточной Беларуси. В XII в. строительные традиции культовых сооружений Витебска складывались под влиянием полоцкой школы зодчества и византийской культуры, начиная с XIII в. и вплоть до начала XIX в. – западноевропейских стилевых направлений. Со второй половины XVI в. Витебск становится экспериментальной строительной площадкой различных религиозных течений в христи-

анстве: кальвинистов, униатов, католических орденов. Процесс влияния одной культуры на другую, как неотъемлемой части развития архитектуры Витебска, исследовали Чернявская Т.И., Слюнькова И.Н., Габрусь Т.В., Лаврецкий Г.А., Ротко И., Ярошевич А.А., Боберский В. (Польша), Квитницкая Е.Д., Кулагин А.И., Кишик Ю.Н. и др.

Основная часть. Архитектура Витебска до сих пор продолжает открывать неизвестные страницы своей истории, предъявляя оригинальные образцы давно утраченных памятников старины. Одним из новых объектов, наряду с введенным в историческую науку в XXI в. памятником Витебска Свято-Духовской церковью женского базилианского монастыря [1], становится деревянная батальонная церковь св. Николая. Батальонная церковь св. Николая не принадлежит к знаковым архитектурно-художественным достопримечательностям города, бесследно утраченным в течение времени. В белорусской историографии о ней известно совсем немного. Известно, что находилась она в центральной части города, была построена из дерева витебским комендантом Минихом и его гарнизоном и датировалась 1779 г. [2, с. 230]. Впервые опубликованные, найденные в Российском государственном военно-историческом архиве Москвы, чертежи дают современным исследователям возможность дальнейшего изучения облика православного деревянного храма второй половины XVIII в. и выявления его типологических особенностей. Удачной находкой является сохранившейся чертеж

иконостаса того времени [3], [4]. Также появилась возможность установить более точную дату строительства храма – 1776 г. [5].

Влияние общеевропейского стиля барокко в первой половине XVIII в., прочно обосновавшегося на восточных землях Полоцкой епархии, в состав которой входил Витебск, отразилось и в деревянном культовом зодчестве. Освоение архитектурных стилей нередко развивалось параллельно с традициями народного зодчества. Деревянная батальонная церковь св. Николая – яркий тому пример. Выразительный силуэт, конструктивные и декоративные приемы были созданы благодаря ощутимому влиянию барокко. Несмотря на ярко выраженный барочный характер многих элементов, в архитектуре церкви св. Николая ощущается влияние классицизма. Характерный треугольный фронтон был визитной карточкой при реконструкции каменных барочных храмов Витебска второй половины XIX в. Тем не менее, белорусская историография относит ее к произведению народного деревянного зодчества [2, с. 230].

Время строительства храма датируется 1776 г. К этому времени Витебск уже четыре года входил в состав Российской империи в результате первого раздела Речи Посполитой (РП) в 1772 г. В городе были расположены российские войска, и возникла необходимость в строительстве батальонной православной церкви. Каменный храм требовал больших материальных затрат, когда как деревянную церковь можно было возвести и быстрее, и дешевле. Храм строился иждивением нижних воинских чинов и был в 1776 г. единственным в городе храмом для «древнеправославных» христиан [5, с. 90]. Необходимо отметить, что накануне первого раздела РП в XVIII в. для Витебска было характерно массовое строительство каменных храмов, большая часть которых принадлежала католикам и униатам. Религиозно-политические события самым непосредственным образом отражались на строительстве Витебских храмов. В первые десятилетия правления Екатерины II

принимались определенные меры для сохранения спокойствия новых подданных Российской империи, это в первую очередь касалось свободы вероисповедания. Униатские храмы продолжали существовать, кроме того при необходимости государство оказывало материальную поддержку на их ремонт и содержание. В связи с этим, несмотря на большое количество каменных и деревянных культовых сооружений, православных церквей в городе не хватало, а время перевода униатских храмов в ведомство православной епархии еще не наступило.

Объемно-планировочное решение батальонной церкви св. Николая интересно в первую очередь тем, что его формирование происходило под влиянием устоявшихся грекокатолических традиций восточного региона белорусских земель. Строительство деревянной церкви осуществлялось, по всей видимости, все же не российскими военными, а местной цеховой организацией плотников, имевшей к тому времени богатый опыт возведения подобных сооружений, а именно униатских храмов, приходы которых, как правило, были значительно беднее католических и не могли себе позволить постройку каменного сооружения. Строительное ремесло, основанное на сохранении и передаче традиционных приемов и методов работы, сформировало определенные критерии для передачи образа деревянной церкви. Известно, что в Витебске цех плотников существовал с 1760 г., объединенный с резчиками и столярами [6, с. 10]. К 1776 г. в строительной практике были распространены чертежи – «абрисы» [6, с. 13].

Барочный силуэт, базиликальный тип плана в сочетании с луковичным завершением вытянутых башен над центральным куполом и колокольной над входом, возможно, был продиктован «абрисом», традиционно использовавшимся при строительстве деревянных униатских храмов витебского региона. Лишь с 1839 г. проекты новых построек или реконструкция старых осуществлялась согласно общероссийским правилам и постановлениям Строительного

устава техниками Строительного отделения или епархиальными архитекторами. Появление в середине XIX в. новых правил церковного строительства приводит к распространению на территории западных земель Российской империи образцовых православных храмов с традиционным пятиглавием и колокольной над притвором. Безусловно, облик православной батальонной церкви св. Николая не соответствовал характерным национальным особенностям греко-российского храма, а скорее выявлял региональные особенности культовой деревянной архитектуры, основанными на синтезе западноевропейских и восточнославянских культурных традиций [рис. 1].

Объемно-планировочное решение храма представляет собой сложный объем, составленный на основе двух самостоятельных храмов, каждый из которых имеет отдельный вход. Основой одного из них является сложившаяся структура крестово-центрической композиции, а ее ярко выраженное продольно-осевое решение своими пропорциями приближает храм к костельной базилике с поперечным трансептом. Это главная церковь св. Николая. Второй храм, бывший некогда походным, посвященный Успению Божьей Матери, был теплым, меньшим по размеру и представлял собой простой односрубный прямоугольный объем. Возможно, построены они были с разницей в несколько лет, и именно поэтому существует неточность в датировке строительства: 1776 г. и 1779 г.

Храм во имя Успения Божьей Матери впоследствии стал приделом церкви св. Николая, который использовался только в зимний период [рис. 1].

Особый интерес вызывает изучение иконостаса, основанием для реконструкции которого послужил архивный чертеж [4]. Алтарная преграда по своей типологии относится к мало сохранившимся белорусским барочным резным иконостасам II-ой половины XVIII в. Время возведения иконостаса не установлено. Историей выявлены факты переноса алтарей из старых обветшалых

храмов в новые, поэтому время постройки храма и иконостаса в нем могут не совпадать. Барочный иконостас церкви св. Николая по своей стилистике вполне мог иметь более раннее происхождение, чем сам храм. Возможно, иконостас был выполнен тем же цехом плотников г. Витебска, который включал в себя резчиков и столяров. Иконостас имеет сложный в виде ломаной линии план, центральная часть которого выступает углами от алтарной части вперед. Таким образом, Царские врата расположены в углублении, а Северные и Южные врата – под углом к ним. Центральная часть алтарной преграды значительно доминирует над протяженными двухъярусными боковыми рядами, расположенными в крыльях трансепта. Иконостас состоит из четырех ярусов. Стоечно-балочная конструкция декорирована ордерной системой. В первом ярусе используется модификация коринфской капители, второй ярус апостольского чина, самый маленький по высоте, имеет капитель дорического ордера, колонны третьего яруса украшены ионическими капителями. Самый верхний ярус с полукруглым завершением украшают колонны дорического ордера. Верхние два яруса фланкированы резными криволинейными барочными элементами, закрученными в спираль. Композицию иконостаса завершает католической формы крест на шаре [рис. 2].

Рукоположенный в 1842 г. священник Бекаревич нашел церковь св. Николая «весьма ветхою в стенах и крыше, с обветшалым иконостасом, утварью, и ризницею...». От Департамента Военных Поселений в 1843 г. был послан архитектор Бианка, который составил смету на ремонт, но разрешение починить церковь не последовало. Тем временем она приходила все в большую ветхость, и требовала соответственно все больших исправлений.

В 1844 г. был командирован другой архитектор Максимов, который составил новую смету на ремонт церкви, но разрешение на починку церкви по-прежнему получено не было [5, с. 1]. Управление III Округа

корпуса Инженеров Военных Поселений от ноября 1846 г. донесло, что для исправления Свято-Николаевской церкви необходимо переделать крытую гонтом крышу, покрыть вместо гонта листовым железом главный купол и верхнюю часть колокольни, полы переделать с наружными деревянными крыльцами. Деревянную лестницу на хоры и в колокольню заменить на новую. Первоначально стены церкви св. Николая были обиты парусиной, которая со временем истлела, предполагаемые работы должны были заменить обивку штукатуркой. Иконостас в зимней церкви, представляющий собой каркас с натянутыми полотнами икон и являющийся по всей видимости бывшим переносным походным иконостасом гарнизонного батальона, весь «сопрел» и предлагался к замене новым с устройством двух клиросов. Состояние барочного резного иконостаса церкви св. Николая в 1846 г. требует ремонта: к тому времени он заметно поврежден, темнеет позолота [5, с. 9 – 11].

Несмотря на весьма обветшалое состояние батальонной церкви, требующей срочного ремонта, в исполнении предписания Департамента Военных Поселений от 1848 г. Окружное Управление представило генеральный план г. Витебска с показанием казарм гарнизонного батальона и ближайших к ней православных церквей предложением избрать для Витебского гарнизонного батальона другой храм.

К 1848 г. церковь св. Николая окружали следующие православные храмы: каменные св. Симеона (Богоявленская) и святых Петра и Павла «в хорошем состоянии», «довольно ветхая» деревянная церковь во имя Ильи Пророка, также упоминается церковь Покрова Пресвятой Богородицы, по ветхости давно упраздненная и в которой богослужения давно не проводятся. Была предложена «вместо совершенно ветхой Никольской церкви», смета и проект архитектора Максимова которой по сей день находится на рассмотрении Департамента, как наиболее близкая от нее в пешеходной доступности Богоявленская церковь [5, с. 24].

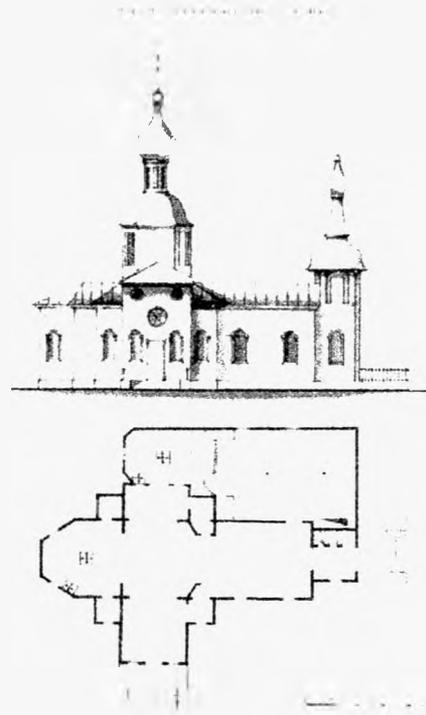

Рисунок 1 – Фасад и план церкви св. Николая

Отказ ремонтировать церковь св. Николая был обоснован следующим образом: «деревянная церковь для гарнизонного батальона выстроена в 1776 г., в такое время, когда православных церквей в г. Витебске было мало; ныне же по присоединении с Благословением Божиим, Унии к Православии, и с обращением существующих костелов в православные церкви, – не представляется уже недостатка в церквях православных» [5, с. 35]. Причисление Витебского гарнизонного батальона к Витебской Богоявленской церкви означало передачу всего имущества батальонной церкви Богоявленской и содержание второго священника за счет батальона, в связи с обслуживанием в храме 3000 новых душ [5, с. 40]. Такое решение вызвало протест жителей Витебска, и долгое время простые граждане на личные пожертвования пытались спасти свой приходской храм от полного разрушения. В 1849 г. просьба прихожан предполагаемую к упразднению Свято-Никольскую церковь, оставить, как самостоятельную была удовлетворена [5, с. 43].

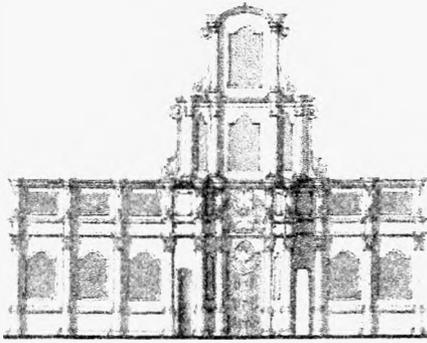

Рисунок 2 – Иконостас церкви св. Николая. Реконструкция арх. И.Н. Ожешковской

8 мая 1850 г. во время пожара вблизи церкви св. Николая она подверглась следующим повреждениям. В главной церкви над алтарем был сломан купол, также пострадал барочный иконостас – во втором ярусе был поврежден во многих местах карниз, разбиты стекла оконных проемов, разрушена церковная ограда [5, с. 48]. Жители Витебска изъявляют желание сделать пожертвование «для приведения храма сего в приличное благолепие...». В том же 1850 г. составлена смета на ремонт [5, с. 52]. Несмотря на усилия прихожан, церковь св. Николая постепенно приходит в упадок: «в теплом приделе оной во имя Успения Божией Матери крыша и потолок в прошлом мае месяце совершенно обрушились и сам фундамент подвергся не малой порче; да и в главной Николаевской церкви крыша очень ветха и самый с другой стороны, где оный до половины в длину близок к совершенному разрушению, от чего и сама церковь значительно наклонилась» [5, с. 72]. Там же упоминается иконостас, который находится «в ветхом состоянии». В 1852 г. Военный Совет положил по ветхости упразднить Свято - Николаевскую церковь [5, с. 82].

Следует отметить, что церковь св. Николая, поступившая в военное ведомство в 1838 г., с того времени ни разу не подвергалась распоряжением Департамента Военных Поселений никакому ремонту и исправлениям [5, с. 147]. Последняя запись архивно-

го документа, проливающего свет на историю деревянной церкви св. Николая говорит о передаче церкви из Военного в Епархиальное ведомство - Полоцкую Духовную консисторию [5, с. 178].

Заключение. Появление новых документальных сведений об истории культового зодчества Беларуси является важным аспектом в деле сохранения и изучения архитектурного наследия. Архитектурное решение деревянной батальонной церкви св. Николая в Витебске демонстрирует пример сформировавшегося облика православного храма во II-ой половине XVIII в., характерного для восточного региона Беларуси накануне реализации программы Российской империи по строительству образцовых греко-российских храмов, согласно новым правилам церковного строительства середины XIX в. Церковь св. Николая демонстрирует региональные особенности культовой деревянной архитектуры, основанные на синтезе западноевропейских и восточнославянских культурных традиций. Эти особенности являются следствием интеграции католической и православной церкви на изначально православных восточных землях, где в результате сконцентрировались главные духовные центры униатской культуры. Ярким подтверждением сложившегося синтеза двух культур является резной иконостас батальонной церкви св. Николая, который по своей типологии относится к униатскому иконостасу Успенского собора базилианского монастыря (1785 г.), и вполне мог быть выполнен для греко-католического храма и использоваться при богослужении не только православном, но и униатском.

Литература:

1. Ожешковская, И.Н. Воссоздание архитектурного облика свято-духовской церкви монастыря базилианок в Витебске конца XVIII – XIX вв./И.Н. Ожешковская// *Архитектура и строительные науки: науч.-информ. журнал: редкол. В.Н. Аладов (гл. ред.) [и др.]*. – Минск, 2012. - № 1, 2 (12, 13). – С. 31-33.
2. Кулагін, А.М. Праваслаўныя храмы на Беларусі. *Энцыклапедычны даведнік / А.М. Кулагін; гал. рэд. Г.П. Пашкоў*. – Мінск : Беларуская Энцыклапедыя, 2001. – 327 с.: іл.

3. *Российский государственный военно-исторический архив Москвы (РГВИА). Фонд 349. – Оп. 8. – Д. 1447. Фасад и план существующей деревянной Свято-Никольской церкви, принадлежащей Витебскому гарнизонному батальону в г. Витебске, предполагаемой к капитальному исправлению. Ноябрь 1847 г. – 1 л.*
4. *РГВИА. Фонд 349. – Оп. 8. – Д. 1446. Вид иконостаса в Свято-Николаевской церкви, состоящей в г. Витебске при гарнизонном батальоне. 1847 г. – 1 л.*
5. *РГВИА. Фонд 405. – Оп. 7. – Д. 833. По отношению Витебского, Могилевского и Смоленского Генерал – Губернатора, о исправлении Свято – Николаевской церкви, состоящей при Витебском Гарнизонном батальоне. [Дело о ремонте деревянной Свято – Николаевской церкви Витебского гарнизонного батальона]. Сентябрь 1846 -- апрель 1855 гг. - 178 лл.*
6. *Сергачев, С.А. Белорусское народное зодчество / С.А. Сергачев. – Минск : Ураджай, 1992. – 254 с.*

УДК 726.5.05(476)(043.3)

АРХИТЕКТУРНО-ПРОСТРАНСТВЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПРАВОСЛАВНЫХ ДУХОВНЫХ ЦЕНТРОВ ПОЛОЦКА

Панченко Т. А.

ст. преподаватель, и.о. зав. кафедрой «Архитектура», БрГТУ

После существенных изменений в церковно-государственных отношениях конца XX века стало насущно необходимым качественное развитие социальной деятельности Церкви (культурологической, миссионерской и т.д.). Поэтому для расширения знаний в этой области архитектуры важно систематизировать исторический опыт строительства православных духовных центров, провести анализ их функциональной и архитектурно-пространственной организации. В статье проведён анализ архитектурно-пространственной организации православных духовных центров Полоцка в период с XI в. до первой половины XV в.

Введение. В период с XI в. до первой половины XV в. в составе Белорусской Православной Церкви под каноническим управлением митрополита и константинопольского патриарха находятся Полоцкая, Туровская, после 1316 г. Литовская епархия. В этот период обозначились основные сферы деятельности Православной Церкви, сложилась епархиальная структура, появились первые православные объекты и их комплексы (монастыри, соборы и т.д.). Центрами строительства таких объектов становились главные и крупные города удельных княжеств: Полоцк, Туров, Новогрудок, Пинск и др.

ARCHITECTURAL-ARTISTIC SHAPE OF BATAALION CHURCH OF SAINT NIKOLAY IN VITEBSK (according to archival researches)

I.N. Ozheshkovsky

Look of orthodox battalion church recovered on the archived drafts sv. Nikolay in Vitebsk helps to form the picture of look of orthodox temple II-ой halves of XVIII w., which was characteristic for the east region of Byelorussia. The stylistic analysis of a volume-plan decision, external look and iconostasis of temple is conducted. It is exposed, that architecture of temple exposed the regional features of cult wooden architecture, based on the synthesis of West-European and East cultural traditions.

Поступила в редакцию 19.04.2012

Основная часть. Полоцк является одним из самых древних городов Восточной Европы. Многие исследователи указывают на то, что ещё до середины IX в. Полоцкое княжество оформилось как самостоятельная политико-административная единица со сформировавшимися на развитой экономической базе феодальными отношениями и представляющая «...один из важнейших и сильнейших государственно образующих центров Восточной Европы» [1, с. 5], а сам Полоцк, так же как и Туров, относят к категории городов-государств. [2, с. 46].

По функциональному назначению из совокупности православных объектов и комплексов в общем историко-культурном контексте в Полоцке в период с XIV в. до первой половины XV в. выявлены следующие типы православных духовных центров: епархиальный духовный центр и монастырь.

Духовный центр, в составе которого храм является обязательным элементом и имеет ключевое значение, будучи органически связанный со всем комплексом, транслирует идею соборности и передаёт её всему духовному центру, поэтому он по своему главному назначению направлен на объеди-

нение сообщества верующих в лоне Православной Церкви, на организацию и совершенствование духовной жизни человека. Поскольку храм является самым значимым объектом в комплексе православного духовного центра, место и характер его расположения, имеет непосредственное значение и прямое влияние на формирование архитектурно-пространственной структуры духовного центра. В связи с вышеизложенным, абсолютное большинство православных духовных центров определяются как комплексы, имеющие центричную организацию.

Из общего числа православных духовных центров, созданных в разные исторические периоды, в зависимости от расположения и количества храмовых сооружений можно выделить следующие структурные типы: с моноцентричной и полицентричной пространственной структурой.

Самым ранним по времени появления и распространённым в историческом контексте типом духовного центра является епархиальный духовный центр. Его появление и развитие напрямую связано с учреждением либо ликвидацией епархий, их различных структурных преобразований.

В период с XIV до первой половины XV в. на территории Беларуси в составе Киевской митрополии находились Туровская и Полоцкая епархии. Проведённые в начале XX века И. М. Хозеровым исследования архитектурных памятников Полоцка XI-XII веков (церкви Бельчицкого Борисо-Глебского монастыря, Спасская церковь Полоцкого Спасо-Ефросиньевского монастыря) позволили говорить о существовании в Полоцке в XII – нач. XIII вв. после сооружения Софийского собора оригинальной архитектурной школы.

В конце X - начале XI вв. в Полоцке происходит резкое увеличение городской территории [3, с. 38], [4, с. 20]. В ходе археологических исследований на территории Верхнего замка в XI – XIII веках выявлено расположение двора, т.е. резиденции епископа и наместника. В центральной, западной и северо-западной части Верхнего зам-

ка исследователями выявлены следы двух храмов и княжеского терема [3, с. 68]. Есть сведения о нахождении в Верхнем замке Софийского монастыря, который возводился из привезённых из Лифляндии на стругах кирпича, алебаstra, извести и действовал при кафедральном соборе [5, с. 95]. В третьей четверти XI века князь Всеслав переносит укреплённый детинец на Верхний замок и начинает строительство здесь Софийского собора. Сооружение князем Всеславом храма Святой Софии, не только подчёркивало самостоятельность и независимость самого княжества, но и означало высокую степень развития, приоритетное значение Православия на этой территории, его тесную связь с государством и обществом. Образ Софии Премудрости Божией выражает существо Православия, занимая в нём важнейшее место. Храм святой Софии в Константинополе являлся, «новым образом мироздания» [6, с. 49]. Поэтому к нему, как к образцу и прототипу обращались строители Полоцкого храма. Посвящение главного храма новой митрополии Премудрости Божией свидетельствует о стремлении воспроизвести почитаемый образец не ради соперничества, а ради причастности к святости и славе оригинала.

Полоцкая София как один из первых православных духовных центров была важнейшим религиозным, общественно-политическим, духовным и культурным центром княжества. Она выполняла широчайший спектр функций, включающий: оборонительную, административную, религиозную, духовно-образовательную, общественно-социальную и другие функции.

Исследователями Софийского собора общепризнана дата его строительства в камне около 1044 – 1066 гг., немного позднее Киевского (1037 г.) и Новгородского (1050 г.). И.М. Хозеров все же уточняет дату его строительства серединой XI века, подтверждая свои выводы историческими фактами, а также характером и структурой кладки стен. По П.А.Раппопорту, Софийский собор – пятинефный крестово-

купольный храм, имевший 7 (по другим источникам 5) куполов с тремя полукруглыми апсидами, в ширину 26.4 м и длину с апсидами 31.5 м [7, с. 38]. Это достаточно редкий тип храма, так как в Древней Руси известно лишь пять церквей указанного типа – Софийский собор, Ирининская, Георгиевская церковь в Киеве и Софийские соборы в Новгороде и Полоцке. Вообще для восточнохристианской духовности строительство по образцу – это не воспроизведение конкретного объекта, а своего рода ориентир, предполагающий достаточно широкую трактовку. Софийский собор в Полоцке имея ряд общих черт с новгородским и киевским храмами, представляет собой совершенно оригинальную постройку: форма абсид, наличие вимы и как следствие симметричность общей композиции здания и фасадов, ярко выраженная центричность всей постройки (при этом, что очень важно, подкупольное пространство наполняется смысловым значением – таким образом в Софийском храме выражается большая значимость, большее значение связи горнего мира с дольным, выражение постепенного вертикального восхождения к горнему миру и т.д.) [7, с. 38]. По своему архитектурно-пространственному построению Софийский собор в Полоцке относится к моноцентричным пространственным структурами, т.е. к комплексам духовных центров с отдельно стоящим храмом. Православный общежительный монастырь в общем историко-культурном контексте является наиболее устойчивым типом православного духовного центра на Беларуси.

Именно он исторический прототип архитектурных комплексов, которые становятся центрами не только религиозной, но и духовно-просветительской деятельности и обладают определёнными зонами влияния. Именно в Полоцке уже с XII-XIII вв. появляются монастыри, в которых помимо традиционного блока функций (богослужение, проживание, хозяйствование и.д.), выделяются сопутствующие или дополнительные функции (монастырь в составе княжеской

резиденции (Борисо-Глебский монастырь, монастырь-усыпальница – Спасский монастырь).

Борисо-Глебский Бельчицкий монастырь в Полоцке являлся крупнейшим княжеским монастырём и находился в комплексе резиденции полоцких князей. Располагался на противоположном от замка левом берегу западной Двины, над ручьём Бельчицы, при впадении его в Двину, как форпост Полоцка. По поводу даты основания монастыря в материалах архива Полоцкой духовной консистории существуют две возможные даты около 1130 г. (князем Борисом Васильевичем – дядей Ефросиньи Полоцкой) и 1220 г. В летописях монастырь упоминается под 1396 г. По сведениям историка XVIв. М. Стрыйковского, который передавал сведения из древних летописей, и следующего за ним утверждению А.К. Говорского, монастырь в древности был обнесён каменной стеной с «башнями и бойницами, что придавало ему вид и значение крепости. В это время полоцкие князья уступили Верхний замок епископам и переселились на Бельчицу, где строили терема и дворцовые церкви». По мнению Н.Н.Воронина «... комплекс монументальных построек на Бельчице следует рассматривать не как монастырский ансамбль, а как часть зданий богато обстроенного княжеского «города», где был большой городской собор, придворный храм Бориса и Глеба и маленькая церковь-усыпальница» [8, с. 18]. Там же Н.Н. Воронин называет Бельчицкий монастырь «придворным монастырём», указывает на очевидную связь этих сооружений с южной киевской традицией, так как на Бельчице все здания построены в технике кирпичной кладки со скрытым рядом. Воронин предполагал, что собор в Бельчицах был следущей по времени постройкой после Софийского собора, далее строились непосредственно храмы княжеского двора – Борисоглебский и Пятницкий. Четвёртый храм монастыря – триконх. Такой тип постройки, имеющий в середине северной и южной стены круглые выступы – конхи, характерен

для церковной архитектуры Болгарии, Румынии, Сербии. Центром монастыря, по предположению Н.Н. Воронина, был Борисоглебский храм [8, с. 19]. Эти положения подтверждаются исследованиями И.М. Хозерова и П.А. Раппопорта. Н.Н. Кайгородов, проводивший исследования монастыря в 1910 – 1914 гг. писал: «Борисоглебский монастырь лежал в середине древней великокняжеской (полоцкий князей) резиденции – в Бельчице, которая образовывала более обширный замок, чем Верхний замок, лежащий при впадении реки Полоты в Западную Двину. Так же и здесь весь мыс, образуемый рекою Бельчицею и рекою Двиною, был укреплен и образовывал крепость, в которой находились княжеские палаты и терема. Здесь же остатки фундаментов древней каменной стены Бельчицкого замка, заключавшего в себе и монастырские храмы и постройки... На самом выдающемся конце мыса, образуемого правым берегом Двины и левым речки Бельчицы, находятся следы фундамента одной из башен (многогранной – не круглой), затем, если повернуть вдоль реки Бельчицы, то также кое-где видны следы фундаментов, стены или крепостные, бывших построек» Таким образом, комплекс непосредственно Борисо-Глебского княжеского монастыря был заключён в кольцо укреплений всего Бельчицкого замка и являлся составной его частью [9, с. 32]. Свято-Ефросиньевский монастырь (Спасский монастырь) в г. Полоцке – наиболее ранний из известных и значимых исторических объектов. О первоначальной планировке монастыря документальных сведений не сохранилось, но есть основания утверждать, что, так как после передачи комплекса иезуитам в нём был устроен не монастырь, а летняя резиденция, то принципиальных изменений планировки комплекса не проводилось.

Самым древним храмом на его территории является Спасо-Преображенская (Спасская) церковь. «Житие Ефросинии Полоцкой» даёт основание считать, что его строительство могло начаться после 1128 – 29 гг.

по благословиению епископа Мины. Очевидно, храм заложен после 1128 г., после смерти князя Всеслава Бориславовича (освещение храма – между 1133 и началом 1140 гг., по другим данным – после 1143 г. (в 1152 – 1161 гг.)). Спасская церковь как соборная была построена на смену более древней, служившей усыпальницей полоцких епископов зодчим Иоанном за 30 недель, т.е. за один строительный сезон. В январе 1833 г. под руководством арх. А. Порты был составлен проект реконструкции Спасской церкви. Освящение храма состоялось 30.07.1839 г. Спасо-Преображенская церковь представляет собой вытянутый в плане крестово-купольный трёхнефный 6 – столпный объём (длина без апсиды 14,4 м, с апсидой 18,2 м, ширина 9,8 м, толщина стен из плинфы 1,24 – 1,8 м.) [10, с. 461]. Храм имеет 2 входных портала – западный главный и северный дополнительный. Под церковью устроена крипта. Западный фасад оформлен 3 закомарами, средняя закомара отвечает конструкции свода, боковые – являются декоративными. Центральный неф на востоке завершён полукруглой апсидой, снаружи крепованной тонкими полуколонками. Боковые апсиды полуциркульные, оформлены как эскедры (ниши) в восточной стене, снаружи не видны. Барабан купола опирался на кубический постамент с дополнительным ярусом закомар (выявлен Д. Струковым в 1880 г. в пространстве чердака). Закомары и кокошники, оформлявшие постамент, имели килеподобную форму. Это создавало многоярусную композицию верха. Храм имел четкую пространственную крестообразную структуру, которую венчало высокое купольное завершение.

Церковь-усыпальница находилась в 100 м на восток от Спасской церкви. Исследователи относят это сооружение к XI – XII вв. Считается, что она являлась усыпальницей полоцких епископов. Храм упоминается в «Житии Ефросинии Полоцкой», а также в указе Стефана Батория 1582 г. как «близкий к разрушению». По мнению исследователей, церковь могла носить название Георги-

евской, т.к. известно старинное название Спасского монастыря – Спасо-Юровичи. Церковь представляла собой трёхнефный, 4 – столпный крестово-купольный храм с тремя притворами-галереями. Барабан купола удерживали 4 крестовых столба. К церкви с 3-х сторон примыкали галереи-гульбищи. На западных углах они создавали расширенные камеры, а в восточных – небольшие каплицы, которые были выделены стенкой и имели отдельные апсиды. Под притворами найдены остатки мужских захоронений. В северной галерее размещена камера, которая располагалась ниже уровня пола.

Пространственная организация Спасского монастыря имеет ряд общих черт с древними пространственными схемами. Так как монастырь являлся одним из форпостов оборонительной системы города, он располагается на возвышенности, у подножия которой сливаются р. Полота и ручей. Здесь находилось резиденция полоцкого епископа с храмом-усыпальницей и деревянной церковью Спаса.

До постройки каменной Спасо-Преображенской церкви можно предположить, что главным элементом и доминантой комплекса была церковь, которая являлась усыпальницей полоцких епископов. После постройки Ефросинией каменной церкви, оба храма сосуществовали одновременно вплоть до того момента, когда в 1582 г. в указе Стефана Батория храм, виднеющийся над рекой Полотой, описан как, «близкий к разрушению». Спасская церковь в геометрическом отношении занимает центр возвышенности. Она на фоне крупномасштабных объёмов церкви-усыпальницы должна была выделяться лаконичностью форм и силуэта.

Так как на территории Борисо-Глебского и Спасского монастырей располагалось несколько отдельно стоящих храмовых сооружений, их можно отнести к полицентричным структурам. При этом учитывая характер расположения главного храма, пространство комплекса скомпоновано во-

круг центрального ядра. Такой тип организации пространства получил наибольшее распространение до середины XV века. Такой тип организации пространства получил наибольшее распространение до середины XV века.

Заключение. Таким образом, изучение и анализ архитектуры и пространственной организации православных духовных центров Полоцка в период с XI до первой половины XV вв., подтверждает что в разных типах духовных центров существуют различные особенности их пространственной организации.

Литература:

1. Селицкий, А.А. Живопись Полоцкой земли XI-XII вв. / А.А. Селицкий. □ Минск : Наука і тэхніка, 1992. – С. 32.
2. Штыхаў, Г.В. Старажытныя дзяржавы на тэрыторыі Беларусі / Г.В. Штыхаў. – 2-е выд., выпр. – Мінск : ВТАА «Права і эканоміка», 2002. – 94 с.
3. Тарасаў, С.В. Полацк IX–XVII стст. / С.В. Тарасаў // Гісторыя і тапаграфія. · Мінск, 2001. – С. 83–107.
4. Сементовский, А.М. Белорусские древности : сведения о памятниках старины / А.М. Сементовский. – СПб. : Типолитогр. Н. Стефанова, 1890. □ 167с.
5. Христианское зодчество : новые материалы и исследования : по материалам научной конференции, 28–30 марта 2000 г. / Российская академия архитектуры и строительных наук, научно-исследовательский институт теории архитектуры и градостроительства; ответственный редактор И.А. Бондаренко. – Москва : Едиториал УРСС, 2004. – 878 с.
6. Архиепископ Сергей (Голубцов). Символика русского храмозодательства / Архиепископ Сергей (Голубцов). // К Свету. – 1991. – № 17. – С. 48–59.
7. Раппопорт, П.А. Древнерусская архитектура = The old russian architecture / П.А. Раппопорт. – СПб. : Стройиздат. Санкт-Петербург. отделение, 1993. – 287 с. : 8 л. цв. ил.
8. Воронин, Н.Н. Бельчицкие руины / Н.Н. Воронин // Архитектурное наследие / под ред. О.Х. Халпахьяна. – Москва : Стройиздат, 1956. – № 6 : Проблемы композиции. – С. 3–20.
9. Хозеров, И.М. Белорусское и смоленское зодчество : XI–XII вв. / И.М. Хозеров. – Минск : Наука і тэхніка, 1994. – 149 с.
10. Раппопорт, П.А. Спасская церковь Евфросиньева монастыря в Полоцке / П.А. Раппопорт, Г.М. Штендер // Памятники культуры. Новые открытия : ежегодник. 1979. – Л., 1980. – С. 459–468.

ARCHITECTURAL-SPATIAL ORGANIZATION OF ORTHODOX RELIGIONS CENTRES IN POLATSK

Panchenko T.A.

In the general historical-cultural context there was made the comparative analysis of theory and practice in formation and development of orthodox complexes, as well as the orthodox religions centres on the territory of ethnic Belarus.

After significant changes in church-state relations at the end of the XXth century was the indispensable qualitative development of social work of the church (cultural, missionary, etc.). Therefore, to improve the knowl-

edge in the field of architecture, it is important to organize historical experience of construction of orthodox religious centres to undertake an analysis of the functional and spatial organization. There were revealed the peculiarities of formation orthodox religions centres under the influence of different stylistic concepts, their building, functional and architectural-spatial organization of modern orthodox religions centres. In article the analysis of spatial organization of orthodox spiritual centres of polotsk from XIth century until the first half of the XVth century.

Поступила в редакцию 19.04.2012

УДК 725(476)

МАГЕЛЬ В КОПЫЛЕ: ИЗ ИСТОРИИ ПРОМЫШЛЕННОЙ АРХИТЕКТУРЫ БЕЛАРУСИ XVIII–XIX ВВ. Сергачев С.А., Сергачева Г.А.

доктор архитектуры, заведующий кафедрой «Архитектура жилых и общественных зданий», БНТУ
преподаватель, кафедра «Теория и история архитектуры», БНТУ

В XVIII в. в Беларуси в промышленности для выполнения технологических процессов нередко использовали традиционные типы зданий. Но реализация процесса, в том числе и в Копыле, где одна из операций текстильного производства в течение почти 100 лет осуществлялась в одном из приспособленных помещений корчмы, содействовала осознанию необходимости формирования специальных пространств для промышленного производства.

Введение. Мануфактура – форма промышленного производства, предшествовавшая крупной машинной индустрии; представляла собой производство, основанное на ручном труде. В Беларуси мануфактуры создавались, прежде всего, в малых городах и местечках, чтобы избежать той конкуренции, которую в крупных городах им составляли цеха ремесленников. Наибольшее распространение мануфактура получила в текстильной промышленности, где разделение труда было развито больше. Одним из объектов промышленной архитектуры XVIII–XIX вв., работавшего на принципах кооперации, был магель (от немецкого *mángel* – каток для белья) в Копыле, где выполняли завершающую операцию по производству полотна – глажение.

Основная часть. Начало второй половины XVIII в. отмечено в Беларуси становлением промышленного производства. Пер-

вые мануфактуры уже работали (Налибокская стекольная мануфактура (1717 г.), Уречская стекольная, которая вначале называлась “зеркальной” (1737 г.), но такие известные впоследствии предприятия, как Несвижская мануфактура по производству шерстяных тканей (1757 г.) и Слуцкая мануфактура шелковых поясов – “персиярня” (начало 1760-х гг.) еще только начинали свою деятельность. При этом многие производственные процессы выполняли в сооружениях, не отличавшихся от жилых и хозяйственных зданий. Так, корпуса кирпичного завода в Кореличах (1749 г.) назывались “сарай” и “адрына”, а пять из шести строений ткацкой фабрики в Несвиже состояли из “двух изб с сенями”, что напоминает структуру 3-камерного жилого дома.

Промышленность Копыля, центра одного из княжеств во владениях Радзивиллов, а затем имения Витгенштейнов, в XVIII–XIX вв. состояла из 2 водяных мельниц (известны с XVII в.), “фабрики” (известна в 1806 г.), состоявшей из столярной и кузнечной мастерских, 2 кирпичных заводов (в 1815 году отмечены как “новые”) и магеля – производства, где завершалось изготовление тканей, – глажение (“маглование”). Находился магель на Рыночной площади в хо-

зайственной части корчмы, по обыкновению, называвшейся “стодолой”. Функционирование магеля прослеживается примерно в течение века. Это единственный случай, когда в инвентарных описаниях корчем Беларуси зафиксировано, что такое общественное здание кооперировалось с производственным.

Тексты архивных документов показывают, что нередко служащие, составлявшие инвентари, использовали предыдущие описания зданий, порой механически повторяя их. Так было и в Копыле. Но уникальность магеля всегда вызывала у них интерес. Практически каждое его описание (1783, 1809, 1815, 1818, 1819, 1848, 1852 гг.) очень подробное, обязательно отмечались изменения. Одно из упоминаний в документах конкретно указывало, что магель был построен в Копыле в 1767 г., то есть, не привезен откуда-то. Магель был своеобразной достопримечательностью Копыля. Неслучайно, в начале инвентаря за 1818 г. немногочисленный перечень наиболее значимых объектов города включал “Магель Ткацкий для валкования полотна”, наравне с церковью “греко-русской”, “костелом римским”, “костелом евангельским”, двумя млынами и корчмой.

Текстильное производство издавна было заметной частью экономики Копыля. Неслучайно, инвентарь 1744 г. при описании земельных наделов отметил специфику двух из них – “для беления полотна”. Это были особые территории, где полотно расстилали для естественного отбеливания под воздействием солнечных лучей. Участки для этого подбирали в низинных местах, чтобы ветер не снижал эффективность процесса отбеливания. Один такой участок размещался у речки Мажи в конце улицы Логовой, на которой тогда жили только ткачи и портные, и был достаточно велик, – 65 прэнтов (1 540, 5 м²). Второй участок, размерами меньше, – немногим более 8 прэнтов (около 200 м²), находился в другой части города, в конце улицы Песочной на берегу речки Каменки [1, л. 12 об., 20]. Горожане должны были

отдельно платить за “Место Беления Полотна”.

Полотно после обработки на магеле получало окончательную отделку, становилось тоньше, приобретало блеск. А по ценам тех времен локоть “полотна тонкого” стоил в 3 раза дороже, чем локоть “полотна простого” [2, с. 328, 447]. Качество ткани зависело, прежде всего, от техники изготовления, но и такая технологическая операция как глажение, была очень важной. Известно, что скупщики охотно вывозили произведенные копыльскими мещанами ткани на популярную в XIX в. в Европе Зальвенскую ярмарку в Гродненской губернии. Копыльский холст, особенно тонкие белые покрывала, пользовались “большой славой на литовском рынке” [3, с. 6].

В полной мере при этом реализовывался принцип кооперации, позволявший разделить процесс производства на отдельные операции, вводить разделение труда. Именно такое мелкое производство (до 96 % общего количества предприятий) характеризовало белорусскую промышленность конца XVIII – начала XIX вв. [4, с. 54].

По описанию 1783 г. “корчма старая из дерева соснового брусованного” (рис. 1)¹ в плане была 12 x 12 локтей. Имела 2 комнаты – “изба большая” и “меньшая”). Печей две, “комин из цэгли, верх имеющий из хвороста глиняный”, на крышу выведенный, был один. Простые основные конструкции, двери “на бегунах”, а также “лучник из хвороста” (устройство для освещения помещения в темное время с помощью лучины), глиной облепленный, выведенный только над потолком, или “полы из глины”, свидетельствуют о том, что это было весьма скромное строение. Пристроенная “стодола из дерева соснового округлого до половины соломой, до половины драницами крытая” имела размеры в плане 29 x 12 локтей (18,8 x 7,8 м). Ворот в конюшне имелось, как положено, двое, были они “на бегунах”.

Именно в стодоле этой корчмы и был размещен магель, возможно, для этого при-

шло перестраивать конюшню, о чем говорит разное ее покрытие (солома и драницы).

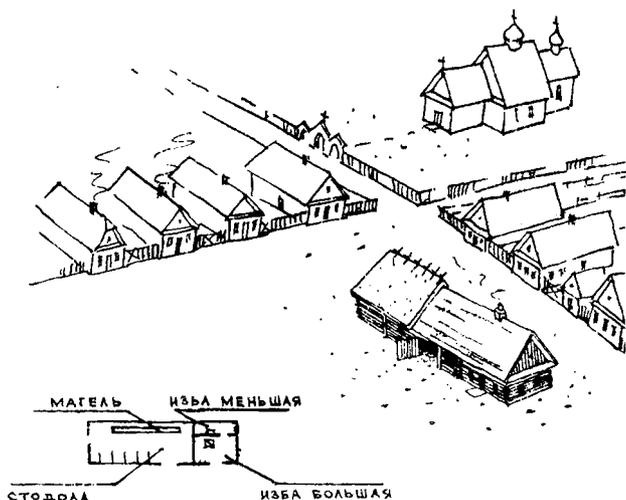

Рисунок 1 – Корчма с магелем в Копыле. Реконструкция, 1783 г.

1 Несмотря на некоторые неточности и несовпадения в инвентарных описаниях, графические неточности, допущенные в 1846 г при составлении проекта на строительство корчмы, все же представляется возможным предложить графические реконструкции корчмы с магелем, с пониманием их условности, но как варианты возможных объемно-пространственных решений этого здания в разные периоды его существования на Рыночной площади Копыля (на 1783, 1810, 1848 гг.) на основе сведений об этом типе зданий и их архитектурно-конструктивных и образных решениях, в также с учетом традиционных приемов народной архитектуры Центральной Беларуси.

В общем виде магель – не только сама машина, но и помещение, где происходил процесс глажения. Главным элементом является деревянный ящик (“скрыня”), наполненный камнями. Изделия, которые предстояло гладить, старательно, избегая складок, навивали на валики, находившиеся под ним. Вращение колес передвигало ящик по валикам, на которые навиты изделия. Эти валики размещались между двумя плоскостями: сверху – днище “скрыни”, снизу – основание магеля (“варштата”).

Магель в Копыле (иные названия в документах – “каток”, “макет для маглования”, “машина для маглования”) представлял собой станок, установленный на деревянном

каркасе (“варштате”). Вращение зубчатых металлических колес, укрепленных на двух деревянных валах (“для протягивания магла”), перемещало загруженный камнями деревянный короб (“скрыню”) по 12 валам меньшего диаметра, на которые предварительно наматывали полотно. В крайнем положении ящик с камнями поднимался (инвентари особо отмечали это – “варштат деревянный для поднятия маглы”), что позволяло вынимать валики. Отмечалось, что на валах было 4 большие железные детали и 1 “малая”. Имелись и другие железные детали, – рейки с зубьями. Но такое внимание служащих при составлении инвентаря к металлическим деталям, было обычным в те времена, они всегда пересчитывались, так как металл особо ценили. Длина магеля 21 локоть (13,6 м), “скрыни” – 14,5 локтей (9,4 м). Ширина магеля и “скрыни” в 1,5 локтя (0,97 м) /1, л. 157, 167/ обеспечивала глажение полос тканей, которые производили на ткацких станках, имевшихся в хатах мещан. Обращает на себя внимание значительный размер “скрыни”, так как известные сохранившиеся образцы магеля /5/ имеют “скрыню” немногим более 1,5 м длиной.

Установка подобного магеля требовала большого свободного пространства внутри здания. Найти место для такого здания в средневековом городе было сложно, поэтому магель разместили в хозяйственной части существовавшей корчмы. “Корчма с заездом” традиционно состояла из общественной части, где путешественники и местные жители могли получить пищу, и хозяйственной, где основным помещением была конюшня /6, с. 148/. Конюшня, иногда ее называли “стодола” или “обозня”, всегда была просторным помещением, через которое без проблем мог в одни ворота въехать, а в другие выехать груженный товарами воз. Здесь же на ночь оставляли телеги с товарами, здесь были и стойла для лошадей. Пролеты конюшни в 15 м и более – не редкость, а продольные параметры – были еще больше. Поэтому при устройстве магеля остановили свой выбор на здании, которое

уже имелось. Надо полагать, владельцы Копыля хотели, чтобы промышленное производство, которое они организовывали, размещалось в принадлежащем им здании, а корчма была именно таким зданием. Учитывалось, что стоящая в центре города корчма будет более доступна заказчикам, чем здание с магелем на окраине, новое или приспособленное, например гумно кого-то из горожан.

Инвентарное описание здания в 1809 г. было повторением предыдущего инвентаря. Так как инвентарь 1818 г. указывал, что *“корчма около десяти лет как построена”* [1, л. 139/], (а перед этим инвентарь 1815 г. свидетельствовал уже о другом здании), то можно утверждать, что в 1809–10 гг. корчма была перестроена. Новое здание размещалось также *“на самом рынке”*, стало больше размерами в плане – 44 x 16 локтей (28,5 x 10,4 м). Перед входом (рис. 2) имелась *“выставка на 2 слупах поднятая с ганком из досок”*, – так тогда называли треугольный фронтон, опиравшийся на простые деревянные колонны. В корчме увеличилось количество помещений, полы стали деревянными, все здание было полностью покрыто гонтом. Появилась *“кухонька”*, которую вместе с отдельной печью вынесли в конюшню. Увеличение пролета конюшни на 3 локтя позволило сделать удобный сквозной проезд, лучше организовать стойла для лошадей, а также улучшить условия для работы магеля. Но увеличен был только поперечный размер, а продольный размер конюшни, остался прежним – 29 локтей. Магель был полностью сохранен: *“в середине стодола находится Магель и скрыня со всем оборудованием до маглования для Ткачей”*. Как и прежде, магель размещался в стодоле вдоль продольной стены, инвентарь конкретно указывал на это.

В 1846 г. Михаил Горбачевский при помощи *“строителя млынов”* Вабста Механина сделал план новой корчмы и смету на ее строительство [7, л. 362]. При этом магель, как элемент нового строения, разработчиками проекта не предусматривался.

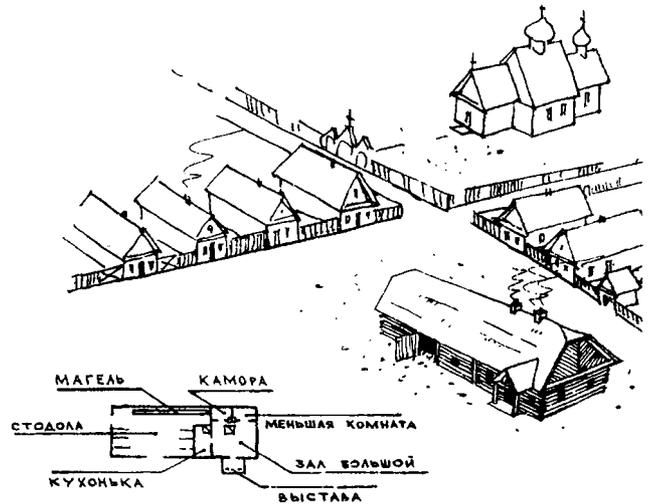

Рисунок 2 – Корчма с магелем в Копыле. Реконструкция, 1809-10-е гг.

В августе 1847 г. отмечалось, что *“Корчма или дом, называемый арендой, при коем помещается каток, совершенно ветхий”*. Новое здание строилось *“на том же самом месте”*, хотя и с отклонениями от проекта. В 1848 г. новая корчма была построена, в документах она упоминалась также как *“дом заездный”* и даже *“аустерия”* [8, л. 66–66 об./]. Здание стало значительно больше размерами: 42 x 24 аршина (29,8 x 17 м), впервые указывалось, куда обращен главный фасад – на запад, то есть в сторону Рыночной площади (рис. 3). Построена была из сосновых и еловых *“пiazzaков”*, на каменном фундаменте. *“С фронта два крыльца”*: одно – вход непосредственно в корчму, а второе – в комнаты для постояльцев, которых в корчме стало четыре. *“Стайню”* разделили стенами поперек на три неровные части: кладовая; место для *“машины до маглования”* и *“свиронек складовый с ледовней в земле”*. Качественным конструктивным и планировочным решением соответствовало и более внимательное отношение к архитектурному облику здания: полукруглые окна, очевидно в главном помещении корчмы – в шинке, большие двойные окна в других помещениях, везде дощатые полы, вымощенные досками крыльца перед входами.

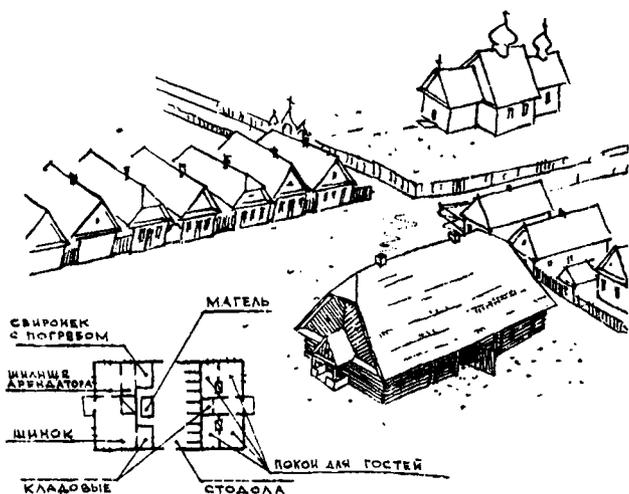

Рисунок 3 – Корчма с магелем в Копыле. Реконструкция, 1848 г.

Магель сохранили, но изменили конструкцию его основания (*“поставмент под магель”*); оно стало рубленным *“из плащакон”* вместо каркаса. Изменились и размеры – 6 x 2 аршина (4,3 x 1,4 м). Ящик с камнями получил такие же параметры. Новые размеры позволяли эффективнее выполнять то, для чего магель был предназначен, – глажение крупных изделий (скатерти, покрывала, простыни и др.), которые сшивались их двух полос полотна. Но все это потребовало существенной перестройки самого механизма. Валу по-прежнему осталось 2, но впервые отмечено, что один из них, судя по всему основной, – *“стоячий”* с двумя колесами, а второй – *“лежащий”*.

Перед этим, в 1840-50-е гг. в Копыле активно обсуждались вопросы продажи спиртных напитков (право продажи, налоги и т.д.). В связи с этим корчма даже получила еще одно название – *“корчма или место для размещения аренды пропинационной копыльской”*. Главную администрацию, которая находилась в Несвиже, больше стало интересоваться именно это направление деятельности. Поэтому, неслучайно потом, в приписке к смете 1860 г. на ремонт корчмы отмечалось, что ремонт магеля требует значительных расходов, в то время как годового дохода от него только 13,8 руб. Отмечалось, что магель *“действующий”*, но было

предложено арендатору корчмы поддерживать *“такую машинерию”* собственными средствами [9, л. 135 об.].

28 апреля 1878 г. пожар уничтожил значительную часть застройки в центральной части Копыля (*“более 100 домов”*). В Копыль командировали *“для снятия оного на план, с показанием на плане улиц, переулков, строений, как существующих, так и предполагаемых к постройке”* младшего инженера строительного отделения Минской губернии, архитектора по образованию И. Чали-Суриева. На представленном им и утвержденном генеральном плане /10, л. 10–10а/ среди уцелевших строений была отмечена на Рыночной площади Копыля корчма, с обозначением в экспликации – *“Корчма, принадлежащая экономии”* (рис. 4). Здание размещалось на том месте, где сейчас располагается здание Копыльского районного краеведческого музея. Само место, примечание в экспликации и размеры нанесенного на чертеж здания позволяют определить его как здание, построенное в 1848 г. для корчмы и магеля. Следует отметить, что островное размещение корчмы с магелем на Рынке на отдалении от плотной застройки, окружавшей площадь, помогло зданию уцелеть во время катастрофических пожаров, уничтожавших центральную часть Копыля в 1833, 1845, 1865, 1878 годах. А существующее каменное здание размещено по иному [11, л.1], с другой ориентацией по странам света, чем отмеченный на генеральном плане его деревянный предшественник. Но с южного фасада корчма имела пристройку, которой не было на плане, составленном в 1846 г. Возможно, это результат позднейших перестроек, возможно в эту пристройку был перенесен магель, когда арендатору пришлось самому заботиться о нем.

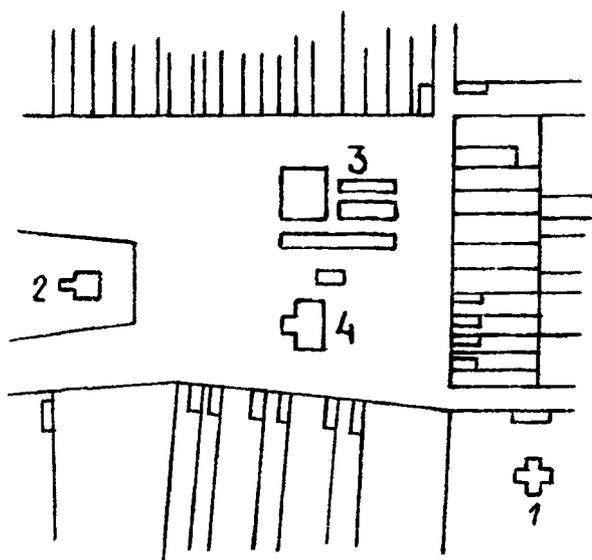

Рисунок 4 – Фрагмент генерального плана местечка Копыль. 1878 г.: 1 – Православная церковь; 2 – Римско-католический костел; 3 – Торговая площадь и лавки; 4 – Корчма, принадлежащая экономике

Заключение. Развитие промышленного производства на основе кооперации содействовало в XVIII–XIX вв. количественному росту небольших предприятий. Магель в Копыле, был единственным пока известным в Беларуси предприятием, где выполнялась только завершающая операция текстильного производства – глажение изделий ткачества (“маглование”). Термины “фабрика” или “мануфактура” к магелю в Копыле не применялись, но это пример формирования в XVIII–XIX вв. нового для Беларуси направления архитектуры – промышленной, с использованием традиционных архитектурных решений, в частности, такого распространенного типа зданий, как корчма. Неоднократные на протяжении почти 100 лет перестройки этого общественного здания корчмы последовательно совершенствовали архитектурно-планировочные и конструктивные решения помещения, где размещался магель, что улучшало условия и для производственного процесса.

Литература

1. *Инвентари Копыльского княжества за 1701–1815 гг.* // Национальный исторический архив Беларуси (НИАБ). – Фонд 694. – Оп. 2. – Д. 3676.

2. *Статут Вялікага княства Літоўскага 1588. Тэксты. Давед. камент.* / Беларус. Сав. Энцыкл.; рэдкал. : І.П. Шамякін (гал.рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелСЭ, 1989. – 573 с.

3. Паперна, А.И. Из Николаевской эпохи. Воспоминания / А.И. Паперна // Пережитое. Сборник, посвященный общественной и культурной истории евреев в России. – Т. 2. – СПб. : Типография И. Флейтмана, 1910. – С. 1–53.

4. Болбас, М.Ф. Развитие промышленности в Белоруссии (1795–1861 г.г.) / М.Ф. Болбас. – Минск : Наука и техника, 1966. – 268 с.

5. Magiel // [Электронный ресурс]. – 2012. – Режим доступа : <http://Wikipedia.org/wiki/Magiel>. – Дата доступа : 03.03.2012.

6. Сергачев, С.А. Архитектура корчмы в Белоруссии / С.А. Сергачев // Архитектурное наследие / Гос. ком. по гражд. стр-ву и архитектуре при Госстрое СССР, ЦНИИ теории и истории архитектуры. – М., 1985. – Вып. 33 : Город и его застройка / Под ред. О.Х. Халпахчяна. – С. 148–156.

7. Материалы Главного управления имениями Витгенштейна по мест. Копыль; рапорты и донесения служащих администрации, арендные договора, судебные определения по делу мецан об освобождении от повинностей, ведомости сбора чинша с указанием недоимщиков, смета и план на постройку корчмы и т. д. 1843–1846 гг. // Литовский государственный исторический архив (ЛГИА). – Фонд 1280. – Оп. 1. – Д. 1888.

8. Контракты на аренду корчмы в местечке. Переписка с главой администрации. Расчеты с арендатором корчмы и двух водяных мельниц. Описание корчмы в мест. Копыль. Инструкции по аренде корчмы. 1847–1863 гг. // НИАБ. – Фонд 694. – Оп. 3. – Д. 3580.

9. Материалы Главного управления имениями Витгенштейна по мест. Копыль (донесения и прошения служащих, арендные договора, списки недоимщиков, сметы на постройку различных строений и т.д.). 1851–1862 гг. // ЛГИА. – Фонд 1280. – Оп. 1. – Д. 1889.

10. Дело о предоставлении на рассмотрение Правления плана и сметы на застройку центра мест. Копыль Слуцкого уезда. 23 мая 1878 – 5 января 1887 гг. // НИАБ. – Фонд 299. – Оп. 5. – Д. 512.

11. Генеральный план г. Копыль. Историко-архитектурный опорный план // БелНИИГрадо-строительства. 64.09–09. ГМ.

MAGEL IN KOPYL: IN THE HISTORY OF INDUSTRIAL ARCHITECTURE OF BELARUS IN (XVIII–XIX CENTURIES)

Sergacheva G.A., Sergachev S.A.

In XVIII century in Belarus in the industry to perform the technology processes were often used traditional types of building. But the implementation of the process, among others including Kopyl, in which one of

operations in textile production for nearly 100 years was carried out in one of the adjusted premises in tavern, had assisted the understanding of the necessity of forming special areas for industrial production.

Поступила в редакцию 05.04.2012

УДК 711.5

МОНУМЕНТАЛЬНАЯ ЖИВОПИСЬ В ФОРМИРОВАНИИ ОБЪЕКТОВ, БЛАГОПРИЯТСТВУЮЩИХ РАЗВИТИЮ ТУРИЗМА

Слаук С.Я.

ассистент, кафедра «Дизайн архитектурной среды», БНТУ

В статье произведена попытка систематизации принципов монументальной живописи при формировании объектов, благоприятствующих развитию туризма. Проведен анализ материалов, полученных методом фото фиксации, фотографий и информации, предоставленной сетью Интернет, а так же научных источников, имеющих отношение к данной области.

Введение. Туризм в современном мире — одна из доходных и интенсивно развивающихся отраслей экономики. Правильно режиссированное применение средств монументальной живописи при реконструкции или создании новых туристских комплексов в малых и крупных городах может качественно преобразить восприятие архитектурных пространств и вызвать устойчивый интерес посетителей. Кроме того, концептуально и стилистически продуманное присутствие монументальной живописи придает архитектуре свойства, присущие наиболее посещаемым туристским объектам. Это:

- уникальность, необычность, отсутствие аналогов в других местах
- широкая известность
- познавательная ценность, связь с важными историческими событиями, выдающимися личностями
- высокая художественная ценность самого объекта и его окружения [1]

Монументальная живопись, являясь средством градостроительной композиции, усиливает архитектурно-художественную выразительность туристских зон, которые предполагают высокую посещаемость туристами (исторический центр города, главные площади, пешеходные пространства).

Основная часть. Все принципы монументальной живописи, применяющиеся

при создании уникальных объектов синтеза искусств можно разделить на три основных группы:

1 *Принципы единого художественного замысла* – группа принципов – руководящих идей, помогающих достичь образно-художественной, концептуальной согласованности монументальной живописи и архитектурной среды. Они способствуют, в зависимости от поставленных задач, выявлению, закреплению, развитию индивидуальных качеств архитектурных пространств или полному преобразованию архитектуры художественными средствами.

2 *Принципы организации архитектурных пространств* – группа принципов – руководящих идей, помогающих при формировании сценария образно-художественного восприятия архитектуры, реализующегося посредством композиционного размещения монументальной живописи в пространствах.

3 *Принципы организации архитектурных объемов и поверхностей* – группа принципов – руководящих идей, помогающих добиться синтеза искусств с учетом тектоники, масштаба, пластики и других специфических характеристик архитектуры.

Ниже в таблице приведена группа принципов единого художественного замысла, имеющая первостепенное значение в идейной организации архитектурных пространств и непосредственно относящаяся к вопросу формирования туристских зон и комплексов.

1 ПРИНЦИПЫ ЕДИНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ЗАМЫСЛА

<i>Тип принципов</i>	<i>Вид принципов</i>	<i>Уточнения и методы</i>
1	2	3
Принципы комплексности	• принцип ансамбля	
	• принцип частной композиции	
Принципы формирования художественного образа	<ul style="list-style-type: none"> • топонимический – основан на названии места, используются данные трёх областей знаний: географии, истории и лингвистики. С помощью этого принципа архитектурные пространства и объекты приобретают национальные, исторические черты и характерные особенности, свойственные именно данному месту 	– применяется при реконструкции исторических центров городов, площадей, улиц пешеходных зон, при комплексном формировании жилых образований, проектировании общественных центров, туристских объектов
	<ul style="list-style-type: none"> • функционально-метафорический – основан на целевом назначении объекта и связанными с ним тематике, образами и ассоциациями. Использование этого принципа способствует созданию новой Легенды Места при условии художественно-образной уникальности, выразительности и идейной новизны. 	– при комплексном формировании культурных, торговых, деловых общественных центров и зданий, спортивных сооружений, туристских комплексов, жилых образований
	<ul style="list-style-type: none"> • авторский – основан на творческом методе архитектора и его выявлении и уточнении средствами 	– применяется при формировании уникальных объектов

1 ПРИНЦИПЫ ЕДИНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ЗАМЫСЛА		
<i>Тип принципов</i>	<i>Вид принципов</i>	<i>Уточнения и методы</i>
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>
	<p>мону-ментальной живописи</p> <ul style="list-style-type: none"> • принцип арт-объекта -- здание становится объектом размещения художественного произведения. Само архитектурное сооружение (среда), ввиду своей невыразительности, является только основой для живописи, которая становится доминантой по отношению к архитектуре здания, а иногда и к среде 	<p>– применяется в монотонной среде, невыразительной архитектуре</p> <p>– мотивируется различными государственными или негосударственными программами, международными и местными конкурсами, рекламными кампаниями, личной инициативой художников</p> <p>– может превратить ничем не выдающиеся строения в оригинальные и неповторимые объекты</p>
<p>Принципы единого формального подхода в контексте общего замысла</p>	<ul style="list-style-type: none"> • принцип контраста • принцип изобразительного подхода 	<p>методы поддержания стилевого единства:</p> <p>– соблюдение идейно-концептуальной взаимосвязи стилей монументальной живописи и архитектуры</p>
	<ul style="list-style-type: none"> • принцип абстрактного подхода 	<p>– соблюдение пластической взаимосвязи стилей монументальной живописи и архитектуры</p>
	<ul style="list-style-type: none"> • принцип взаимосвязанных абстрактного и изобразительного подходов 	<p>– соблюдение колористической взаимосвязи стилей монументальной живописи и архитектуры</p> <p>– максимальное соответствие архитектурному стилю техник и материалов монументальной живописи</p>

1 ПРИНЦИПЫ ЕДИНОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ЗАМЫСЛА

<i>Тип принципов</i>	<i>Вид принципов</i>	<i>Уточнения и методы</i>
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>
Принципы комплексного развития темы	<ul style="list-style-type: none"> • принцип динамического развития одной темы 	<p>методы динамической композиции:</p> <ul style="list-style-type: none"> – метод от меньшего размера площади росписи на фасаде - к большему размеру площади – метод от нюанса – к контрасту – метод от светлоты - к насыщенности – метод объединяющего пластического движения – метод развития сюжетной линии <p>методы размещения на объемах и плоскостях:</p> <ul style="list-style-type: none"> – на фасадах обособленно – на торцах и неработающих поверхностях – объединение нескольких фасадов – переход «темы» с фасадов на другие поверхности: мощение, выносные все-сезонные конструкции, на противоположную сторону открытого пространства
	<ul style="list-style-type: none"> • принцип ритмичного чередования нескольких тем 	– методы ритма
	<ul style="list-style-type: none"> • принцип художественной полифонии 	– неповторимое многообразие тем

В мировой практике эти принципы можно увидеть на следующих примерах.

Принципы комплексности

Принцип ансамбля – лежит в основе многочисленных примеров туристских комплексов. Баварские деревушки, такие как Гармиш-Партенкирхен, Миттенвальд или

Обераммергау; ансамбли городских центров Штайн ам Райна и Люцерна (Швейцария) со множеством росписей на фасадах представляют этот принцип. В этих примерах живопись, тактично входя в архитектуру, объединяет здания в целостно воспринимающиеся комплексы.

Принцип частной (локальной) композиции наблюдается в монументальной живописи советского периода. Например, панно из смальты «Октябрь» А. Кищенко на здании Белорусского государственного института по проектированию предприятий пищевой промышленности в Минске.

Принципы формирования художественного образа

Топонимический принцип можно встретить в подавляющем большинстве росписей, сграффито и мозаик на фасадах домов в различных городах мира. История, легенды, религиозно-мифологические сюжеты, присутствующие в изображениях, усиливают особенности архитектуры и ее взаимосвязь с местом нахождения. Ярко иллюстрируют данный принцип такие целостные и художественно выразительные туристские комплексы как: замок Фридланд в Либерецком крае и замок в Литомышле (Чехия) со сграффито и росписями на тему старинных легенд и сказаний; замок Красицких (Польша), богато декорированный сграффито с изображениями, представляющими библейские сюжеты, портреты польских королей, охотничьи сцены. Также этот принцип лежит в основе современной монументальной живописи, представленной иллюзорной живописью на фасадах в Лионе (Франция). Самая большая и знаменитая из лионских росписей – «Стена ткачей», отображающая квартал Groix-Rousse с его жителями, архитектурой и традициями.

Функционально-метафорический принцип чаще всего встречается в монументальной живописи архитектуры общественных зданий. Мозаика на фасаде государственного мемориального музея А. В. Суворова «Переход Суворова через Альпы», С-Петербург, мозаика на фасаде здания мате-

матико-механического и астрономического факультетов С-Петербургского Государственного университета в Петергофе, изображающая великих ученых – математиков, механиков, астрономов, – примеры, наглядно иллюстрирующие этот принцип.

Авторский принцип монументальной живописи применен в работах архитекторов О. Вагнера, А. Гауди, Ф.Хундертвассера и Х.О'Гормана, где мозаика, майолика, керамическая плитка усиливают звучание, целостный образ уникальных авторских объектов.

Принцип арт-объекта может быть представлен монументальной живописью «Прометей» (ДК в Бурштыне, мозаика на рельефе, художники В. Эльконин, Ю. Александров); с его помощью решен архитектурно-мозаичный комплекс «Царство Олимпика» (дворовое пространство по адресу: набережная реки Фонтанки, д-2, Санкт-Петербург, мастерская В.В. Лубенко).

Эти принципы существуют как в чистом виде, так и в переплетении. Например, в таких объектах, как библиотека университета в Мехико или собственный дом архитектора-художника Х. О'Гормана, одновременно присутствуют принципы топонимический, авторский и арт-объекта.

Принципы композиционного единства со средой

Принцип аналогии – был избран как руководящая идея в фасадных росписях внутреннего двора Епископского Дворца в Фюссене, где живопись естественно вошла в среду, обогащая фасады иллюзорно проработанными архитектурными деталями.

Принцип контраста – присутствует в экспериментальном концептуальном решении жилой застройки в Раменском (Московская область), где суперграфика на фасадах противопоставляется среде средствами применения ярких спектральных цветов и общей, не привязанной к архитектуре масштабно и тектонически пластичной изображений.

Принципы единого формального подхода в контексте общего замысла

Принцип абстрактного подхода в создании художественного образа архитектуры использует Ф. Хундертвассер, иногда в сочетании с принципом абстрактно-изобразительным, где появляются стилизованные изображения человека, природных форм, и т.д.

Принцип изобразительного подхода применен в живописном решении фасада неоренессансного дома «У Ротта» на Малой площади в Праге (художник Микулаш Алеш), а также других многочисленных росписях с изображениями человеческих фигур, животных, орнаментов.

Принципы комплексного развития темы

Принцип динамического развития одной темы иллюстрирует 100 метровая фризная композиция «Шествие князей» на внешней стене галереи «Длинный ход», составляющей северную стену конюшенного двора в комплексе Дрезденского дворца-резиденции (Германия).

Принцип ритмичного чередования нескольких тем представляет сграффито на башнях и стенах внутреннего открытого пространства замка Красицких (Польша).

Принцип художественной полифонии иллюстрируют Вацлавская и Староместская площади в Праге.

Заключение. Таким образом, при применении принципов единого художественного замысла, архитектуру туристских комплексов обогащает образно-художественная концепция живописи. Помимо целостного ритмически-пластического и колористического решения, эта концепция включает в себя узлы притяжения внимания (акценты), развивающие и дополняющие архитектурный замысел деталями, представленными уникальными произведениями искусств. Такие акценты могут нести в себе историческую, географическую, мифологическую, фольклорную, орнаментальную, информационную нагрузку, выраженную в художественной форме. При

этом добавляется творческая уникальность, непременно присутствующая в работах авторов, привлекаемых к детальной разработке художественной концепции.

Литература

1. Дразжин В., Потаев Г. Целевые ориентиры развития малых исторических городов — центров туризма / В. Дразжин, Г. Потаев. — Минск: Строительство и архитектура 03.09.2004
2. Склярченко Г.Я. Художник и город: проблемы формирования архитектурно-художественного ансамбля / Г.Я. Склярченко. — Киев: Наукова думка, 1990. — 102с.
3. Степанов Г.П. Композиционные проблемы синтеза искусств. / Г.П.Степанов. — Ленинград:Художник РСФСР,1984 — 56с
4. Швидковский О.А. Гармония взаимодействия. Архитектура и монументальное искусство. / О.А Швидковский — М:Стройиздат, 1984. -68с.
5. Беляева Е.Л. Архитектурно-пространственная среда города как объект зрительного восприятия. / Е.Л. Беляева. — М.: Стройиздат, 1977 — 127с.
6. Иконников А.В., Степанов Г.П. Основы архитектурной композиции. /А.В. Иконников, Г.П. Степанов. — М.: Искусство, 1971. — 224с
7. Иодо И. А., Потаев Г.А. Основы градостроительства и территориальной планировки. / И.А. Иодо, Г.А. Потаев. — М.: Универсалпресс, 2003 - 215с
8. Рекомендации по проектированию комплексной схемы художественного и монументально-декоративного оформления города. - М.: МАРХИ, 1986.
9. Соловьев Н. О структурной гармонии пластических искусств и архитектуры / Н.Соловьев. — Москва: Советское декоративное искусство, 1978.-110с.
10. Мошков В. М., Кузнецов О.И. Пластическая основа композиции. Проблемы синтеза искусств. / В. М. Мошков, О.И. Кузнецов. — СПб.: Издательство С.-Петербургского университета, 1994 — 78 с.
10. Белова О.В. Территориальная культура или культура места / О.В. Белова. // Архитектура. Сборник научных трудов. Выпуск 4. — Минск: БНТУ, 2012

MONUMENTAL PAINTING AND OBJECTS THAT AFFECT TO THE TOURISM DEVELOPMENT Slauk S. Y.

The article makes an attempt to systematize the principles of monumental painting that affect to objects of tourism development. The info received by the photo and data provided by the Internet, and also scientific sources relevant to this problemcity.

Поступила в редакцию 04.05.2012

УДК 711.4

ПОСТИЖЕНИЕ БОЛОНСКОГО ПРОЦЕССА ЧЕРЕЗ ИНТЕРНЕТ

Хачатрянц К.К.

профессор, кандидат архитектуры, кафедра «Градостроительство», БНТУ

В статье приведено изложение собранного в интернете материала по проблеме организации двухступенчатого высшего образования («бакалавриат — магистратура») в странах Западной Европы и в России.

Введение. Реформа высшего образования затеяна ЕС более 13 лет назад. Вначале в Европейское пространство высшего образования (ЕПВО) вошли 27 стран, подписав Болонскую декларацию. Сейчас их уже 47, включая Российскую Федерацию, вступившую в европейский образовательный клуб в 2003 г. Мы в Европе последняя страна, которая пока «вне игры» и которая сейчас присоединяется к абсолютному большинству. В связи с чем возникает необходимость разобраться в вопросе поподробнее. Что я и попыталась сделать с помощью цитат или почти цитат из интернета, нескольких работ советского и постсоветского периода, а также некоторых своих комментариев, основанных на личном опыте. Я просмотрела материалы по нескольким западноевропейским странам, по Российской Федерации и Казахстану. Причем пыталась «выудить» общие принципы двухступенчатого высшего образования и более конкретно принципы двухступенчатого архитектурного образования.

Основная часть. **Интернационализация Европейского пространства высшего образования** провозглашается как цель Болонского процесса. Она необходима, чтобы способствовать мобильности:

а) студентов, которые могут без затруднений менять место обучения в порядке межвузовского обмена между странами, включившимися в Болонский процесс;

б) преподавателей вузов, периодически приглашаемых в другие страны;

в) выпускников вузов, которые, в равной мере смогут включаться в практическую, исследовательскую, педагогическую работу

в любой стране, освоившей Болонский процесс.

Интернационализация **обеспечивается:**

– использованием во всех странах-участниках болонского процесса единой Европейской системы переводных зачетных единиц, позволяющих студентам без особого труда переходить из вуза в вуз за счет того, что зачетная единица («кредит»), полученный в каком угодно вузе, признается в любом другом вузе и позволяет больше не заниматься обязательным изучением уже зачетных кредитов;

– внедрением во всех странах-участницах Болонского процесса единой системы научных степеней (бакалавр, магистр, доктор – без принятых на постсоветском пространстве «кандидатов в доктора»).

Почему проблема интернационализации высшего образования выносится во главу угла реформы? Потому что она экономически необходима для создания единого рынка «высококвалифицированной рабочей силы» (т.е. работников с высшим образованием, потребность в которых в современных условиях стала массовой), а в культурном отношении необходима для формирования мультикультурного общества. Старая система организации образовательного процесса это затрудняла, так как в странах ЕС университеты функционируют на принципах автономности учебных заведений, включающих академическую автономию (учебные планы, программы и научные исследования), финансовую автономию (выделение бюджета единой суммой), организационную автономию (организационная структура университетов), автономии в области кадровой политики (наем, заработная плата и продвижение по службе). Болонский университет обрел автономию еще в II веке, остальные — на протяжении средневековья.

В таких условиях их учебные планы и программы неизбежно существенно различаются.

В СССР, а сейчас в Республике Беларусь, в принципе мобильность студентов, преподавателей и выпускников обеспечивалась и обеспечивается типовыми учебными планами, типовыми и базовыми учебными программами, нормами загрузки студентов по времени, утверждаемыми на министерском уровне, а также единством ученых степеней и званий, введенных в СССР 13 января 1934 г. для преподавателей вузов и сотрудников научных организаций. Иное дело, что эта возможность перемены мест использовалась редко, поскольку всячески поощрялась «нестекучесть» кадров и т.д. Задача реформирования для нас становится актуальной только при условии, что мы включаемся в процесс обмена студентами и преподавателями со странами ЕС, с США, с Канадой. Именно тогда для нас становятся важными задачи, во-первых, унификации учебных «кредитов», во-вторых, унификации ученых степеней (конкретно – введения степени магистра и приравнивания наших кандидатов к нашим докторам), в-третьих, поголовного освоения английского на уровне не ниже IELTS 6.5.

Бакалавриат. Обучение на бакалавра на Западе продолжается от 3 до 4,5 лет. Учиться можно за счет бюджета или за относительно невысокую оплату. Результатом можно считать осуществившийся в экономически развитых странах переход от элитарной к массовой системе высшего образования. Здесь нам догонять никого не надо: у нас на 10 000 населения приходится 440 студентов, и ряду экономически развитых стран приходится догонять нас.

Как строится обучение в бакалавриате и какие возможности приобретает его выпускник? Самое главное – бакалавр выходит из вуза с дипломом о высшем образовании, свидетельствующим о его готовности к труду, к включению в практическую деятельность. Эта готовность обеспечивается тем, что студентов в университете с первых дней целенаправленно обучают профессии – т.е.

основным специальным и непосредственно связанным с ними дисциплинам: считается, что минимально необходимое большинству общее образование уже получено за 12 – 13 лет обучения в средней школе.

В целом у выпускников бакалавриата есть три возможных пути:

- начать трудовую деятельность в бизнесе по полученной специальности;
- включиться в научные исследования по выбранному направлению;
- продолжить образование в магистратуре с углублением знаний, умений, навыков в изучаемой области (обычно после приобретения опыта практической работы), либо же с углублением подготовленности к научно-исследовательской и/или педагогической работе; при этом возможно изменение профиля подготовки.

Вот сведения о подготовке бакалавров в Великобритании – общепризнанном лидере в области высшего образования в Европе. Бакалавриат в университетах Великобритании (Англии, Шотландии, Северной Ирландии) – *undergraduate education* – первая ступень высшего образования, готовящая студентов к выходу на рынок труда. Продолжительность обучения по большинству специальностей составляет 3 года, по инженерным специальностям – 4 года, по таким сложным программам, как Медицина, Архитектура, Юриспруденция более 4-х лет. Из другого источника выяснилось, что «более 4-х» конкретизируется **5 – 7 годами**. План подготовки делится на 2 части: Part-1 (бакалавр) и Part-2 (бакалавр-специалист). Более половины английских студентов после первой части делают перерыв в учебе и устраиваются на работу, чтобы оплатить дальнейший курс.

Большая часть бакалавров в Великобритании на этой ступени высшего образования останавливается: полученная ими квалификация является полной и достаточной для работы по избранной специальности. Однако не идут они в магистратуру в основном из-за финансовых сложностей — социологические опросы показывают, что в прин-

ципе продолжить учебу хотели бы более 80% бакалавров.

Сам процесс обучения бакалавров в Великобритании идет значительно интенсивный, чем в других странах. С первых максимальное внимание уделяется профессии, причем не путем прослушивания больших лекционных курсов, а путем самостоятельного выполнения грамотно составленных заданий. Здесь не столько учат, сколько помогают учиться. Атмосфера обучения кажется свободной, но это впечатление обманчиво, так как объем работы очень большой и студенты быстро привыкают много работать самостоятельно, а не «из под палки». Занятия проходят в форме лекций, семинаров, практикумов. Плюс к тому у каждого студента есть свой академический тьютор (отдаленно напоминающий нашего научного руководителя), встречи с которым проходят еженедельно. Тьютор контролирует исполнение самостоятельной работы и помогает советом по любым академическим вопросам. Формы аттестации: текущая посещаемость, курсовые работы, активность на семинарах и практических занятиях, полусеместровые экзамены.

В каждом университете есть многочисленные отделы поддержки студентов, действуют всевозможные кружки, спортивные и развлекательные центры. Британские вузы делают все, чтобы период обучения в бакалавриате был по-настоящему счастливым.

Магистратура. Обучение в магистратуре дает более высокую степень высшего образования. В некоторых странах оно приравнивается к постдипломному образованию. Завершается получением ученой степени магистра, которая в глазах работодателя гарантирует высокую подготовленность ее носителя к самостоятельной работе – к решению сложных задач в практической сфере или к участию в научно-педагогической деятельности.

Магистр (мастер, наставник, учитель) – термин старинный, известный со времен древнего Рима (там были магистры конницы) и средневековья (магистры возглавляли

рыцарские ордена). Российский император Павел I, правнук Петра I, был великим магистром Мальтийского ордена. В России ученое звание магистра было введено указом сына Павла, императора Александра I в 1803 г. Тем же указом введены звания «кандидат» (лицо, закончившее университет с отличием, так сказать, кандидат в магистры) и «доктор» — степень более высокая, чем магистр. Занятия в российской магистратуре для «кандидатов», закончивших университет, продолжались 4 года. Право присуждать звания имели 5 университетов (ВАКа еще не было). В соответствии с этим положением пытался защитить (но не защитил) магистерскую диссертацию «Эстетические отношения искусства к действительности» Н.Г.Чернышевский. В 1917 революционным году все научные степени в России были отменены. В новой истории России термин «магистр» был реанимирован в 1993 г. как высшая квалификация выпускников вузов.

В Великобритании обучение в магистратуре очное. Продолжительность его всего 1 год (меньше чем во всех других странах Запада). Дополнительное время добавляется только тем, кто осваивает программу по менеджменту, чтобы стать «магистром бизнес-администрирования» (МВА). Здесь необходимы обширные знания вне конкретных профессий, эта образовательная услуга оказывается избирательно, содержание ее индивидуально. Британская краткость компенсируется предельной интенсивностью обучения – до 70 часов в неделю. Магистрант осваивает вводную программу и еще 8 основных курсов, посещение занятий по которым обязательно. По выбору изучается еще 3-10 факультативных курсов. После этого следует учебная практика или учебный проект, совмещаемые с частично оплачиваемой работой, затем написание диссертации объемом 10000 – 15000 слов. Над диссертацией можно работать самостоятельно либо в группе из 2 – 4 человек под руководством одного из преподавателей. Несмотря на такую загрузку, некоторые магистранты обучаются более чем по одному направлению.

Популярность магистратуры во многом объясняется выигранным положением магистров на рынке труда: уровень безработицы среди магистрантов почти в 2 раза ниже, чем среди бакалавров. Правда, для работодателей определяющее значение имеет практический опыт, приобретенный соискателем к моменту получения диплома.

В других странах Запада обучение в магистратуре длится до 2,5 лет. Оно может организовываться в очной, очно-заочной и заочной формах. В последних двух случаях широко используется дистанционное обучение с ориентационно-консультационными услугами университета. Загрузка меньше, чем в Великобритании, подавляющее большинство магистрантов совмещает учебу с работой по специальности. До конца XX-го века выпускники магистратуры в основном готовились к научно-педагогической деятельности. Последние 2 десятилетия растет число практикоориентированных университетов.

Как осваивается Болонский процесс в России? Участие России в болонском процессе носит фрагментарный характер. «Зачетные кредиты» внедрены только в нескольких вузах. Договоры о конвентуемых дипломах заключены также только несколькими вузами. Дальше всего Россия продвинулась во внедрении двухступенчатой системы высшего образования. Но и это сделано только несколькими десятками университетов. Учебные планы и программы пока не совпадают с европейскими. Основной аргумент в пользу перестройки – возможность поднять цену на образовательные услуги, гарантирующие получение дипломов, соответствующих европейским стандартам, и тем улучшить свое материальное положение. Отстающие проигрывают и на внешнем и на внутреннем рынке.

Основной интерес для нас представляет российская магистратура, поскольку: на уровне бакалавриата практически сохранилась та же структура учебного плана, которая была до начала Болонского процесса, а изменения в подготовке специалистов с высшим образованием, углубление и повы-

шение качества этой подготовки обеспечивается именно магистратурой.

Что касается магистратуры для архитекторов, то относительно ее МАрХИ сразу принял решение, что в ней могут выполняться диссертации трех видов:

- научно-исследовательская,
- творческая проектно-экспериментальная,
- научно-исследовательская педагогическая.

Направления подготовки магистров первоначально были предложены традиционные (история архитектуры, реставрация и реконструкция, теория градостроительства и районной планировки, архитектура жилых и общественных зданий, ландшафтная архитектура, дизайн архитектурной среды, архитектурная организация сельской среды, архитектура объектов промышленной архитектуры, материал и архитектурная форма, экономические и правовые основы архитектурной деятельности, архитектурная педагогика). Впоследствии число направлений увеличилось, как и количество изучаемых магистрантами дисциплин – к 2010 г. было разработано более 1000 программ магистратуры.

Московский архитектурный институт (государственная академия). В магистратуре основная образовательная программа включает дисциплины:

- методология и методика научных исследований в архитектуре и градостроительстве;
- современные проблемы научной и проектной деятельности;
- философские проблемы архитектуры;
- специальные дисциплины по направлению подготовки (разные для разных конкретных направлений).

Теоретический курс по направлению «Архитектура» представлен дисциплинами:

- методология и методика научных исследований в архитектуре и градостроительстве;
- современные проблемы теории архитектуры;

- актуальные проблемы теории и истории архитектуры;
- философские проблемы архитектуры;
- инновационные методы проведения научных и предпроектных исследований;
- медиатехнологии в архитектуре и градостроительстве;
- педагогика;
- менеджмент, право и этика.

Практический курс по направлению «Архитектура» представлен дисциплинами:

- проектирование и исследования;
- архитектурно-строительные конструкции, материалы, технологии;
- современные средства жизнеобеспечения объектов архитектуры и градостроительства.

Кроме вышеперечисленных дисциплин, которые считаются базовыми, а также дисциплин, назначаемых вузом, студенту предоставляется право выбора дополнительных дисциплин:

- экономика проектного производства;
- статистика;
- психология;
- экология;
- фотография;
- иностранный язык;
- современные методы возведения зданий в экстремальных условиях;
- роль архитектуры в создании устойчивой среды;
- пути повышения жизнеспособности зданий за счет внедрения ресурсосберегающих технологий;
- биопозитивные подходы к повышению природного ресурса архитектурных объектов;
- методы проектирования высотных сооружений;
- подземная урбанистика;
- многоуровневые транспортные инфраструктуры города.

Южный федеральный университет. Магистерская программа «Теория и история архитектуры». Задачи подготовки:

Исследование историко-теоретических проблем архитектуры и реставрации памят-

ников архитектуры и градостроительства Юга России. Архитектурные культуры Юга России. Символизация пространства в традиционной архитектуре народов Юга России. Символизации пространства и исторически сложившихся пространственных символов как основа художественного образа архитектурного произведения. Традиционная архитектура народов Северного Кавказа и Нижнего Дона как пространственная символизация норм, обычаев и культурных ценностей. Семантизация пространства, символическое использование исторических архитектурных форм как актуальное направление в современном профессиональном творчестве. История архитектуры религиозных конфессий Юга России. Дохристианское культовое зодчество. Христианское храмостроение Северного Кавказа X–XV вв., донского казачества XVI–XIX вв., городов Юга России XIX–начала XX вв. Буддийская архитектура XVIII–XIX вв. Мусульманская архитектура XIV–XIX вв. Взаимосвязь пространства и архитектурной формы храма в контексте регионально-этнических конфессиональных трактовок. Проблема отношения к наследию, разработка методологии сохранения и достоверности реставрации объектов христианской культуры региона, выработка научных критериев при составлении свода памятников архитектуры Северного Кавказа. Новейшая архитектура городов Юга России. Анализ архитектурно-стилистических качеств новой застройки исторических центров городов Юга России. Творчество современных архитекторов в городах Юга России – тенденции и стилистические направления. Этапы формирования архитектурно-пространственной среды исторических центров городов Юга России в современных условиях.

Целью данной программы является подготовка архитекторов-исследователей высшей квалификации в сфере теории и истории архитектуры. Основу обучения составляют научно-исследовательские курсовые проекты по конкретным теоретико-методологическим, историко-теоретическим

проблемам архитектуры. В процессе выполнения научно-исследовательских проектов студент овладевает навыками и умениями по определению теоретической проблемы, по выдвижению научной гипотезы, по разработке стратегии и методики исследования, по формулировке научно-теоретических выводов по актуальным вопросам истории архитектуры, методологии и теории архитектурно-проектной деятельности. Специальные базовые дисциплины магистерской программы "Теория и история архитектуры":

- архивные исследования и архитектурный анализ памятников;
- проблемы иконографии;
- экономика и организация проектных работ;
- архитектурные теории в России XVIII–XX вв.;
- актуальные проблемы истории архитектуры и градостроительства Юга России;
- система внутреннего убранства храма;
- геодезия для реставраторов;
- традиционные конструкции в архитектуре;
- градостроительная экология;
- архитектурная реконструкция зданий и сооружений.

Присвоение степени магистра архитектуры по данной программе осуществляется на основе защиты диссертации научно-теоретического типа, которая представляет собой законченное научное исследование в области теории и истории архитектуры.

В рамках магистратуры стали появляться новые для нашей страны направления, в том числе связанные с планировкой поселений и территорий.

Профессия планировщиков городов начала складываться в конце XIX в. в ходе урбанизации европейских стран. Зародилась она в Испании и Германии, в начале XX в. начала активно развиваться в Англии (П. Аберкромби), в 1909 г. первая национальная конференция планировщиков состоялась в США. В 1929 г. состоялся первый выпуск дипломированных планировщиков в Гарвардском университете. В 1934 г. было соз-

дано Американское общество планировщиков, появилось около 30 университетских колледжей для подготовки планировщиков. Сейчас научное и образовательное направление Urban theory или Urban studies реализуется во всех экономически развитых странах.

В Советском Союзе деятельность по планированию и регулированию пространственного развития городов обозначалась термином «градостроительство» и воспринималась как отрасль архитектуры, как равнозначный эквивалент промышленной, военной, гражданской, ландшафтной архитектуры. В условиях административной экономики это особых неудобств не вызывало. Рынок все проблемы многократно усложняет. Здесь в рамках единой деятельности объединяются все компоненты современной урбанистики — пространственное планирование, правовое зонирование, планировка территории с необходимостью научно обоснованного учета социально-экономических, демографических, санитарно-гигиенических, экологических, инженерных, социокультурных предпосылок. Это выходит за рамки традиционного профессионального мышления архитекторов и требует формирования планировщиков как новой профессии, носящей междисциплинарный характер и приближающейся к западному Urban planner.

Первая образовательная программа по урбанистике в России появилась в 2011 г., когда Высшая школа экономики организовала в качестве своего подразделения Высшую школу урбанистики и открыла в ней прием на магистерскую программу «Управление пространственным развитием городов» (срок обучения – 2,5 года, форма обучения заочная). Ниже приведен список дисциплин этой программы.

Адаптационные дисциплины:

- основы экономики;
- методы анализа и обработки данных;
- методы пространственного анализа.

Базовые обязательные дисциплины:

- история урбанистики и культурология города;
- экономика общественного сектора;

- территориальное планирование и проектирование на основе исследования пространственной структуры города;
- правовое регулирование градостроительной деятельности;
- теория и механизмы современного государственного управления;
- планирование и управление муниципальным социально-градостроительным развитием.

Кроме обязательных базовых студентам предлагается 11 дисциплин по выбору (социально-демографические вопросы развития города; жилищная экономика и жилищная политика; развитие местной демократии и городские общественные движения и т. д.).

Болонский процесс в Беларуси. В нашей стране был централизованно определен одногодичный срок обучения в магистратуре по очной форме, полуторагодичный по заочной (в России преобладающей формой является очно-заочная или просто заочная). По решению ВАКа магистратура была превращена в подготовительное отделение аспирантуры. Согласно этому решению студента, принятого в магистратуру, следовало расценивать как будущего аспиранта, а затем и будущего преподавателя кафедры: он мог в магистратуре сдать экзамены кандидатского минимума и не тратить на это впоследствии время пребывания в аспирантуре. Решение не очень логичное: в магистратуру стремится поступить значительно большее число студентов, чем потом принимается в аспирантуру. Остальные тратят жизнь на изучение философии, психологии, педагогики просто так, для общего развития. Никаких специальных дисциплин магистранты в РБ не изучали, философами не становились. Проведению научных исследований учились практически «у станка», просто получив тему диссертации от руководителя и проведя по этой теме анализ документов, натурные наблюдения и/или опрос специалистов. Новых, не освоенных на предыдущем этапе обучения, дисциплин, соответствующих направлению подготовки, магист-

рантам не предлагали (не только в количестве 8--18, но вообще ни одной, за исключением архитектурного факультета).

Заключение. Ломка складывавшегося десятилетиями учебного процесса в высшей школе, неизбежная при замене его традиционной формы на «Болонскую» может привести как к повышению, так и к снижению качества подготовки выпускников. Для первого варианта необходимо изучение опыта других стран, освоения прогрессивных решений, предотвращения ошибок, совершенных предшественниками.

Литература:

1. Болонский процесс / <http://ru.wikipedia.org/wiki/>
2. Болонский процесс до 2020 г. Лиссабонская декларация / <http://www.eua.be/typo3conf/ext/bzb/securelink/pushFile.php?cuId>
3. Bologna Follow-up Group (BFUG) Наблюдательная группа по Болонскому процессу (BFUG) / http://www.amursu.ru/attachments/550_bank_b.doc
4. Болонский процесс 2020 / http://www.akvobr.ru/bolonskii_process_kommunike_mnistrov_obrazovania.html
5. Степень Бакалавра / [www.http://petro-lingua.com.ru/bachelors_degree](http://petro-lingua.com.ru/bachelors_degree)
6. Высшее образование в Англии / [www.http://studyexpert.ru/velikobritaniya/](http://studyexpert.ru/velikobritaniya/)
7. Бакалавриат в Великобритании / <http://www.intoukuniversities.com/bakalavriat.html>
8. MBA в Великобритании: ОЦ «СТАДИ ФЛАЙТ» / <http://www.studyflight.ru/docs/mba-in-britain.shtml>
9. Магистратура в Германии / <http://www.mnbconsult.ru/vissht/mastersdegree/germany.html>
10. «Мягкий путь» вхождения российских вузов в болонский процесс / <http://cis.rudn.ru/document/show.action;jsessionid=EF1DE8C39AA4BABF80A011161B940B4B?document.id=1784>
11. Суровцев, И.С. Градостроительство: профессия и новые образовательные стандарты / И.С. Суровцев, Л.С. Первозчикова // *Градостроительство.*—2011.— №5.—С. 51-54.

UNDSERSTANDING OF BOLOGNA PROCESS THROUGH INTERNET

Hachatranz K.K.

This article contains a description of the materials, which were collected in the internet. These materials are facing the problem of the organization of two-stage higher education ("Bachelor - Master") in Western Europe and in Russia.

Поступила в редакцию 12.04.2012

Раздел 2

ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО

УДК 711.011

ИННОВАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВА

Вашкевич В.В.

кандидат архитектуры, доцент, кафедра «Градостроительство», БНТУ

В статье анализируются градостроительные аспекты формирования в Беларуси объектов самодеятельного технического творчества как необходимого условия инновационного развития общества. Перспективным направлением развития жилых территорий крупных городов, способствующим активизации изобретательской деятельности населения, рассматривается строительство смешанной застройки.

Введение. Понятие «гаражные изобретения» прочно вошло в современный обиход. Пожалуй, самый известный пример – первый компьютер Apple, собранный в гараже Джобсов. Фирма Hewlett-Packard также начиналась с гаражного производства. Уолт Дисней организовал первую студию в гараже своего дяди. Приведенные примеры свидетельствуют о выдающейся роли гаража в реализации изобретательской деятельности. Прежде всего, идет речь о гараже рядом с домом, как о самой традиционной форме хранения автомобилей и организации домашней мастерской. Близость ее к месту проживания – это ключевой фактор, способствующий «гаражному творчеству».

Однако гаражная мастерская в условиях Беларуси находится вне закона, так как правила пожарной безопасности не допускают использования гаража не по прямому назначению (устройства ремонтной мастерской), а также запрещают монтаж и эксплуатацию электрических машин (электронаждаков, электродрелей и других подобных электроизделий), использование сварочного оборудования [1]. Несмотря на правила пожарной безопасности, стихийная гаражная техническая деятельность населения существует, потому что пространственная и функциональная организация города такова, что доступных мест, в которых осуществлен доступ к станкам и оборудованию, нет.

Основная часть. В СССР организованное техническое творчество детей и молодежи осуществлялось во внешкольных учреждениях (дворцах и домах пионеров и школьников) системы министерства просвещения (народного образования).

В соответствии с постановлением Совета Министров СССР, ВЦСПС и ЦК ВЛКСМ № 321 от 13 марта 1987 года «Об образовании единой общегосударственной системы научно-технического творчества молодежи» началось создание таких центров во всех республиках СССР.

Взрослому населению любительское техническое творчество доступно было либо на производстве (рационализаторская и изобретательская деятельность на рабочем месте) или в ДОСААФ (Добровольное общество содействия армии, авиации и флоту) в рамках, очерчиваемых целями и задачами этой организации.

Вместе с тем, стихийное техническое творчество населения никуда не исчезало. Во многих областях техники появлялись любительские изобретения, этому способствовало издание журналов «Техника молодежи» (с. 1933 г.), «Моделист-конструктор» (с. 1966 г.), «Юный техник» (с. 1956 г.). Уже в 60-80-е гг. прошлого века публикуется достаточно много научных работ, посвященных «техническому творчеству масс».

Как реакция на массовое распространение любительского технического творчества, в феврале 1987 года, утверждается Постановление ЦК КПСС, СМ СССР, ВЦСПС, ЦК ВЛКСМ «О мерах по дальнейшему развитию самодеятельного технического творчества» (№ 157), в котором перед партийными и советскими органами ставится акту-

альная задача по всемерному содействию техническому творчеству граждан СССР и признается целесообразным создание клубов самодеятельного технического творчества. При Государственном комитете по делам изобретений и открытий организуется Центральная комиссия содействию самодеятельному техническому творчеству. В Постановлении дается указание руководству республик о выделении помещений или их строительстве для размещения клубов самодеятельного технического творчества. Анализ реализации постановления № 157 выявил медленное выполнение его решений на местах, проблемы с выделением помещений, организацией оплаты преподавателей и др. В Беларуси отмечалась тенденция слияния структур управления общественно-государственной системы НТТМ и самодеятельного технического творчества [2].

К сожалению, советской системе технического творчества населения не суждено было сложиться, так как после образования суверенной Республики Беларусь данной проблеме не уделялось должного внимания. Отдельные клубы технического творчества существуют при заводах, общественных организациях, но общая статистика автором не выявлена.

В стране действует лишь система внешкольного образования, доступная для детей и молодежи. Например, в 2011 году в Минской области действовало лишь 78 учреждений дополнительного образования, из них только 4 центра технического творчества. И это самый высокий областной показатель по республике [3].

Градостроительные тенденции также не всегда способствуют инициативному техническому творчеству населения. Как известно, в течение всего послевоенного периода в белорусских городах целенаправленно формировались отдельные функциональные зоны (жилые, общественные, производственные и рекреационные). Проектировщики стремились к компактности города, высокой плотности населения, что

было обусловлено концентрацией производства, централизованными системами инженерного обеспечения городских районов.

Как правило, дома или дворцы пионеров строились в центрах городов, а клубы технического творчества размещались в приспособленных помещениях в любых частях города. Застройка жилых территорий крупных городов осуществлялась преимущественно многоквартирными домами массовых серий. Гаражные массивы выносились в коммунально-складские зоны, как правило, расположенные вдали от жилых домов.

В центрах жилых районов и в микрорайонах предусматривались объекты культурно-бытового обслуживания, к которым относились и специализированные ремонтные мастерские (по ремонту бытовой техники и пр.). Подобная практика развития города в широком масштабе осуществляется в Минске и в настоящее время.

Действующие градостроительные документы также не предполагают, что у человека может появиться желание что-то изобрести в технической сфере и реализовать свое изобретение самостоятельно. Например, в ТКП «Градостроительство. Населенные пункты. Нормы планировки и застройки» упоминается только о детских центрах технического творчества, об объектах культуры и искусства как о социально-гарантированных видах обслуживания, о техническом творчестве взрослого населения нет ни слова [4]. *Такая ситуация в градостроительстве привела к «сжатию» пространства для инициативного технического творчества на фоне дефицита специализированных объектов, предназначенных для этой цели.*

Вместе с тем, принята государственная программа инновационного развития Республики Беларусь на 2011–2015 годы, где одна из задач – «формирование инновационного общества, создание эффективной системы непрерывной подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров, специалистов и руководителей для иннова-

ционной экономики» [5, с.11]. Ниже говорится об эффективном использовании интеллектуальных ресурсов общества и формировании благоприятной среды для развития научно-технической деятельности и инновационного бизнеса [5, С.39]. Конечно, в программе речь идёт о high-tech секторе экономики и, казалось бы, клубы технического творчества к этому отношения не имеют, так как относятся скорее к low-tech сегменту человеческой деятельности. Однако если ощущается нехватка пространства для low-tech деятельности, то трудно ожидать прорыва в инновационной сфере.

Обратимся к опыту США, где не наблюдается недостатка в гаражных мастерских, но можно отметить проблему с доступностью населения к высокотехнологическому оборудованию, необходимому для современного технического творчества. Бывший инженер Джим Ньютон на своём собственном опыте убедился в нехватке оборудования для реализации своих изобретений и решил организовать общедоступную мастерскую на клубной основе [6]. Первый гараж для изобретателей был открыт в Менло-Парк (Калифорния) в 2006 году. После открыты еще четыре: в Рейли-Дерхем, Портленде, Сан-Хосе, Детройте. Особенность этих мастерских в том, что на членской основе (месячный абонемент около 99 долларов), человек получает доступ к разнообразному оборудованию, такому как аппараты лазерной резки, сварочное оборудование, циркулярные пилы, сверлильные и токарные станки, 3-D принтеры и 3-D сканеры, но может им воспользоваться только после обучения. К услугам клиента предоставляются компьютеры с программным обеспечением, позволяющим проектировать будущие изделия.

Не стоит рассматривать этот пример как вариант мужского клуба, так как к услугам женщин, предоставляется разнообразный спектр швейного оборудования. Интересно, что обучение и работа на определенном оборудовании (не всем) разрешена и для детей от 12 до 17 лет (конечно, под при-

смотром взрослых) [7]. Такая широкая функциональность позволяет рассматривать подобные мастерские как своеобразные семейные клубы с элементами профессионально-технического обучения.

Пять клубных мастерских для США – это очень малое количество, но оно демонстрирует возрастающий интерес населения к техническому творчеству, которое выступает инициатором инновационного развития. В нашей стране ситуация обратная – существует инициатива создания инновационного общества «сверху», но большинство жителей крупных городов ограничено в реализации своих новаторских идей в технической сфере на уровне среды проживания.

Выводы. Можно предложить два пути решения данной проблемы. Первый путь заключается в дополнении традиционных объектов общественного обслуживания населения крупных городов сетью специализированных клубных мастерских технического творчества «Сделай сам», размещаемых по иерархической системе: в центре города – в центрах планировочных районов – в центрах жилых районов.

Второй путь предполагает создание традиционных форм жилых территорий с включением производственно-деловой застройки, бизнес-отелей, startup-школ, которые могли бы стать основой для возникающих мастерских или мелких безвредных производств.

В ТКП «Градостроительство. Населенные пункты. Нормы планировки и застройки» подобное образование называется смешанной застройкой, правда, с оговоркой, что это исторически сложившийся ее тип.

Строительство районов смешанной застройки представляется наиболее перспективным путем развития города с точки зрения приближения мест приложения труда к жилым домам и разнообразия среды проживания, способствующей творчеству населения, в том числе техническому.

Заключение. Пространственная организация города оказывает существенное влия-

ние на возможности инициативного технического творчества его жителей. Создание градостроительных условий для возникновения объектов самодеятельного технического творчества в условиях плотной жилой застройки крупных городов может способствовать реализации изобретательской деятельности населения.

Литература:

1. Правила пожарной безопасности Республики Беларусь для жилых зданий, общежитий, индивидуальных гаражей и садоводческих товариществ. ППБ 2.13 – 2002
2. Самодеятельное техническое творчество. Сборник документов. Вып. 1. ВНИИПИ; сост.: В.К.Сорока, А.Н. Щеглов, А.А.Христофоров. - М., 1989. – 60 с.
3. Сирота, В. В Беларуси критически не хватает кружков технического творчества / В. Сирота, // Могилев [электронный ресурс]. -- 2012. – Режим доступа: <http://www.mogilev.by/news/37843-v-belarusti-kriticheski-ne-hvataet-kruzhkov-tehnicheskogo-tvorchestva.html>. - Дата доступа: 20.03.2012.

4. Градостроительство. Населенные пункты. Нормы планировки и застройки: ТКП 45-3.01-116-2008 (02250). – Введ. 01.07.09– Минск: Министерство архитектуры и строительства Республики Беларусь, 2009. – 64 с.
5. Государственная программа инновационного развития Республики Беларусь на 2011-2015 годы. – Минск: ГУ «БелИСА», 2011. – 164 с.
6. Бизнес идея №2126. Гараж для великих изобретателей // 1000 идей [электронный ресурс]. – 2007- 2012. – Режим доступа <http://www.1000ideas.ru/?p=6225> - Дата доступа: 20.03.2012.
7. Techshop // techshop [электронный ресурс]. – 2006-2012. - Режим доступа: <http://www.techshop.ws> - Дата доступа: 20.03.2012.

**THE INNOVATIVE POTENTIAL
OF URBAN PLANNING
V.V. Vashkevich**

The urban development of do-it-yourself workshops in Belarus is analyzed. Spatial accessibility to D.I.Y workshops is considered as necessary condition for innovation development of society.

The proposed way of expanding the cities which encourages technical creativity of residents is mixed development.

Поступила в редакцию 19.04.2012

УДК 72.03:725.94(476-22)

**ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ АРХИТЕКТУРНОГО БЛАГОУСТРОЙСТВА
СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ БЕЛАРУСИ**

Другомилов Р.А.

аспирант, кафедры «Градостроительство», БНТУ

Рассмотрено развитие в историческом процессе архитектурного благоустройства сельских поселений Беларуси в рамках шести основных периодов социально-политического развития страны с описанием их характерных особенностей.

Введение. Архитектурное благоустройство сельских поселений – одна из важнейших задач современной сельской архитектуры Беларуси. В настоящее время вопросы архитектурного благоустройства сельских поселений подняты в ряде государственных программ и документов, из которых наиболее полно освещает вопросы развития сельских поселений “Государственная программа устойчивого развития села на 2011–2015 годы”. Однако разработка теоретических основ организации благоустройства и его проектирование невозможны без критического анализа исторического развития благо-

устройства сельских поселений Беларуси и осмысления общих этнографических черт и особенностей, присущих тем или иным малым формам и прочим элементам благоустройства на территории нашей страны. Анализ исторического развития благоустройства сельских поселений Беларуси основан на работах различных авторов, раскрывавших вопросы белорусского народного зодчества и этнографии – Л.А. Молчановой [1], В.А. Чантурии [2], В.В. Трацевского [3], А.И. Локотко [4; 5], С.А. Сергачева [6], А.С. Сардарова [7-9], А.Н. Кулагина [10] и др., – на анализе проектов, предложений по совершенствованию сельской среды и описанию удачных примеров благоустройства сельских поселений, приведенных в научной литературе советского периода, а также

на результатах собственных исследований автора.

Основная часть. При анализе исторической эволюции благоустройства рассмотрены типы поселений, обозначавшиеся в истории следующими терминами: селище, “погост”, “мир”, “дворышча”, “двор”, “аднадворак”, “хутор”, “село”, “вёска”, “весь”, “деревня”, “дзярэўня”, “засценак”, “ваколіца”, “вулка”, “выселкі”, “фольварк”, “слобода”, “поселок”, а также загородные усадьбы феодалов и помещиков, в некоторой степени затронуты “местечки” (которые являлись переходным типом от сельского поселения к городу).

Рассмотрим каждый из шести основных периодов социально-политического развития страны в отдельности.

1. С древнейших времен до IX в. (эпоха первобытнообщинного строя на территории Беларуси). Появляются первые архитектурные формы для благоустройства жилища, территориальных владений и мест захоронений.

Сначала человек применяет для своих бытовых потребностей природные элементы в их естественном состоянии, но вскоре учится осознанно использовать их: передвинутый камень или ствол собственноручно поваленного дерева становятся первыми прообразами уличной мебели. Позднее кострища и очаги становятся полноправным композиционным центром древнего жилища. Чтобы очертить функционально-символическую границу между опасными языками пламени и остальным пространством жизнедеятельности, кострища бережно обкладывают по кругу камнями. Таким образом, кострища, примитивные места для отдыха формировали отдельные стоянки древних людей, которые стали первыми прообразами будущих поселений.

В период позднего неолита с зарождением духовного начала людей появились и первые формы благоустройства, не имевшие конкретного утилитарного назначения: скульптурные изображения женщин, животных, птиц, рыб, божеств, которые выре-

зались из дерева, кости и камня. Идолам поклонялись, устанавливая их на капище [11]. Скульптурки обогащали среду жизнедеятельности, придавали ей духовность и индивидуальность.

Первобытные люди использовали для ориентирования на местности камни, складывая их в груды, а с развитием земледелия стали использоваться и “межевые камни”, которые были границами полей и владений [8]. На межах полей также создавались аккуратные тропы для контролирования своего участка [9].

В бронзовом веке зародился обычай хоронить прах или тела умерших в земле, нередко насыпая над ними курганы [2] – первые формы благоустройства мест захоронения. На могилах умерших также могли устанавливаться намогильные камни.

С середины I тысячелетия до н.э. с разложением первобытных отношений и столкновением между родами и племенами поселения стали огораживать деревянными стенами (частоколом), вокруг них насыпались оборонительные валы и выкапывались глубокие рвы [2]. Таким образом, частокол, валы и рвы как элементы благоустройства сыграли главную роль в появлении нового типа поселений – городищ, обеспечивая безопасность их жителям.

2. IX – XIII вв. (территория Беларуси в составе западных земель Древнерусского государства и во времена феодальной раздробленности). Принятие в Киевской Руси христианства способствовало широкому распространению среди жителей территории Беларуси известного еще с языческих времен символа – креста. Крест теперь можно было обнаружить высеченным на камнях у дорог, крестами украшались известные с дохристианских времен намогильные камни, становясь при этом памятниками [5], устанавливались и отдельно стоящие деревянные или каменные кресты в местах захоронений умерших, у дорог и в других местах. Появились часовенки и каплички, которые, как и кресты, ставились у дорог и их перекрестков, в местах, где про-

изошло чудо, на месте будущего возведения храма, возле животворящих криниц, а также в память о предках, значимых событий, по поводу стихийного бедствия, эпидемии, голода [5], становясь своеобразными мемориально-религиозными указателями и знаками. Со времен Киевской Руси известны в Беларуси и отдельно стоящие колокольни. Кроме своего непосредственного назначения они нередко использовались и как хозяйственные помещения, брамы, дозорные сигнальные вышки, оборонительные башни [12]. Таким образом, принятие христианства дало толчок развитию мемориальных и религиозных элементов благоустройства.

В XII в. на территории Беларуси у дорог также устанавливали камни с высеченными на них крестами и надписями: Борисовы камни, Рогволодов камень, “Воротишин крест” и др. Фактическая связь их с дорогой дает основания рассматривать их как своеобразные путевые ориентиры, знаки [7].

3. Вторая половина XIII в. – XVIII в. (территория Беларуси в составе Великого княжества Литовского и Речи Посполитой). Этот период ознаменовался процессом формирования основных принципов белорусского народного зодчества, что имеет непосредственное отношение и к элементам благоустройства [6].

В крестьянских усадьбах широко распространились такие элементы благоустройства, как ограды (пришедшие еще из оградительных стен древних городищ – частокол, замет, тын) и ворота (“брамы”, с XVI в. чаще всего имевшие одну глухую створку, закрытые завалами, накрытые двухскатными крышами, иногда украшенные башенками, флюгерами [12]), структуры усадеб имели замкнутый характер, а надежные ограды и запоры обеспечивали психологически комфортную среду обитания человека. Иногда даже улицы запирались воротами (“коваратам”) [6; 12].

Говоря о развитии сельских поселений, следует также отметить, что проведенная в 1557 г. земельная реформа “Устава на волости” поспособствовала развитию в сельских

поселениях многоучастных планировочных структур [5]. Важным элементом сельской среды становятся торговые и общественные площади, на которых проводились сезонные торги, базары, сходки.

Развивается в Беларуси бортничество: в XV – XVI вв. взамен естественным или искусственно выдолбленным в деревьях бортиям (душам, где селились пчелы) распространились колодные ульи, которые назывались по-старому бортиями или колодами. Их также можно причислить к малым архитектурным формам. Колоды с защищающими их от медведей и куниц “падкурамі” и “самабітнямі” расставлялись на деревьях [11], что приносило оригинальность в облик прилегающих к селам территорий, становилось признаком освоения их человеком.

Продолжают развиваться религиозные и мемориальные элементы архитектурного благоустройства: активно применяются мемориальные кресты, с XVI в. распространены на Беларуси каплички и часовенки [11], к XVIII в. утрачивают свои оборонительные функции отдельно стоящие колокольни, но характерные для оборонительных сооружений формы все еще остаются им присущи [6].

В XVIII в. теряются оборонительные функции и у других элементов благоустройства. Так, малые архитектурные формы с преобладанием духовно-эстетической составляющей получают наибольшее распространение начиная с XVIII в., когда в загородных дворцово-усадебных комплексах начинает развиваться садово-парковое искусство – в парках и у водоемов ставятся павильоны, беседки (“альтанки”), скамьи, скульптуры, каплички, часовни,obelisks, оформляются въезды в усадьбы, сооружаются мостики, подпорные стенки и т.п. Малые архитектурные формы располагаются в наиболее характерных точках паркового рельефа, служат доминантами, обогащающими искусственно организованный ландшафт [10]. Вплоть до 80-х гг. XVIII в. в усадебном паркостроении господствует регулярный (“французский”) стиль [10].

4. Конец XVIII в. – начало XX в. (территория Беларуси в составе Российской империи). Элементы благоустройства окончательно утрачивают оборонительные функции, но традиционные решения, такие, как сплошные ограды и ворота, продолжают развиваться и совершенствоваться. В это время одновременно встречаются различные типы оград – живая изгородь, замет (“тын”), частокол (в том числе штакетник), плетень (“пляцянык”) [1; 3; 4; 6]. Появляются образцовые проекты главного фасада усадеб с обязательным забором по периметру двора и двухстворчатыми воротами [3].

В крестьянских усадьбах особую роль продолжают играть и другие малые архитектурные формы: перелазы, скамьи, колодцы, сооружения для сушки или хранения зерновых, соломы, кормовых, пчелиные колоды и т.п., которые активно дополняют ансамбль застройки. В зависимости от подъемного оборудования известны три типа колодцев: колодец с подъемным оборудованием в виде шеста, который лежал рядом со срубом, колодец-журавль (“журавель”), колодец-коловорот [3; 4]. К сооружениям для сушки или хранения зерновых, соломы, кормовых относятся озерод (в том числе “пераплат”, “астроўкі”), стог, оборог [1; 3; 4; 11]. Колодные ульи в XVIII в. почти полностью вытеснили борть, появились также новые типы ульев, такие как соломенные ульи (“саламянікі”), плетеные “лазавікі” и рамочные ульи, распространившиеся с конца XIX – начала XX вв. [11].

Получают дальнейшее развитие малые архитектурные формы (павильоны, беседки, статуи, вазы, въездные ворота и др., акцентирующие наиболее ответственные участки парка) и в загородных дворцово-усадебных комплексах, в архитектуру которых в конце XVIII – начале XIX вв. приходит классический стиль и пейзажный (“английский”) тип парков, а с первой половины XIX в. – неоготическая стилистика (особенно присуща часовням, парковым павильонам, въездным брамам) [10].

XVIII – XIX вв. – также период наибольшего расцвета архитектуры капличек, часовен и крестов [7], которые в зависимости от назначения неразрывно связывались с улицами и дорогами, с источниками святой воды, становились главным композиционным центром мест захоронений или территорий храмов. Каплички и часовни могли быть следующих типов: деревянная столбовая каплица с небольшим шатром под четырехскатной крышечкой со шпилем, кресты под крышечкой на дереве, украшенные резьбой, каменные в виде четырехугольной башенки под четырехскатной крышечкой, деревянные или каменные с крышей на четырех столбах и скульптурой во внутреннем пространстве, деревянные срубные часовни, часовни-мемориалы, каплицы, аналогичные по архитектуре одно- и двухбашенным костелам, часовни-ротонды [5; 6; 7]. К этому времени относится и появление в сельских поселениях большого количества отдельно стоящих колоколен, которые активно включались в систему вертикальных ориентиров деревень и могли быть двух основных типов: открытые столбовые и башенные [5; 6].

5. Начало XX в. – конец XX в. (советский период). После революции 1917 г. с принятием ряда законодательных и нормативных документов значительное внимание начинает уделяться развитию сельских поселений. С этого времени развитие сельское благоустройство начинает двигаться в двух взаимодополняющих направлениях: развитие инфраструктуры сельских поселений с точки зрения проектировщиков и совершенствование традиционных решений элементов благоустройства самими сельскими жителями. Наряду с возникающими новыми благоустроенными поселками продолжают существовать и традиционные белорусские деревни. В это время большое значение придается благоустройству улично-дорожной сети и сети пешеходных путей сообщения, в том числе и с применением асфальтобетонных и бетонных покрытий, внедряется в сельскую среду централизованное водоснабжение, канализация, электроснабжение, широкое

распространение получают спортивные и детские площадки и оборудование, развиваются традиционные (колодцы, ограды, ворота и др.) и появляются новые (трибуны, автобусные павильоны, доски почета, фонарные столбы и парковые светильники, въездные знаки в сельские поселения и др.) элементы архитектурного благоустройства, благоустраиваются жилые, общественные и производственные территории.

Многим малым архитектурным формам середины XX в. присуща особая декоративность, богатство архитектурными деталями и советской символикой. С 1960-х гг. берется курс на экспериментальное строительство на селе. Большую роль начинает играть типовое проектирование, что приводит к уменьшению декоративного убранства малых форм, которые в большинстве своем приобретают более строгие, конструктивистские, технологические и острые черты (в меньшей степени технологичность форм коснулась развития архитектуры мемориальных элементов, посвященных Великой Отечественной войне, которые начали распространяться в сельской местности с 1940-х – 1950-х гг.). Большое распространение в архитектуре малых форм находит железобетон (ограды, скамьи, автопавильоны и др.).

В целом же советский период ознаменовался формированием основных принципов проектирования среды сельских поселений.

6. С конца XX в. до наших дней (период независимой Беларуси). С распадом Советского Союза облик сел Беларуси фактически остановился в своем развитии. Из-за отсутствия на стыке 1980-х и 1990-х гг. надлежащего содержания и реконструкции благоустройства, из-за ошибок, допущенных при проектировании, которые привели к стихийному благоустройству жилых территорий, архитектурное благоустройство сельских поселений к концу XX века устарело морально и физически и потеряло необходимый для себя эстетический облик. Это стало одной из причин принятия, начиная с середины 1990-х гг., различных государственных программ, постановлений и т.п. (в

том числе и уже упомянутая выше “Государственная программа устойчивого развития села на 2011–2015 годы”), направленных на преобразование сельских поселений.

Таким образом, начата реконструкция морально и физически устаревшего архитектурного благоустройства сельских поселений. В агрогородках проводятся работы по благоустройству территорий, уровень которого максимально приближается к городскому. Появляются новые элементы архитектурного благоустройства (банкоматы, уличные телефонные аппараты), теряют актуальность некоторые элементы, внедренные в советское время (доски почета, газетные витрины, памятники Ленину). В новых малых архитектурных формах прослеживается уход от строгих форм и переход на формы с плавным очертанием, визуалью гибкими и обтекаемыми поверхностями. На смену широко применявшемуся в советское время бетону приходят легкие металлические и пластиковые конструкции (автобусные павильоны, уличные телефонные аппараты), для покрытий пешеходных дорожек применяется мелкоштучная плитка, широко используются традиционные деревянные конструкции (беседки, уличная и садово-парковая мебель, колодцы, ограды, пешеходные мостики, сюжетные композиции малых архитектурных форм).

Заключение. Впервые комплексно рассмотрено историческое развитие благоустройства сельских поселений на территории Беларуси в рамках шести основных периодов социально-политического развития Беларуси с описанием их характерных особенностей:

1. С древнейших времен до IX в. – эпоха первобытнообщинного строя на территории Беларуси (появляются первые архитектурные формы для благоустройства жилища, территориальных владений и мест захоронений).

2. IX – XIII вв. – территория Беларуси в составе западных земель Древнерусского государства и во времена феодальной раздробленности (преимущественно развива-

ются мемориальные и религиозные элементы благоустройства, что обусловлено принятием в Киевской Руси христианства).

3. Вторая половина XIII в. – XVIII в. – территория Беларуси в составе Великого княжества Литовского и Речи Посполитой (формируются основные принципы белорусского народного зодчества, имеющие непосредственное отношение и к элементам благоустройства; развиваются элементы благоустройства сельских усадеб, религиозные и мемориальные элементы, уличные сети сельских поселений; до XVIII в. формы элементов благоустройства имеют преимущественно защитный и оборонительный характер, начиная с XVIII в. в загородных дворцово-усадебных комплексах получают распространение малые архитектурные формы с преобладанием духовно-эстетической составляющей).

4. Конец XVIII в. – начало XX в. – территория Беларуси в составе Российской империи (элементы благоустройства окончательно утрачивают оборонительные функции; продолжают развитие элементы благоустройства сельских усадеб, религиозные и мемориальные элементы; появляются образцовые проекты главных фасадов усадеб; в загородных дворцово-усадебных комплексах малым архитектурным формам свойственен классический стиль, позднее – неоготическая стилистика).

5. Начало XX в. – конец XX в. – советский период (сельское благоустройство начинает двигаться в двух взаимодополняющих направлениях: развитие инфраструктуры сельских поселений с точки зрения проектировщиков и совершенствование традиционных решений элементов благоустройства самими сельскими жителями; до 1960-х гг. многим малым архитектурным формам присуще особая декоративность, позднее – большую роль начинает играть типовое проектирование; формируются основные принципы проектирования среды сельских поселений).

6. С конца XX в. до наших дней – период независимой Беларуси (проводится ре-

конструкция морально и физически устаревшего архитектурного благоустройства сельских поселений; в агрогородках проводятся работы по максимальному приближению уровня благоустройства сельских поселений к городскому).

Литература:

1. Молчанова, Л.А. Материальная культура белорусов / Л.А. Молчанова. – Мн.: Наука и техника, 1968. – 232 с.
2. Чантурия, В.А. История архитектуры Беларуси: учеб. пособие / В.А. Чантурия. – Мн.: Вышэйш. Школа, 1969. – 264 с.
3. Трацэўскі, В.В. История архитектуры народного жилища Белоруссии: учеб. пособие для вузов / В.В. Трацэўскі. – Мн.: Выш. шк., 1989. – 191 с.
4. Локотко, А.И. Белорусское народное зодчество: Середина XIX – XX в. / А.И. Локотко. – Мн.: Навука і тэхніка, 1991. – 287 с.
5. Беларусь: у 8 т. / рэдкал.: В.К. Бандарчык, М.Ф. Піліпенка, А.І. Лакотка. – Мн.: Тэхналогія, 1997. – Т. 2: Дойлідства / А.І. Лакотка. – 1997. – 391 с.
6. Сергачев, С.А. Белорусское народное зодчество / С.А. Сергачев. – Мн.: Ураджай, 1992. – 255 с.
7. Сардаров, А.С. История и архитектура автомобильных дорог Белоруссии / А.С. Сардаров. – Мн.: Вышэйш. Школа, 1978. – 152 с.
8. Сардаров, А.С. Архитектура автомобильных дорог / А.С. Сардаров. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Транспорт, 1993. – 272 с.
9. Сардаров, А. Книга о дорогах. Дороги в человеческой цивилизации и культуре / А. Сардаров. – Мн.: Арт Дизайн, 2000. – 192 с.
10. Кулагин, А.Н. Архитектура дворцово-усадебных ансамблей Белоруссии: Вторая половина XVIII – начало XIX в. / А.Н. Кулагин. – Мн.: Наука и техника, 1981. – 134 с.
11. Народная культура Беларусі: Энцыклапедычны даведнік / пад агул. рэд. В.С. Цітова. – Мн.: БелЭн, 2002. – 432 с.
12. Архітэктура Беларусі: Энцыклапедычны даведнік / рэдкал. А.А. Воінаў [і інш.]. – Мн.: БелЭн, 1993. – 620 с.

**THE HISTORICAL EVOLUTION OF THE
OUTDOOR ARCHITECTURAL ORGANISATION
OF RURAL SETTLEMENTS IN BELARUS**

Drugomilov R.A.

The historical evolution of the outdoor architectural organization of rural settlements in Belarus is investigated for six basic periods of the social-politic evolution of the country with the description of their characteristic features.

Поступила в редакцию 22.05.2012

УДК 711 (038)

АРХИТЕКТУРНОЕ ОБУСТРОЙСТВО ТРАНСЪЕВРОПЕЙСКИХ ТУРИСТСКИХ КОРИДОРОВ ИЗ БАЛТИИ НА БАЛКАНЫ

Потаев Г.А., Думитраску С.М., Тумащук Л.Б.

доктор архитектуры, профессор, кафедра «Градостроительство», БНТУ

доктор философии, Институт географии Румынской Академии,

магистр архитектуры, аспирант, кафедра «Градостроительство», БНТУ

В статье рассматриваются предпосылки и возможности развития трансъевропейских туристских коридоров, проходящих через территорию Беларуси из Балтии на Балканы. Приводятся результаты исследований, выполненных в составе международного белорусско-румынского проекта. Даны предложения по архитектурному обустройству туристских трасс в составе туристских коридоров; по размещению и развитию сети объектов и комплексов обслуживания туристов вдоль туристских трасс.

Введение. Формирование и развитие транзитных туристских коридоров создает предпосылки для более полного использования туристских ресурсов стран, по территории которых они проходят. Развитие сферы туристских услуг является стимулом активизации экономики, способствует возрождению народных традиций, ремесел, промыслов, укреплению культурных связей между странами.

Три близкие по значению понятия «туристская трасса», «туристский маршрут» и «туристский коридор» имеют существенные смысловые различия. Туристские трассы – автомобильные и железные дороги, велосипедные и пешеходные дорожки, конные тропы, водные туристские пути, оборудованные для передвижения туристов, относятся к объектам туристской инфраструктуры.

Туристские маршруты являются тематически выделенными путями следования туристов. Они разрабатываются организаторами туризма и включаются в туристские программы. По одной и той же туристской трассе могут проходить разные туристские маршруты (с разной тематикой, рассчитанные на разный контингент туристов). При этом не все туристские объекты, расположенные вдоль туристской трассы, включаются в туристские маршруты. Туристские коридоры создаются вдоль туристских трасс и включают транспортные коммуникации,

туристами объекты посещения и обслуживания туристов, туристские и рекреационные территории. В пределах одного туристского коридора может находиться несколько расположенных параллельно туристских трасс [1, 2].

Основная часть. Туристские пути, проходящие через территорию Беларуси из стран Балтии на Балканы. Транспортные пути, проходившие через территорию современной Беларуси от Балтийского побережья на Балканы, известны со второй половины 3-го тысячелетия до н.э. Они проходили преимущественно по рекам и волокам. В современных условиях передвижение туристов осуществляется преимущественно по автомобильным и железным дорогам, используются также водные пути, велосипедные, пешеходные и конные туристские тропы.

Учитывая разнообразие интересов туристов, при разработке туристских маршрутов важно использовать принцип вариативности – давать возможность туристам выбирать интересные для них объекты, «отклоняться» от основного маршрута и посещать дополнительные объекты, расположенные в стороне от маршрута. В соответствии с этим принципом разработаны «связки» туристских маршрутов.

По территории Беларуси проходят трансъевропейские транспортно-коммуникационные коридоры, связывающие северные и южные регионы Европы:

- коридор №9 – Хельсинки – С. Петербург – Витебск – Орша – Могилев – Гомель – Киев – Любашевка – Кишинев – Бухарест – Димитровград – Александрополис (Греция);

- ответвление коридора №9 В – Гомель – Жлобин – Минск – Молодечно – Вильнюс – Каунас – Клайпеда / Калининград;

- предусматривается продление трансъевропейского транспортно-коммуникационного коридора №5 – Триест – Любляна – Будапешт – Ужгород – Львов в направлении Львов – Ровно – Сарны – Барановичи – Лида – Вильнюс.

В дополнение к трансъевропейским транспортно-коммуникационным коридорам в системе туризма целесообразно использование других транспортных коммуникаций Беларуси международного, национального и регионального значения:

- Калининград – Каунас – Вильнюс – Гродно – Волковыск – Пружаны – Брест – Ковель – Львов – западные районы Румынии (Трансильвания);

- Вильнюс – Лида – Слоним – Барановичи – Пинск – Столин – Ровно – Львов – Румыния;

- Вильню – Лида – Новогрудок – Мир – Несвиж – Слуцк – Солигорск – Столин – Ровно – Львов – Румыния;

- Рига – Браслав – Полоцк – Орша – Могилев – Гомель – Киев – Кишинев – Бухарест;

- Рига – Верхнедвинск – Полоцк – Минск – Слуцк – Солигорск – Столин – Ровно – Львов – Румыния.

- Наибольшей привлекательностью для туризма обладают автодороги, вдоль которых расположено большое количество ценных историко-культурных и природных объектов и территорий:

- Гродно – Слоним – Кобрин – Малорита;

- Брест – Минск – Орша;

- Верхнедвинск – Полоцк – Витебск;

- Гродно – Лида – Минск;

- Шклов – Могилев – Корма;

- Кобрин – Пинск – Житковичи;

- Минск – Молодечно – Ошмяны.

Спортивно-оздоровительный водный туристский маршрут может быть организован по реке Березине и Березинской водной системе – историческому водному пути, связы-

вавшему бассейны рек Западной Двины и Днепра.

Имеются предложения по созданию нового судоходного канала, который соединит реки Западную Двину и Днепр по кратчайшему расстоянию, что позволит организовать транспортные и пассажирские сообщения по рекам и получить новый судоходный водный путь между Балтийским и Черным морями [4, 5].

Архитектурно-пространственная организация загородных туристских трасс. При проектировании загородных туристских трасс должны сохраняться ценные природные и культурные элементы ландшафтов, обеспечиваться визуальное раскрытия прилегающих территорий с дороги при движении. При этом необходим дифференцированный подход, учитывающий категории дорог, особенности придорожных ландшафтов, визуальное-пространственные качества дорожной среды, скорости движения транспорта.

Архитектурно-пространственная организация загородных туристских трасс направлена на решение следующих задач:

- выявление композиционно-пространственных особенностей территории и гармоничное включение туристских трасс в ландшафт;

- формирование выразительных зрительных картин, которые открываются с туристских трасс в процессе движения;

- защита придорожных населенных мест, сельскохозяйственных угодий, охраняемых природных территорий от шума и загазованности, создаваемых транспортом;

- рациональное размещение объектов и комплексов обслуживания, мест отдыха туристов, видовых площадок;

- создание эффективной информационной среды вдоль туристских трасс.

В районах с живописными ландшафтами целесообразно создание специальных *парковых дорог*. При их проектировании особые требования предъявляются к архитектурно-ландшафтной организации дороги и прилегающих территорий, а также безопас-

ности движения. Рекомендуется «вписывать» дороги в ландшафт за счет трассирования их в виде плавной пространственной линии, элементы плана, продольного и поперечного профиля которой гармонично сочетаются между собой и с окружающим ландшафтом. При этом следует обеспечивать зрительную динамичность трассы, сохранение и зрительное раскрытие пейзажного окружения [6].

При прохождении туристских трасс через территории национальных и региональных парков, других охраняемых природных комплексов необходимо обеспечивать возможности безопасного перехода животных через дороги с интенсивным движением транспорта. С этой целью при строительстве мостов через реки должны оставляться проходы под мостами, строиться специальные мосты с земляным покрытием и ограждением над дорогами для перемещения животных.

Вдоль туристских трасс формируется развитая сеть объектов обслуживания туристов (места отдыха, ночлега, питания, торговли, санитарно-бытовые удобства) и автотранспорта (автозаправочные станции, станции технического обслуживания транспорта, автостоянки).

Важно раскрытие историко-культурного и природного потенциала территории, по которой проходит туристская трасса, путем создание системы визуальной туристской информации, включающей данные о туристских объектах – памятниках истории, культуры, природы, других достопримечательностях; о размещении объектов придорожного сервиса; схемы туристских маршрутов с указанием расстояний между основными объектами; дорожные указатели направления движения к туристским объектам с указанием расстояний. В систему дорожной информации входят и монументальные художественные произведения, знаки, отмечающие въезды в страну, области, города, другие.

Между городами – центрами туризма целесообразно создание *линейных ландшафт-*

ных парков, включающих пешие и конные тропы, велодорожки, разделенные зелеными защитными полосами и связывают городские и загородные туристские комплексы и зоны.

Линейные ландшафтные парки создаются вдоль туристских трасс и планировочно организуются таким образом, чтобы давать возможность варьировать туристско-экскурсионные маршруты по продолжительности, видам транспорта, тематике. Например, поход по старинным усадьбам пригородной зоны может быть одно-, двух- или трехдневным, совершаться пешком, на велосипеде (зимой на лыжах), на конном транспорте. Идя в пеший, велосипедный или водный поход, назад в город можно вернуться на рейсовом автобусе или по железной дороге.

При создании линейных ландшафтных парков могут использоваться заброшенные железнодорожные ветки, каналы, долины малых рек и ручьев.

Комплексы обслуживания, предлагаемые для размещения вдоль туристских трасс. В зависимости от местоположения, градостроительной и природно-ландшафтной ситуации комплексы обслуживания туристов могут существенно различаться по составу зданий и сооружений, оборудования.

Комплексы обслуживания, предлагаемые для размещения вдоль автомобильных туристских трасс. Это наиболее востребованные комплексы обслуживания туристов. Они, как правило, располагаются в зоне придорожного обслуживания, а также у автодорог, обеспечивающих подъезд к городам – центрам туризма и туристским достопримечательностям.

При размещении комплексов обслуживания вдоль автомагистралей I технической категории необходимо учитывать нормативные ограничения количества съездов с автомагистралей. С учетом этого фактора, комплексы обслуживания туристов обычно размещаются взаимосвязано с автозаправочными станциями и станциями технического обслуживания автотранспорта.

Оптимальное расстояние между комплексами обслуживания, как показывает практика европейских стран с развитой туристской инфраструктурой, для комплексов с объектами питания – от 30 км до 50 км друг от друга, для комплексов с местами ночлега – от 50 км до 100 км друг от друга.

Вдоль автомагистралей, в зоне придорожного обслуживания, предлагается размещать комплексы обслуживания туристов 8 типов:

1. Комплексы кратковременного отдыха (К-1а). Они могут варьироваться по величине: малые (до 5 легковых автомобилей), средние (на 5-10 автомобилей), большие (свыше 10 автомобилей); по особенностям планировки (примыкающего (карманного) типа, со съездом с автомагистрали); по местоположению (у туристских достопримечательностей, у въездов в города, сельские поселения, у остановок общественного транспорта, в лесу, у реки, водохранилища, озера). Обязательным оборудованием комплексов являются: автостоянка, скамьи и столы, укрытия от непогоды (павильон, беседка или навес), туалет, мусоросборники. Желательно иметь оборудованные места для разогрева и приготовления пищи, водный источник.

2. Комплексы быстрого придорожного обслуживания туристов (К-2а). Такие комплексы включают: автозаправочную станцию, автостоянку, пункт быстрого питания на 45-50 посадочных мест в закрытом помещении (вместимость 1 туристского автобуса и 1-2 легковых автомобилей), скамьи и столы на открытом воздухе, магазин по продаже продовольственных и промышленных товаров первой необходимости, аптечный киоск, киоск печатной продукции и туристской информации, пункт телефонной и Интернет связи, туалет с умывальниками и душем, мусоросборники.

3. Комплексы обслуживания у туристских достопримечательностей (К-2б). Такой комплекс должен включать: огороженную и охраняемую автостоянку, вместимость которой определяется в зависимости от вели-

чины туристских потоков, места для сбора туристских групп со скамьями и укрытиями от непогоды, магазин или киоски по продаже сувениров, киоски или автоматы по продаже прохладительных напитков, печатной продукции, туристской информации, мусоросборники. Желательно наличие пункта быстрого питания или кафе.

4. Комплексы обслуживания туристов с рестораном (К-3а). Такие комплексы предназначены для кратковременного отдыха туристов с возможностью получить пищу по индивидуальному заказу, включая блюда национальной и региональной кухни. Такие комплексы, кроме ресторана на 50-70 посадочных мест, должны включать: автостоянку, магазин, киоски или автоматы по продаже прохладительных напитков, продовольственных и промышленных товаров первой необходимости, аптечный киоск, киоск печатной продукции и туристской информации, пункт телефонной и Интернет связи, туалет с умывальниками и душем, мусоросборники. Комплексы могут размещаться у автозаправочных станций или обособленно, в природном окружении.

5. Комплексы обслуживания туристов с кемпингом (К-4а). Кемпинги оборудуются летними домиками, местами для подключения трейлеров к электросетям, водопроводу и канализации, стационарными палатками и местами для установки палаток туристов. Они должны иметь ограждение и охраняться. Такие комплексы включают: автостоянку, кафе (пункт быстрого питания, кухню самообслуживания), скамьи и столы с навесами на открытом воздухе, магазин, киоски или автоматы по продаже прохладительных напитков, продовольственных и промышленных товаров первой необходимости, аптечный киоск, киоск печатной продукции и туристской информации, пункт телефонной и Интернет связи, туалет с умывальниками и душем, мусоросборники. Комплексы размещаются, как правило, в окружении живописной природы. Желательно их размещать в расположенных вблизи автомагистралей зонах отдыха, с тем, чтобы ими могли поль-

зоваться как автотуристы, так и местные жители, выезжающие на отдых на природу в выходные и праздничные дни.

6. Комплексы обслуживания туристов с мотелем (придорожной гостиницей) (К-4б). Такие комплексы включают: огражденную и охраняемую автостоянку, ресторан (кафе), магазин, киоски или автоматы по продаже прохладительных напитков, продовольственных и промышленных товаров первой необходимости, аптечный киоск, киоск печатной продукции и туристской информации, пункт телефонной и Интернет связи, туалет с умывальниками и душем, мусоросборники. В состав такого комплекса может входить автозаправочная станция и станция технического обслуживания автотранспорта. Гостиницы могут иметь различные архитектурные решения (здания корпусного типа, блокированная или коттеджная застройка), разный уровень комфорта, включать бассейны, сауны и бани, спортивные тренажерные залы и другие виды услуг (рисунки 2.1-2.3).

7. Разновидностью этого типа комплексов обслуживания автотуристов являются частные придорожные минигостиницы на 20-25 мест с кафе или пунктом быстрого питания.

8. Комплексы обслуживания при въездах в города – центры туризма (К-4в). Такие комплексы предназначены для того, чтобы туристы не исколи в незнакомом городе место для остановки и ночлега, а могли оставить автомобиль на охраняемой стоянке, пересесть на общественный транспорт и осмотреть его достопримечательности, а при желании – остановиться на ночлег. Такой комплекс должен включать: огороженную и охраняемую автостоянку большой вместимости (на 50 – 100 машино-мест), гостиницу (кемпинг) вместимостью от 50 до 100 мест, ресторан (кафе) на 50 – 70 посадочных мест, магазин по продаже продовольственных и промышленных товаров первой необходимости, включая аптечный киоск и киоск печатной продукции и туристской информа-

ции, мусоросборники, иметь подключение к телефонной и Интернет связи.

9. Комплексы обслуживания туристов в агроусадебках (К-4г). Такие комплексы предлагают туристам возможность не только остановиться на отдых и ночлег, но и ознакомиться с народной архитектурой традиционных сельских усадеб, обычаями, культурой и бытом белорусского народа, блюдами национальной и региональной кухни, попариться в бане. С ростом урбанизации агроусадебки становятся все более популярны как у иностранных, так и у отечественных туристов. Их отличает разнообразие архитектурных решений, природного окружения, состава предлагаемых туристам услуг.

Комплексы обслуживания, предлагаемые для размещения вдоль железнодорожных туристских трасс. Они размещаются на остановочных пунктах, на которых останавливаются поезда с туристами. Комплексы целесообразно группировать с железнодорожными вокзалами и станциями.

1. Комплексы обслуживания на железнодорожных вокзалах в городах – центрах туризма (К-4д). Такие комплексы, кроме традиционных для железнодорожных вокзалов объектов обслуживания пассажиров (залы ожидания, рестораны, кафе, пункты быстрого питания, туалеты с умывальниками, магазины, киоски или автоматы по продаже прохладительных напитков, продовольственных и промышленных товаров первой необходимости, аптечные киоски, киоски печатной продукции, пункты телефонной и Интернет связи, автостоянки, стоянки такси, остановки городского и пригородного пассажирского транспорта, мусоросборники), должны включать пункты туристской информации, туристско-экскурсионные бюро, туристские гостиницы, магазины по продаже сувениров, озелененные места кратковременного отдыха на свежем воздухе. В состав комплексов могут также входить объекты культуры (выставочные залы, галереи художественных произведений, народного творчества, другие) и развлечений (кинотеатры, видеозалы, другие).

2. Комплексы обслуживания на железнодорожных станциях, в местах пересадки туристов с поездов дальнего следования и туристских поездов на туристские автобусы (К-2в). Такие комплексы предназначены, преимущественно для организованных туристов, которые путешествуют по программе и сопровождаются и встречаются гидами (от франц. *guide* – проводник, путеводитель). Комплекс обслуживания должен включать: зал ожидания, вместимость которого определяется в зависимости от величины пассажирополюков и частоты рейсов железнодорожного транспорта, кафе (пункт быстрого питания), туалет с умывальниками, магазин, киоски или автоматы по продаже прохладительных напитков, продовольственных и промышленных товаров первой необходимости, аптечный киоск, киоск печатной продукции, пункт телефонной и Интернет связи, автостоянку с местами для туристских автобусов и легковых автомобилей, стоянки такси, остановки городского и пригородного пассажирского транспорта, а также маршрутного транспорта, подвозящего к туристским достопримечательностям, мусоросборники.

3. Комплексы обслуживания туристов при их пересадке с пригородных поездов на водные, велосипедные, пешеходные туристские трассы (К-2г). Такие комплексы предназначены как для организованных, так и для неорганизованных туристов. Комплекс обслуживания должен включать: зал ожидания и укрытия от непогоды вместимостью не менее 50 мест, кафе (пункт быстрого питания), туалет с умывальниками, магазин, киоски или автоматы по продаже прохладительных напитков, продовольственных и промышленных товаров первой необходимости, аптечный киоск, киоск печатной продукции, пункт телефонной и Интернет связи, автостоянку с местами для туристских автобусов и легковых автомобилей, стоянки такси, остановки рейсового пассажирского транспорта, а также пункт проката и ремонта велосипедов (если имеется велосипедная туристская трасса).

Комплексы обслуживания, предлагаемые для размещения вдоль водных туристских трасс. Они, располагаются на берегах рек, по которым проходят водные туристские маршруты.

1. Комплексы кратковременного отдыха самостоятельных туристов (К-1б). Обязательным оборудованием комплексов являются: причал, скамьи и столы, укрытия от непогоды (павильон, беседка или навес), места для разогрева и приготовления пищи, туалеты, мусоросборники.

2. Комплексы обслуживания у «зеленых» стоянок туристских теплоходов (К-1в). Такие комплексы являются местами пикников, которые устраиваются в живописном природном окружении. Оборудование комплексов включает: пристани, скамьи и столы, укрытия от непогоды (павильоны, беседки, навесы), места для разведения костров и приготовления пищи, туалеты, мусоросборники. В отличие от комплексов кратковременного отдыха самостоятельных туристов, комплексы этого типа имеют большую вместимость и пристани, оборудованные для причала речных теплоходов.

3. Комплексы обслуживания самостоятельных туристов с местами для ночлега (К-4е). Обязательным оборудованием площадок являются: причалы, стационарные летние домики или палатки и места для установки палаток, с которыми приезжают туристы, пункт питания или кухня самообслуживания, туалеты с умывальниками и душами, скамьи и столы с навесами на открытом воздухе, мусоросборники. Участки комплексов обслуживания туристов должны быть огорожены и охраняться.

4. Комплексы обслуживания у стоянок туристских теплоходов в городах – центрах туризма (К-3б). Состав объектов обслуживания в таких комплексах близок к составу объектов обслуживания в комплексах на железнодорожных вокзалах в городах – центрах туризма: залы ожидания, рестораны, кафе, пункты быстрого питания, туалеты с умывальниками, магазины, киоски или автоматы по продаже прохладительных на-

питков, продовольственных и промышленных товаров первой необходимости, аптечные киоски, киоски печатной продукции, пункты телефонной и Интернет связи, пункты туристской информации или туристско-экскурсионные бюро, магазины по продаже сувениров, автостоянки с местами для туристских автобусов и легковых автомобилей, стоянки такси, остановки городского пассажирского транспорта, а также маршрутного транспорта, подвозящего к туристским достопримечательностям, озелененные места кратковременного отдыха на свежем воздухе, мусоросборники.

5. Комплексы обслуживания у стоянок туристских теплоходов вблизи туристских достопримечательностей (К-2д). Такие комплексы являются местами пересадки туристов с теплоходов на туристские автобусы. Они предназначены преимущественно для организованных туристов. Комплекс обслуживания должен включать: зал ожидания и укрытия от непогоды, кафе (пункт быстрого питания), туалет с умывальниками, магазин, киоски или автоматы по продаже прохладительных напитков, продовольственных и промышленных товаров первой необходимости, аптечный киоск, киоск печатной продукции, пункт телефонной и Интернет связи, автостоянку с местами для туристских автобусов и легковых автомобилей, стоянки такси, озелененные места кратковременного отдыха на свежем воздухе, мусоросборники.

Комплексы обслуживания, предлагаемые для размещения вдоль велосипедных, пешеходных, конных туристских трасс. Они предназначены преимущественно для самостоятельных туристов.

1. Комплексы кратковременного отдыха самостоятельных туристов (К-1г). Обязательным оборудованием комплексов являются: скамьи и столы, укрытия от непогоды (павильон, беседка или навес), велостоянки с навесами от непогоды, места для разогрева и приготовления пищи, туалеты, мусоросборники. Желательно их размещать в мес-

тах, с которых открываются живописные виды на окружающие ландшафты.

2. Комплексы обслуживания самостоятельных туристов с местами для ночлега (К-4ж). Обязательным оборудованием комплексов являются: стационарные летние домики или палатки и места для установки палаток туристов, велостоянки с навесами от непогоды, пункт питания или кухня самообслуживания, туалеты с умывальниками и душами, скамьи и столы с навесами на открытом воздухе, мусоросборники. Участки комплексов обслуживания туристов должны быть огорожены и охраняться.

Заключение. Проведенное исследование позволило разработать предложения по архитектурному обустройству транзитных туристских коридоров меридиональной ориентации, проходящих через территорию Беларуси. Выявлены современные тенденции формирования и развития туристских коридоров, архитектурного обустройства туристских трасс, архитектурно-ландшафтной организации придорожных территорий. Разработаны предложения по составу и размещению объектов и комплексов обслуживания туристов вдоль автомобильных, железнодорожных, водных туристских трасс. Разработаны предложения по формированию и развитию пяти туристских коридоров меридиональной ориентации, проходящих через территорию Беларуси из Балтии на Балканы: «Из варяг в греки вдоль Днепра»; «Из Скандинавии к Днепру и Черному морю»; «Из Скандинавии на Волынь и в Трансильванию»; «Из Балтии через Белорусское Поозерье на Балканы»; «Древний янтарный путь». Архитектурное обустройство туристских коридоров предлагается вести комплексно, формируя туристскую инфраструктуру во взаимосвязи с социальной инфраструктурой городов, расположенных вдоль туристских коридоров, развивая системы обслуживания, которыми могут пользоваться как туристы, так и местные жители [7].

Литература:

1. Энциклопедия туризма Беларуси. – Минск: БелЭн, 2007. – 648 с.: ил.
2. Потаев, Г.А. Преобразование и развитие городов – центров туризма / Г. А. Потаев. – Минск: БНТУ, 2010. – 227 с.
3. Сардаров, А.С. Путешествие: история и культура белорусских дорог / А.С. Сардаров. – Минск: Беларус. навука, 2009. – 191 с.: ил.
4. География международного туризма. Страны СНГ и Балтии. – Минск: Аверсэв, 2004. – 252 с.
5. Потаев, Г.А. Планировка, застройка и благоустройство городов – центров туризма: пособие проектировщику / Г.А. Потаев, Г.Р. Потаева. – Минск: «Минсктитпроект», 2011. – 204 с.: ил.
6. Сардаров, А.С. Архитектура автомобильных дорог / А.С. Сардаров. – М.: Транспорт, 1993. – 272 с.
7. Белорусско-румынский туризм: перспективы развития в контексте трансъевропейских туристских коридоров: Отчет о НИР / Институт искусствоведения, этнографии и фольклора им. К.Кративы

НАН Беларуси, рук. Г.А. Потаев; № Г10РА-010 – Минск: 2012. – 185 с.

**ARCHITECTURAL ARRANGEMENT OF
TRANS-EUROPEAN TOURIST CORRIDORS
FROM BALTIC REGION TO THE BALKANS**

Potaev G.A., Dumitrascu S.M., Tumashchik L.B.

In the article preconditions and possibilities of development of the trans-European tourist corridors which are passing through the territory of Belarus from Baltic region to the Balkans are considered. Results of the researches executed as a part of the international Belarus-Romanian project are represented. Offers on architectural arrangement of tourist paths as a part of tourist corridors and proposals on placing and development of objects' network and complexes of tourists' service along tourist lines are given.

Поступила в редакцию 9.04.2012

УДК 711.03

**ФЕНОМЕН «ГЛОБАЛЬНОГО ГОРОДА»
В БЕЛОРУССКОМ КОНТЕКСТЕ**

Сысоева В.А.

кандидат архитектуры, доцент, кафедра «Градостроительство», БНТУ

Особую важность в контексте глобализации мировой экономики приобретает способность Минска к всестороннему развитию человеческого потенциала, который включает в себя всю сумму успехов в таких сферах как качество и доступность для населения жилья, образования, здравоохранения, культуры, досуга и спорта. Для того чтобы занять достойное место среди лидеров глобального мира, Минск должен сам стать городом, привлекательным для лидеров, наиболее активных, перспективных и востребованных специалистов инновационной экономики. Город для человека, удобный, красивый, привлекательный и перспективный – именно таким должен стать Минск в ближайшей перспективе.

Введение. Понятие «глобального города» не ново. В специальной литературе высока встречаемость таких наименований, как «мировой центр», «информационный город», «рефлексивный город», «космополис», «метрополис», «глобальный городской регион». Впервые термин «глобальный город» появился в 1990-е годы, в работах профессора социологии Чикагского университета С. Сассен для обозначения мест производства высокоспециализированных производственных услуг, которые представле-

ны крупными финансовыми институтами, консалтинговыми и аудиторскими компаниями, коллегами адвокатов, рекламными агентствами и т.д. [1]. На протяжении почти 20 лет передовые социологи, экономисты, градостроители США, Западной Европы и России оперируют терминами, описывающими города современной эпохи – эпохи глобализации. В результате необратимого процесса глобализации над географически и исторически сложившимися пространствами городов и стран сложилось, либо еще формируется информационное, кибернетическое пространство. В рамках новой градоцентрической модели пространства повышается скорость передачи информации, знания и опыта. Имеют место противоположные тенденции: в то время как производство рассеивается по всему миру, услуги все в большей степени концентрируются в относительно небольшом количестве городов. В этих «городах» доступ к различным средствам коммуникации и знаниям очень прост. Именно здесь протекает основная

экономическая жизнь: финансовая, торговая, деловая и туристическая.

Современные города вовлечены, либо исключены из иерархии глобальной урбосистемы, и городская жизнь во всем мире имеет ту форму, которая в существенной степени определяется местоположением в этой системе. Центрами нового мирового сообщества стали глобальные города, такие как Лондон, Нью-Йорк, Париж, Токио, Франкфурт-на-Майне и ряд других. На постсоветском пространстве ведущим глобальным городом считается город Москва. Это агломерации, наделенные колоссальными финансовыми, управленческими, информационными и политическими функциями. По мнению известного исследователя данной проблемы Н. Слукки: «Ни одна страна мира не может быть в числе лидеров, если не имеет хотя бы одного глобального города» [2].

Современная теория мировых городов исходит прежде всего из особого участия ряда центров в архитектуре глобальной общественно-политической обстановки и мирового хозяйства. Такие центры выделяются не по степени концентрации человеческих ресурсов или статусу столиц наиболее крупных стран, а по диапазону действий и степени политического влияния и экономической мощи. Эти города являются своего рода командными и контрольными пунктами глобальной экономической системы. Такая непропорциональная и исключительная важность отдельных агломераций позволяет говорить об их доминирующих позициях в городской иерархии планеты.

Итак, фокусируя внимание на городах, необходимо осознать тот факт, что вся разнообразная трансграничная деятельность закреплена в сети определенных мест, лидирующую роль среди которых играют, в частности, города, глобальные или обладающие функциями глобального города. Это обстоятельство ставит белорусских градостроителей перед необходимостью изучения специфики этих городов, истории их развития, особенностей взаимодействия с

национальной экономикой, их роли в мировой экономике в зависимости от места и времени. Взгляд на глобализацию через такую призму выявляет огромное исследовательское поле - как может быть «встроена» в современные глобальные сети белорусская национальная или отдельная городская экономика.

Основная часть. Здесь необходимо рассмотреть процесс формирования глобального города. Этот процесс идет с разной интенсивностью и в разных масштабах, в зависимости от значимости различных видов экономической деятельности. Территория в этом случае играет подчиненную роль.

Первый шаг на пути к глобализации – постиндустриализация. В Лондоне, Нью-Йорке, Париже, Сан-Франциско доля индустрии в структуре занятого населения и стоимости ВВП составляет менее 6–7%. Практически все исследователи [3] идентифицируют глобальный город в первую очередь как мировой финансовый центр — средоточие финансовых услуг, которые осуществляют транснациональные банки, фондовые и товарные биржи, финансовые, страховые компании и всевозможные другие институты. По мере формирования глобального города, в его структуре складываются особые деловые центры новой пространственной формы. Деловой центр – это экономический двигатель глобального города. Как правило, деловые центры глобального города обязательно имеют транспортный узел, университетский центр, крупный банковский центр, центр высокотехнологической промышленности и туристический центр.

Но важнее, что в условиях формирования новой экономики глобальные города аккумулируют функцию производства и распространения информации и, безусловно, выступают ведущими центрами массовой коммуникации. Глобальные города – крупнейшие медиацентры, аккумулирующие функцию производства и распространения информации. Важная миссия глобальных городов в том, что они являются базой для

краткосрочных официальных, деловых, научных, представительских и иных контактов самого разного рода. Сюда прибывают люди для обучения, работы по контрактам, посещения родственников, проведения досуга и отдыха и так далее. Достаточно сказать, что первая десятка в рейтинге глобальных городов аккумулирует более 10% всех посещений международных туристов и поглощает львиную долю самого крупного сектора делового туризма — корпоративных поездок. География связей каждого истинно глобального города чрезвычайно обширна.

Наблюдается расцвет глобальных городов как крупнейших образовательных и исследовательских центров. Все глобальные города располагают десятками вузов и замкнуты в единую систему университетских центров, комплекующих многотысячную студенческую аудиторию из представителей разных стран мира.

Однако, процесс формирования глобального города не лишен противоречий [4], и на это белорусским градостроителям необходимо обратить особое внимание. Существование глобальных городов далеко небезоблачно. К «старым», исторически накопленным противоречиям добавляются новые. В первую очередь это касается многократно возросшей скорости распространения по городским сетям как инноваций, так и кризисных явлений. Именно глобальный город первым принимает на себя удар подобных стихий. Кроме того, как отмечают специалисты-градоведы [9], налицо тенденция унификации облика глобальных городов под давлением стандартов транснационального бизнеса, все большая утрата культурной самобытности под влиянием процесса интернационализации, рост социально-этнической разобщенности в результате международной миграции, усиление социальных диспропорций, сегрегации городской территории и прочее.

Жизненное пространство города в контексте глобальной политико-экономической переменной становится открытым для формирования требований международных ин-

весторов, которые через новые юридические законы, новую экономическую культуру, через отмену государственного контроля национальных экономик, обеспечили себе право делать бизнес в любой стране и городе, право выбирать тот регион, который соответствует международному разделению рабочей силы. Структурные отношения между регионами в глобальной иерархии ведут к обесцениванию целых территорий и параллельным формам городского роста. Поэтому потребности в развитии определенных стран и городов часто вообще не учитываются в решениях на мировом уровне. По мнению О.Ф.Филимоновой: «Эта открытая среда безжалостно изгоняет из себя города, где макроэкономические условия, уровень услуг, степень гибкости труда не отвечают требованиям сети, если они не способны к коммуникации в означенных рамках. Иначе говоря, то, что не установлено в общем центре, обесценивается или имеет тенденцию быть обесцененным» [8]. Жизненное пространство воспроизводит вторжение контркультур, пытающихся присвоить «полезную ценность» города. Новые городские пользователи, предъявляя собственные требования городу, меняя его пейзаж и социальную морфологию, воссоздают его новый эклектичный образ «salat bowl». В такой перспективе городская среда может лишиться своей исторической сущности.

В этой связи исключительно полезно изучить опыт наших ближайших соседей по формированию города, способного попасть в элитный клуб мировых центров. Учет мирового опыта будет чрезвычайно полезен для оценки ситуации в отечественных городских системах различного ранга и выработки управленческих решений. В современных условиях процесса глобализации требуется разработать концепцию формирования транснациональной урбанистической системы и тем самым найти соответствующее место для Беларуси и Минска, в частности, среди глобальных центров.

Несмотря на длинную дистанцию, которую предстоит пройти, нельзя не понимать,

что попадание в систему «глобальных городов» имеет колоссальное значение для повышения конкурентоспособности любой агломерации, ее ближайшего окружения, региона и страны в целом. Так, например, Москва близка к этому, но ей придется преодолеть противостояние других городов-лидеров, но и решить множество других проблем: перестройка производственной, социальной и институциональной инфраструктур согласно требований, предъявляемых к «глобальным городам». Потенциал Москвы как глобального центра используется не в полной мере, и рост экономической мощи и влияния зачастую не только не сопровождается увеличением глобальной интегрированности, но и происходит на фоне ее снижения. Сейчас практически все возможности дальнейшего развития Москвы как «глобального города» связаны с Московской областью. Российские специалисты считают необходимым снять все барьеры, тормозящие развитие Московской агломерации, которые не позволяют реализовать потенциал интеграции и связанный с ним огромный синергетический эффект для социально-экономического развития всей России [6].

В Перми реализуется проект «Пермь – глобальный город» [7]. Цель которого – интеграция Пермского края в новую мировую экономику как Центра инкубации и продвижения инновационных бизнесов, технологий, товаров и услуг, Центра интеллектуальных и финансовых потоков. Ведущий метод – создание сети бизнес-инновационных инкубаторов, технопарков и центров. Приоритетные направления:

- развитие муниципальных образований в условиях мирового экономического кризиса;
- энергоресурсоэффективность учреждений, предприятий, территорий;
- производство эко-топлива, тепловой и электрической энергии из местных энерго-ресурсов;
- производство целебных продуктов питания, здоровьесбережение на базе местных ресурсов.

– использование nano-технологий для производства товаров конечного спроса.

В Концепции социально-экономического развития Санкт-Петербурга до 2025 года заложены три сверхзадачи: "Город, открытый миру" (развитие туризма и выставочно-ярмарочной деятельности), логистический центр (порты, аэропорты, дороги) и инновационный центр (ОЭЗ, IT-парк, наукоград). Реализация этих задач может приблизить город к получению статуса глобального. "Петербург имеет все предпосылки, чтобы стать глобальным мегаполисом, – уверен директор департамента инвестиционного консалтинга Colliers International Н. Казанский. – Это и географическое положение, и научно-производственный потенциал, и архитектурно-культурное наследие".

Реализация «Генплана-2025» позволяет в перспективе создать в Екатеринбурге центр экономического роста и притяжения капиталов не только регионального или российского, но и глобального масштаба. Грядущее превращение в мировой город предполагает умножение и диверсификацию материальных и символических ресурсов, которыми располагает Екатеринбург. Согласно стратегическому плану, в ближайшие десятилетия в городе изменится само соотношение сфер материального производства и сферы услуг в пользу последней. Количество занятых в непромышленной сфере увеличится до 38 % от общего числа работающих. Все это позволит Екатеринбургу стать действительно космополитичным мировым городом, местом притяжения капиталов, интеллекта и реализации различных деловых и культурных проектов.

Заключение. Итак, первое, что можно позаимствовать из мирового опыта, это умение синтезировать имеющиеся возможности, создавая комфортную среду обитания для населения, гостей и туристов. Подобные возможности реализуют те города, которые способны предложить миру нечто уникальное и неповторимое. Для этого не обязательно искать некую историю, что-то мучительно преодолевать или вновь и вновь ко-

го-то догонять. Выгодное географическое положение, значительный экономический, культурный и интеллектуальный потенциал Минска позволяют трансформировать его в городскую агломерацию мирового уровня, обладающую всеми необходимыми условиями и ресурсами в перспективе глобальной конкуренции с другими глобальными городами. Повышение общей конкурентоспособности Минска, в свою очередь, будет способствовать привлечению в город все новых инвестиций и интеллектуальных ресурсов, развитию человеческого капитала его жителей. Занять достойное место в мировой экономической системе, сети коммуникации, добиться выгодного глобального позиционирования – вот приоритеты городской политики сегодня.

Источником будущей конкурентоспособности Беларуси в глобальной экономике станут городские агломерации, являющиеся локусами постиндустриальных процессов. Поэтому интенсивное развитие крупных городских агломераций должно стать важной задачей в рамках стратегии развития республики на долгосрочную перспективу.

В этой связи второй важный аспект, имеющийся в мировой практике, это трансформация национальной экономики. «Обогащаясь за счет индустрии, город отказывается от будущего, – объясняет научный руководитель лаборатории политической географии и геополитики СПбГУ К. Аксенов. – Если город стремится стать глобальным центром, то инвестировать средства в объекты предыдущих экономических циклов – большая ошибка. Глобальный город не может зависеть от индустриальных отраслей»/5/. Для обеспечения устойчивых высоких темпов экономического роста минская агломерация должна развиваться на основе так называемого нового "портфеля ресурсов" (человеческий капитал, емкие и динамичные рынки, инновации, высокотехнологичные основные фонды и постиндустриальный тип организации производства). Первая фаза развития (уже достигнутая белорусской экономикой) предполагает ук-

рупление рынка труда. Вторая фаза (актуальная нашим дням) состоит в формировании единых рынков торговой, жилой и производственной недвижимости. Ряд функций "ядра" города (потребление, развлечения, производство) перемещается на периферию и в подцентры - там растет спрос на землю и базовые инфраструктуры (тепло-, электро-, водоснабжение, а также автодорожную инфраструктуру). Характерной особенностью этой фазы является рост благосостояния населения и, как следствие, рост автомобилизации и мобильности жителей. Третья фаза предполагает усложнение внутренних функциональных связей отдельных пространственных элементов агломерации. Развиваются прямые связи между подцентрами города, возрастает емкость и разнообразие рынков - растут объемы и качество спроса на все виды инфраструктур в центрах агломерации и коридорах между ними - аэропорты, дороги, телекоммуникация, инженерно освоенные территории.

И третий аспект – механизмы управления. Быстро меняющиеся условия экономического и социального развития страны ставят под вопрос прежнюю систему административно-территориального деления. Необходимо ставить экономику в центр развития регионов. Приоритеты сегодня связаны с инвестициями, инновациями, инфраструктурой и ее развитием. Все эти вопросы неэффективно решать в жесткой привязке к административно-территориальному делению. Возникает объективная необходимость усиления межрегиональной интеграции. Именно поэтому вопрос градостроительного планирования, особенно согласования этих планов, стоит очень остро. В современном мегаполисе градостроительное планирование должно осуществляться на основе сбалансированного развития коммунальной инфраструктуры, с опережающим развитием транспортных коммуникаций, сохранением природной среды, устойчивым защитным лесопарковым поясом и формированием полноценной системы пригородов. Причем такой системы, которая вклю-

чала бы и сеть малых городов-спутников со своей экономической специализацией и развитыми локальными рынками труда, способствующими социально-экономической децентрализации.

Литература

1. Сассен, Саския. Глобальный город: введение понятия / Глобальный город: теория и реальность / Под ред. Н. А. Служки. – М.: ООО "Аванглион", 2007, с. 9-27.
2. Служка, Н. А. Эволюция концепции "мировых городов" / Н. А. Служка. – "Региональные исследования", 2005, №3.
3. Трейвиш, А. И. От Персеполиса до Франкфурта / А. И. Трейвиш. – "Независимая газета – сценарии", 22 апреля 2008 года
4. Штадельбауер, Й. Мегагорода как конфликтогенные пространства / Глобальный город: теория и реальность / Под ред. Н. А. Служки. – М.: ООО "Аванглион", 2007, с. 66-78
5. Трейвиш, А. И. Мировые города в постиндустриальной экономике: термины, теоретические конструкции и реальность / А. И. Трейвиш, А.В. Курасов. – "Мир России", 2009, № 1, с. 34-46

6. Бозе, Э. Городская агломерация: старое название – новое содержание / Э. Бозе. – "Российское экспортное обозрение", 2007, №4-5
7. Мировой город – новый рубеж для столицы Урала. – "Столица Урала", № 21, 2008
8. Филимонова, О. Ф. Жизненное пространство города в глобальной матрице / О. Ф. Филимонова. – Саратов : Саратовский государственный технический университет, 2004.
9. Лола, А. М. Основы градovedения и теории города / А. М. Лола. – М.: КомКнига, 2011. – 324 с., [8] л.

BELARUSSIAN CONTEXT OF THE GLOBAL CITY PHENOMEN

Sysoyeva Vera

In a context of globalization Minsk ability to an all-around development of human potential gets great importance which includes numerous successes in such spheres as quality and availability of habitation, education, public health services, culture, leisure and sports. Aimed to take a worthy place among leaders of the global world, Minsk should become itself an attractive city to leaders, the most active, perspective and demanded specialists of innovative economy. The city for the person, convenient, beautiful, with attractive perspective – this is Minsk in immediate prospects.

Поступила в редакцию 12.04.2012

УДК 711.424

ПЛАНИРОВОЧНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ГОРОДОВ ИРАНА В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Чантурия Ю.В., Хеджазиния А., Джалали М.

доктор архитектуры, профессор кафедры «Градостроительство», БНТУ
аспиранты кафедры «Градостроительство», БНТУ

Градостроительство Ирана – малоизученное явление мировой истории зодчества. Особую важность приобретают исследования, основанные на ранее неизвестных или специально не анализировавшихся научных документах. В статье приводятся разработанная система типологий городских поселений по различным признакам, обнаруженные принципиальные особенности планировочной организации Исфахана – выявленные структурные оси городского значения, территории общественного центра и планировочных районов.

Введение. История архитектуры стран Ближнего и Среднего Востока представляет большой интерес для науки. В исторические эпохи, соответствующие греческой и римской античности, государственные образования в границах современного Ирана, а также Ирака и в прилегающем ареале обладали высокоразвитой градостроительной

культурой. Процесс последующего формирования зодчества приходится на периоды, определяемые в Европе как раннее и позднее Средневековье, Ренессанс и Просвещение. Наследие Ирана этого времени имеет неопределимую значимость для мировой цивилизации и в настоящее время отличается крайне слабой изученностью.

Проблемы общей истории и архитектуры различных типов зданий получили научную разработку в трудах Д. Уилбера, А. Годарда, А. Поупа, С. Ллойда, Ф. Раусона, И.М. Лосевой, М.М. Дьяконова, Б.В. Веймарна, Т.П. Каптерева, В.Л. Ворониной, И.Ф. Бородиной и других авторов. Однако, основные градостроительные аспекты – планировочная структура и пространственная компози-

ция городов и архитектурных ансамблей освещались лишь узко и фрагментарно [1].

Примечательным трудом является альбом планов иранских городов первой половины XIX в., включивший также развернутые пояснения к документам и изданный М. Мехрияром, Ш.С. Фатуллаевым, Ф. Ф. Тегхрани и В. Квадири [2]. Опубликованные в нем архивные историко-картографические материалы могут служить фактологическими первоисточниками в исследовании персидского искусства строительства поселений. Указанный атлас планов стоит в ряду фундаментальных европейских и североамериканских изданий энциклопедического характера, содержащих историко-картографические документы различных эпох по городам многих стран. В этих трудах, однако, иранское градостроительство не отражено, за исключением плана части центра Исфахана второй половины XIX в. [3].

Целью настоящей статьи является представление результатов проведенного исследования по выявлению ранее неизвестных свойств планировочной организации иранских городов в первой половине XIX в. Характеристика системы свойств иранского градостроительства имеет теоретическое значение и определяет собой актуальное расширение научного знания в сфере всеобщей истории зодчества.

Основная часть. Многие из иранских городов были заложены две с половиной тысячи лет назад. В древнейший период и позже, в эпоху средневековья, как и в других регионах, городские поселения служили социально-экономическими и культурными центрами. Они формировались на пересечениях торговых путей, часто занимали большие территории и насчитывали сотни тысяч жителей. Наиболее крупными были Нишапур, Исфахан, Рей, Шираз. Так, Нишапур включал 44 квартала, 50 улиц, 2 основных базара. Меньшими, но также весьма значимыми центрами служили Горган, Истарх, Керман, Кум, Мешхед, Тебриз, Тегеран, Хамадан, Шуштер, Эрдастан и др. [4, с. 146]. Исследование показало, что градостроительная культура Ирана содержательна и

разнообразна, что дает основание для разработки системы типологий городов и их планировочных структур.

По отношению к водным пространствам поселения, входящие в объекты исследования, делятся на приморские, приречные и без значительных водотоков. Приморскими городами являются Анзали, Бендер-Бушехр (Рейшахр), Бендер-Мескет. Среди приречных – Ардебиль, Астарабад, Дезфуль, Исфахан, Керман, Маранд, Тебриз, Сенендедж (Сенне), Хамадан, Хоррамабад, Хой, Шуштер; Аркеванская, Астаринская и Ленкоранская крепости. Поселения, территории которых в исследуемый период были лишены значимых водотоков и водоемов – Бехшахр (Ашраф), Буруджирд, Гюльпайган, Керманшах, Мешхед, Султанабад, Тегеран, Шираз, Язд.

В рассматриваемую эпоху в изученных городах не прослеживается размещение застройки на крутых горных склонах, как это наблюдается, например, на Апенинских, Балканах или Кавказе. Поселения складывались на плато со сравнительно спокойным рельефом или на пологих горных склонах. В связи с этим, термин «горная местность» применяется в работе в смысле близкого пространственного соседства городской структуры и горных массивов, либо в случаях непосредственного расположения поселений у подножья гор.

По общей форме плана селитьбы и положению по отношению к основным элементам природного ландшафта (морская акватория, прилегающие горные кряжи) городские поселения изучаемого периода предлагается дифференцировать на типы: приморский овальный горный (Бендер-Мескет); приморский мысовый ландшафтно открытый (Анзали, Бендер-Бушехр); овальный горный (Бехшахр, Буруджирд, Гюльпайган, Дезфуль, Керманшах, Сенендедж, Хамадан, Хоррамабад, Шуштер); овальный ландшафтно открытый (Мешхед, Шираз); ортогональный горный (Астарабад, Керман); ортогональный ландшафтно открытый (Тегеран, Султанабад); разветвленный горный (Маранд, Тебриз,

Хой); разветвленный ландшафтно открытый (Ардебиль, Исфахан, Язд).

В первой половине XIX в., а вероятно, и в более раннее время, по основам геометрического построения планировочные системы городских поселений Ирана разделялись на два вида – нерегулярные, или свободно сложившиеся и регулярные.

Нерегулярную систему планировки имели Анзали, Аркеванская крепость, Астарabad, Бендер-Мескет, Буруджирд, Гюльпайган, Дезфуль, Керман, Керманшах, Маранд, Сенендедж, Тебриз, Тегеран, Хамадан, Хоррамабад, Шуштер, Язд и др. Город, вся территория которого характеризовалась регулярной планировочной системой – Султанабад (Арак). К городам, сочетающим свободно сложившуюся и регулярную системы планировки, относились Ардебиль, Бендер-Бушехр, Исфахан, Мешхед, Хой, Шираз и др. Нерегулярные системы планировки иранских городов имели следующие общие формальные особенности: очертания города в целом, кварталов, площадей, других элементов территории в виде неправильных фигур; произвольно изменяющаяся ширина общественных пространств – улиц и площадей; хаотичный характер линий застройки и осей улиц, представляющих собой ломаные или кривые линии.

Кроме того, проведенное исследование показало, что нерегулярные планировочные системы, сформировавшиеся в итоге своего постепенного и преемственного развития, по конфигурации уличной сети разделялись на типы: рядовой (Гюльпайган, Хамадан, Шуштер); прямоугольно-прямолинейный (Бендер-Бушехр, Бендер-Мескет, Керман, Хоррамабад, Язд, Дезфуль – западная часть города, Маранд – наибольшая часть города, Мешхед – северо-западная часть); перекрестный (Буруджирд, Керманшах, Сенендедж, Дезфуль – восточная часть города, Исфахан – большая часть города); криволинейно-перекрестный (Анзали, Шираз, Мешхед – юго-восточная часть города); прямоугольно-прямолинейный тупиковый (Тебриз – северо-западная и северо-восточная части

крепости); перекрестный тупиковый (Тегеран, Ардебиль – срединная часть города, Тебриз – южная часть крепости); радиально-дуговой (Астарabad, Ардебиль – северо-западная часть города, Тебриз – вся территория города, кроме крепости, Хой – западная часть города).

Регулярные системы планировки можно разделить на два типа: прямоугольный (Султанабад) и диагональный (крепость Хой).

По характеру оборонительных систем, представлявших собой линии крепостных стен с башнями, часто на земляных валах, и обводненных или сухих рвов, выделены шесть типов городских поселений.

К первому типу относились города без поясов укреплений, в которых пунктами обороны могли служить лишь укрепленные культовые комплексы или другие отдельно стоящие объекты (Анзали). Второй тип – города с одним поясом укреплений, охватывающим всю территорию поселения (Астарabad, Бендер-Мескет, Буруджирд, Дезфуль, Керманшах, Шираз). Третий тип включает города, где внешняя оборонительная линия сочеталась с обширной внутренней цитаделью, примыкавшей к наружному поясу укреплений или отдельно размещенной (Бендер-Бушехр, Бехшахр, Керман, Мешхед, Султанабад, Тегеран). Отличительная черта поселений второго и третьего типов – окружение крепостными стенами всей городской застройки.

Четвертый тип – города, полностью не охваченные крепостными стенами, но имеющие на своей территории один пояс оборонительных сооружений, включающий значительный городской район или несколько меньший район, наподобие цитадели в городах третьего типа (Маранд, Гюльпайган, Сенендедж, Хамадан, Хой). Пятый тип идентичен четвертому, но характеризуется двумя или тремя, часто концентрическими, линиями укреплений (Ардебиль, Исфахан, Тебриз, Хоррамабад, Язд). Например, три оборонительных пояса было в

Исфахане – одним из наиболее укрепленных иранских городов.

Был распространен шестой, особый тип населенных мест – военные поселения, мощные отдельно расположенные крепости с гарнизонами. Они занимали относительно небольшие территории и были почти полностью лишены обычных прилегающих жилых предместий. К ним относились крепости: Аркеванская, Астаринская, Ленкоранская, Пир-Мохамад-Шах. Среди таких крепостей встречаются регулярные – пятибастионные (Астаринская), семибастионные (Ленкоранская), десятибастионные (Пир-Мохамад-Шах), а также с нерегулярной системой укреплений (Аркеванская).

Для более подробного ознакомления с градостроительной культурой Ирана изучаемого периода рассмотрим основные особенности планировочной организации конкретного городского поселения. Для этой цели выберем Исфахан как один из крупных городов, бывший длительное время столицей страны.

Планировку Исфахана подробно иллюстрирует план 1851 г. [2, с. 169-188]. Город сложился на равнинной местности, лишь с южной стороны, на удалении примерно 1 км начинались горные склоны. Обширная городская территория обладала развитой гидрографической сетью. В XVIII – XIX вв. существовало несколько узких извилистых рек, русла которых на отдельных отрезках были выровнены и расширены. Кроме того, на некоторых участках была организована система каналов.

Две наиболее важные водные коммуникации пересекали город в широтном и меридиональном направлениях. Меридиональная протекала в основном по периферии, на западе городской территории, а широтная – р. Зайиде-Руд, делила Исфахан на северную, большую и южную части. В северной части, где преобладала жилая и общественная функции, размещались крупный ансамбль сооружений и садов шахского дворца, а также район цитадели. Южная часть города представляла собой парковую

территорию огромных размеров со сложной планировкой.

Систему планировки северной части города можно атрибутировать, в целом, как нерегулярную перекрестную. Разнонаправленные группы улиц пересекались под различными углами. Однако и в этой сложной, запутанной сети наблюдалась естественная тенденция ориентации коммуникаций к шахскому дворцу. Поперечные направления обеспечивали деление на кварталы. В пределах северной части города, к юго-западу от дворца на значительной территории была распланирована прямоугольная уличная система, постепенно переходящая также в регулярную планировку садов.

Важнейшей особенностью Исфахана была четкая схема шести основных структурно-планировочных осей городского значения. Они придавали организованность территориям с разнообразным функциональным использованием и характером построения. Под структурно-планировочной осью в настоящем исследовании понимается протяженное градостроительное образование линейного характера с преобладающей общественной функцией, пересекающее крупную часть города, и основу которого составляет значимая транспортная и пешеходная коммуникация.

Планировочно выделенным ядром всего города и его общественного центра был целостный градостроительный ансамбль застройки и объектов ландшафта шахского дворца и монументальной главной площади Нагш-э-Джахан. К ядру примыкали структурно-планировочные оси, в основе которых – радиально расходящиеся, протяженные важнейшие магистрали.

Структурно-планировочные оси были разные по внутренней организации и особенностям прилегающей к ним городской среды, но обладали общим свойством – связывали градостроительный ансамбль с периферией поселения. Вдоль магистралей по линейному принципу формировались комплексы объектов общественного центра, вместе с ядром образующие центрично-

радиальную, или центрично-лучевую структуру центра.

С северо-восточной стороны к ядру примыкала структурно-планировочная ось с главной улицей города. Эта коммуникация имела нерегулярную, свободно сложившуюся планировку и переходила в межселенную дорогу на Ардестан, Кум и Тегеран. Ось формировалась развитым и протяженным комплексом торговых, культовых и других обслуживающих объектов. Благодаря ему данное радиальное направление общественного центра было более крупномасштабным по сравнению с другими расходящимися лучами.

С противоположной, юго-западной стороны к градостроительному ядру примыкала монументальная, прямолинейная транспортно-пешеходная эспланада, по всей длине сформированная садами, рядовыми древесными посадками, другими элементами ландшафта и отдельными дворцовыми объектами. Этот протяженный бульвар – лучевое направление общественного центра, связывал ядро с южной, обширной парковой частью города – Джолфой. За пределами города магистраль переходила в дорогу на Шахр-э-Корд.

Структурно-планировочная ось, подходящая к ядру с юго-востока, представлена проспектом, также трассированным в ландшафтном окружении. Его застройку формировали отдельные крупные общественные сооружения, вместе с парковыми объектами образующие юго-восточный луч центра. При пересечении с р. Зайиде-Руд магистраль имела излом, после чего далее ориентировалась на юг и продолжалась важной загородной дорогой на Шахрезу, Ясудж и Шираз, в сторону горного перевала.

Таким образом, северо-восточная, юго-западная и юго-восточная структурно-планировочные оси, служившие основой для радиальных направлений общественного центра, были наиболее развитыми и протяженными. Они дополнялись двумя широтными и меридиональными осями меньшей

длины, ориентированными строго на восток, запад и север.

Восточная структурно-планировочная ось связывала градостроительный ансамбль ядра с цитаделью на периферии города и включала саму цитадель. Наподобие главной, северо-восточной оси, она имела торговые и иные общественные здания по всей длине образующих ее магистралей. Продолжением этого направления служила межселенная дорога на Наин и Язд.

Западная структурно-планировочная ось, начинавшаяся от шахского дворца, включала прямолинейную магистраль. Она была проложена в жилой и ландшафтной среде до границы города, а затем в виде извилистой трассы продолжена в сторону Дарана и Алигудара. Вдоль магистрали развивался западный луч общественного центра, формировавшийся отдельно размещенными, но особо почитаемыми мечетями и другими объектами. Улица играла также роль границы зон, выразительного планировочного рубежа, разделяющего территории с различными типами планировочных систем.

Северная структурно-планировочная ось, как и северо-восточная, восточная и юго-восточная, брала начало непосредственно от площади Нагш-э-Джахан. По особенностям своего градоформирования она близка главной оси, а за пределами города переходила в дорогу на Делижан и Тегеран. Примерно на половину своей протяженности структурно-планировочная ось сформирована северным радиусом общественного центра.

Рассмотрение города и прилегающей территории в границах изображения в документе 1851 г. позволяет, в соответствии с выявленной схемой структурно-планировочных осей, выделить несколько разных по функциональному содержанию и внутреннему построению, но тесно взаимосвязанных районов. Предлагаемое районирование служит инструментом исследования города – функциональных процессов, происходящих на территории, ее планировочного и, отчасти, пространственного построения, а также композиционных особенностей. Принципа-

ми выделения городских районов, которые условно определим также термином планировочные районы, являлись:

– трактовка выявленных структурно-планировочных осей, а также границ пространства жилой и другой застройки, природных рубежей в качестве естественно сложившихся границ районов;

– членение всей городской территории на районы, примерно равнозначные по занимаемой площади и гипотетически – по проживающему населению;

– установление районов, коренным образом отличающихся по характеру функционального использования и организации территории, виду и типу систем планировки.

В пределах города к выявленным градостроительным образованиям – общественному центру и планировочным районам, относились:

– общественный центр центрично-лучевой, или центрично-радиальной структуры, включивший ядро и примыкающую к нему городскую среду преобладающего общественного назначения вдоль структурно-планировочных осей;

– северо-западный район, или сектор города между северо-восточной и западной структурно-планировочными осями; по территории района проходит северная структурно-планировочная ось города;

– северо-восточный район, или сектор города между северо-восточной и восточной структурно-планировочными осями;

– западный район между западной и юго-западной структурно-планировочными осями, ограниченный также р. Зайиде-Руд;

– восточный район между восточной и юго-западной структурно-планировочными осями, ограниченный р. Зайиде-Руд; на территории района размещена юго-восточная структурно-планировочная ось города;

– Западная Джолфа между юго-западной структурно-планировочной осью и р. Зайиде-Руд, размещенная на юго-западной периферии города;

– Восточная Джолфа между юго-западной структурно-планировочной осью и

р. Зайиде-Руд, расположенная на юго-восточной периферии города; по территории района трассирована юго-восточная структурно-планировочная ось.

Заключение. Конспективно приведенные в статье результаты исследования свидетельствуют о том, что градостроительство Ирана на протяжении столетий своего существования представляло собой важнейшее, крупномасштабное явление восточной культуры. Как доказывает анализ, по вкладу в мировую цивилизацию оно сравнимо, например, с древнерусским градостроительством или с зодчеством больших стран Западной Европы, а категория его национальной специфики в рассмотренный период подразумевает значительную восприимчивость к российскому и западноевропейскому влиянию.

Литература

1. Бородин, И.Ф., Воронина, В.Л. *Архитектура Ирана / И.Ф.Бородин, В.Л.Воронина // Всеобщая история архитектуры: в 12 т. / редкол.: Н.В.Баранов (гл.ред.) и [др.]. – М.: Изд. лит. по строительству, 1968-1977. – Т.1: Архитектура древнего мира. / О.Х.Халпахчян [и др.]. – 1970. – С. 291-347; Воронина, В.Л. Архитектура средневекового Ирана / В.Л.Воронина // Всеобщая история архитектуры: в 12 т. / редкол.: Н.В.Баранов (гл.ред.) и [др.]. – М.: Изд. лит. по строительству, 1968-1977. – Т.8: Архитектура стран Средиземноморья, Африки и Азии. VI-XIX вв. / Ю.С.Яралов [и др.]. – 1969. – С.144-182; Лосева, И. Искусство Древнего Ирана / И.Лосева, М.Дьяконов // Всеобщая история искусств: в 6 т. / редкол.: Б.В.Веймарн [и др.] – М.: Искусство, 1956-1965. – Т.1: Архитектура древнего мира / А.И.Чегодаев. – 1956. – С.381-398; Веймарн, Б. Искусство Ирана / Б.Веймарн, Т.Кантерева // Всеобщая история искусств: в 6 т. / редкол.: Б.И.Веймарн [и др.] – М.: Искусство, 1956-1965. – Т.2, кн.2: Искусство средних веков / Б.В.Веймарн [и др.] – 1961. – С.75-104. Wilber, D. *The architecture of Islamic Iran. The II Khanid Period* - Princeton, 1955; Godard, A. *L'Art de l'Iran* - Paris, 1962; Pope, A.U. *Persian Architecture* - London, 1965. – цит. по Воротниковой В.Л. Lloyd, S. *Ancient and Classical Architecture / S.Lloyd // World Architecture. An illustrated history / H.-R. Hitchcock [and oth.] – London, 1966. – P.147-166.**
2. *Pictorial Documents of Iranian Cities in the Qajar Period / Shahid Beheshti University, Iranian Cultural Heritage Organization; ed.board: M.Mehryar [and oth.] - Tehran, 2000. – XXXVI+262 p.*

3. Whitfield, P. *Cities of the World: A history in maps* / P. Whitfield. – London: The British Library, 2005. – 208 p.
4. Воронина, В.Л. *Архитектура средневекового Ирана*. Указ. соч.

THE ORGANIZATION OF PLAN STRUCTURES IN IRANIAN CITIES IN THE FIRST HALF OF THE NINETEENTH CENTURY

Chanturia Y., Hejazinia A., Jalali M.

The town-building of Iran is a little known phenomenon of the world architecture history. The researches

based on scientific documents that formerly were not discovered or not specially analyzed acquire a great importance. This article contains an elaborated system of typologies concerning a different indications of the cities, the detected principal peculiarities of Isfahan plan structure. Among them there are the revealed axes of a whole structure meaning, the territories for public centre and various city districts.

Поступила в редакцию 26.04.2012

Раздел 3

АРХИТЕКТУРА ЖИЛЫХ И ОБЩЕСТВЕННЫХ ЗДАНИЙ

УДК 711.555

ПРОЕКТЫ НОВЫХ ЖИЛЫХ ОБРАЗОВАНИЙ ДЛЯ ДОМОХОЗЯЙСТВ СРЕДНЕГО КЛАССА В ГОРОДЕ САНА (РЕСПУБЛИКА ЙЕМЕН)

Абдулмалик Мусаид Шамсан Аль-Арики
аспирант, кафедра "Градостроительство", БНТУ

В статье рассматриваются вопросы архитектурно-планировочной организации новых жилых образований в г. Сана. Дается описание этих образований, анализ факторов, влияющих на их решения, возникающие проблемы.

Введение. Согласно оценке ООН 2011 года Республика Йемен относится к странам с низким уровнем Индекса человеческого развития — с расчетным индексом 0,462 она занимает 154 место среди 187 стран, включенных в список ООН. ВВП на душу населения в год — \$2700.

Среди множества проблем, которые решаются в республике в настоящее время, одной из острейших является нехватка жилищ в стране в целом и в больших городах в особенности. Проблема эта преодолевается разными путями, в том числе и формированием в больших городах новых жилых образований «европейского типа». Здесь носителем передового опыта является столица страны Сана — двухмиллионный город, опережающий в своем развитии все остальные города страны и в определенной степени служащий для них эталоном. Для Саны характерен быстрый рост населения за счет притока мигрантов из сельской местности и репатриации беженцев из других арабских стран.

В больших городах Йемена, и в первую очередь в Санае интенсивно формируется «средний класс»¹, являющийся основным пользователем новых жилых образований. Главная его характеристика — относительно высокий среднедушевой годовой доход (\$15120, т.е. в три раза превышающий средний по стране).

Основная часть. В настоящее время в Санае коммерческой фирмой компании Хаил Саид Анам HAS&Co по проекту "Нью-сити" начато строительство жилого массива

для домохозяйств среднего класса. Концептуальный замысел нового жилого образования — европеизация городской жилой среды при максимально возможном учете исторически сложившихся бытовых традиций.

Эти традиции в Йемене, включая Сану, прежде всего определяются моноконфессиональностью населения: 99% жителей страны исповедует ислам, (53% суннитского и 46% шиитского толка). В силу этого широко распространено соблюдение некоторых принципов шариата, непосредственно влияющих на пространственную организацию жилой среды.

В центральной части Саны сохранились физически и сохранили свои функции старые городские образования. Возраст некоторых из них достигает 400 лет. Их архитектурно-планировочная организация отражает особенности традиционного бытового уклада. Внешний вид этих зданий необычен — они имеют от 7 до 11 этажей, их высота достигает 30 м, при том, что материал этих древних стен — необожженная глина. Расстояния между зданиями не превышают 2 м. Лабиринт узких извилистых улочек защищает открытые пространства от перегрева и песчаных бурь. В целом застройка выглядит как конгломерат небоскребов, ее расхожее название — «йеменский Манхеттен» (рис. 1).

Фасады старинных зданий украшены характерным выпуклым орнаментом. Двери, солнцезащитные ставни, окна, представляющие собой витражи (камари), — все эти элементы нарядны, декоративны, своеобразны.

Историческая часть города признана ЮНЕСКО объектом всемирно-исторического наследия. Каждое такое зда-

ние представляет собой жилищную единицу одного домохозяйства.

В них соблюдается четкое вертикальное зонирование пространства по принадлежности и по назначению. Первые два этажа нежилые. Здесь за глухими стенами расположены кладовые для хранения съестных припасов и устроены стойла для овец и коз. На третьем и четвертом этажах размещаются жилые комнаты для мужчин. Следующие два этажа отданы под «женскую половину» (следствие требуемого шариатом затворничества женщин). Кроме жилых комнат тут устроены кухни, помещения для мытья и туалеты. Выше расположенные этажи отдавали подросткам и молодым парам, когда семья расширялась. На самом верхнем этаже предусматривается помещение для отдыха. На плоских крышах устраиваются прогулочные террасы – они компенсируют узость улиц и отсутствие дворов на земле. Между некоторыми соседними зданиями создаются переходы с крыши на крышу в виде мостиков с бортами, что позволяет легко передвигаться по территориям жилых кварталов, не спускаясь вниз [2].

Традиционные жилые массивы как бы закрепили в глине и традиционный быт: (сложная многопоколенная структура семей, их развитая хозяйственная деятельность, гарантирующая самообеспечение продуктами и возможность торговли излишками), затворничество и подчиненное положение женщин) и приспособление к климатическим условиям (узость и сложная трассировка улиц, плоские крыши, солнцезащита).

В более позднем, в том числе и строящемся сейчас, жилище относительно обеспеченных домохозяйств эти особенности проявляются, но в более скромном виде: одноквартирные имеют не менее двух этажей, первый изначально предназначается для производственной деятельности самого владельца или арендатора. Мужская часть дома включает гостиную с самостоятельным входом. В женской части располагаются кроме спален и детских, все хозяйствен-

ные и основные санитарно-гигиенические помещения.

Представители современного среднего класса, формирующегося в настоящее время в Йемене, сохраняя основные традиции, в то же время активно осваивают европейский образ жизни, в том числе и европейскую модель демографического поведения. Так, усредненная величина домохозяйств у них – 5 человек (в среднем по стране – 7,5 человека); преобладают простые нуклеарные семьи (состоящие из одного поколения взрослых и несовершеннолетних детей); среднее число детей в семье – 2-3 (по стране – 6-7). В связи с этим упомянутый выше жилой массив сочетает в себе некоторые черты традиционного жилища с европейскими.

Массив «Нью-сити» (рис.3) возводится на свободной от застройки территории в периферийной части города². Площадь осваиваемого участка – около 392 гектаров. Массив разделен на 3 жилых района, общая расчетная численность населения – 32500 человек. Строится более 5200 жилищных единиц. Для 6500 человек запроектированы более комфортные «виллы» (одноквартирные двухэтажные дома на участках площадью от 0,04 до 0,9га стоимостью от \$234 до \$464 тысяч), для остальных – квартиры в 7-этажных многоквартирных зданиях (стоимость от 60 до 88 тысяч). Сектор услуг включает: мечеть – 2,87га, школу – 5,71га, больницу – 1,9га, коммерческую зону – 2,73га, почту – 0,36га, пожарное депо – 0,64га, рекреационные пространства – 3,80га. К каждому жилому дому обеспечен автомобильный проезд, предусмотрены открытые стоянки для автомобилей.

Плотность застройки жилых кварталов – 55%, обеспеченность жилой площадью – от 72 до 160 м²/чел в виллах, от 25 до 42 м²/чел в многоквартирных домах. Плотность населения на территории – 70 чел/га (в историческом ядре города – 150 чел/га).

В целом пространственная организация жилого массива «Нью-сити» в Санае соответствует принципу «жилой район» – «микрорайон», который соблюдался в городах

СССР в 60-80 годы, хотя и имеет значительно более высокую плотность застройки и сокращенный состав обслуживания (отсутствуют детские дошкольные учреждения, нет ни озелененных дворов, ни общедоступных плоскостных спортивных сооружений, ни районного парка, ни микро-районного сада и др.). Хотя дети и подростки в Йемене, как и всюду, играют в подвижные игры на открытом воздухе, используя для этого улицы, пустыри и любые другие незастроенные пространства. «Компенсацией» в определенной степени может служить качество квартир и визуальных характеристик жилых домов, особенно «вилл» (рис. 5, 6).

Опыт стран на постсоветском пространстве показал [3], что модель «жилой район» — «микрорайон» в современных условиях оказывается ущербной, даже в тех случаях, когда в ее рамках была сформирована полноценная комплексная жилая среда. Ущербность эта связана как минимум с тремя проблемами: отсутствие мест для парковки автомобилей, недостаточной пропускной способностью сети улиц и проездов, неприспособленностью городской среды для массового велосипедного движения, неадаптированностью общедоступных зданий и открытых пространств для физически ослабленных лиц (последняя проблема для Йемена актуальна из-за последствий многолетней гражданской войны). Т.е. в Йемене еще предстоит искать пути совершенствования жилой среды.

Заключение. В крупных городах Йемена начата работа по совершенствованию жилой среды для среднего класса. Принципиальным моментом здесь является европеизация жилых образований при одновременном соблюдении национальных традиций. В то же время опыт республик бывшего Советского Союза показывает необходимость дальнейшего совершенствования «европейских» характеристик городского жилища.

«Средним классом» в социологии считают промежуточный слой между богатой «элитой» и бедным «дном». В его состав

входят среднеоплачиваемые наемные работники, индивидуальные предприниматели, владельцы мелких и средних предприятий. В наиболее развитых странах средний класс образует большинство населения, в развивающихся и слабо развитых — его меньшую часть (см. схему на рис. 1).

Социальная структура населения в развитых (слева), развивающихся и слабо развитых (справа) странах.

2 Рыночная стоимость земли в центральной части города не менее \$1000 за 1 м², на периферии она опускается до \$600 – 800 за 1 м² (без дорог и инженерных сетей).

Рисунок 1 – Средний класс: а) в экономически развитых странах; б) в странах начавших экономическое развитие (в т.ч. Йемен)

Рисунок 2 – Социальная структура постсоветской России

Литература:

1. Средний класс (middle class) <http://files.school-collection.edu.ru/dlrstore/1f1a20a8-7080-6a19-5b5a-71046db1c50/1010657A.htm>

2. Глиняные небоскребы // Знание— сила. Научно-популярный и научно-художественный журнал. – 2012.-№4, – с.80.

3. Хачатрян, К.К. Градостроительные условия комфортности многоквартирных жилых образований в г. Минске / К.К.Хачатрян, Е.В.Таберко // Архитектура и строительство. 2011.-№2.-С.110-114.

Поступила в редакцию 21.05.2012

УДК 711.01

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ФИРМЕННОГО СТИЛЯ НА ФАСАДАХ ТОРГОВЫХ ОБЪЕКТОВ

Дашкевич О.В.

аспирантка, старший преподаватель, кафедры «Дизайн архитектурной среды», БНТУ

В статье рассматриваются вопросы формирования единой образной системы фасадов сетевых торговых объектов с использованием фирменного стиля. Предлагается классификация носителей системы визуальной идентификации в экстерьере.

Введение. Продуманная система визуальной идентификации, целостное ее представление в различных носителях гарантирует бренду успех и лояльное отношение к нему со стороны потребителей. Носителями системы визуальной идентификации в экстерьере сетевых торговых объектов являются фасады (главные, боковые, задние), которые включают стены, крышу, декоративные элементы, витрины, окна, входную группу (выносной тамбур, крыльцо, двери, навес), а также систему визуальных коммуникаций (информацию, рекламу, навигацию). В формировании единой образной системы сетевых торговых объектов главную роль играет фирменный стиль, его основные элементы (товарный знак, логотип, слоган, цветовая гамма, шрифт, символ и т.д.) могут присутствовать на фасадах. [1, с. 90].

Основная часть. При проектировании фасадов нужно учитывать направление деятельности фирмы (профиль торговли), ее фирменный стиль, местоположение торгового объекта в городе, функциональное назначение территории расположения, величину и объемно-планировочную структуру объекта (отдельно стоящие и встроенные), климатические условия, направление людских потоков, пространственные условия зрительного восприятия торгового объекта, степень устойчивости к внешним воздействиям всех используемых материалов.

Дизайн фасадов торговых объектов должен быть направлен на определенный тип покупательской аудитории. О классе торгового объекта и ценовой категории товара информируют потребителя выбранные от-

делочные материалы фасада, цветовая гамма, условия освещения, открытость витрин, характер входа, степень активности дизайна [2, с. 128].

Роль главного композиционного центра в рекламном оформлении фасада обычно играет так называемый входной блок, включающий в себя выполненные в фирменном стиле двери и прилегающие к ним элементы в разных сочетаниях - входная арка, козырёк (маркиза), онинг, канопи.

Козырек (маркиза) представляет собой архитектурно-рекламную конструкцию, выполняющую как декоративно-рекламные, так и утилитарные функции, например, защиту от солнца и дождя. Используемым материалом при изготовлении козырьков являются плиты из канального поликарбоната, поливинилхлорида или другие материалы. На козырьке могут быть выполнены надписи и фирменный знак. Козырьки-маркизы обладают длительным сроком эксплуатации. Вся конструкция не требует техобслуживания и устойчива к коррозии [4, с. 249].

Онинги визуально напоминают козырек. В основном они имеют конструкцию закрытого типа, и их отличительной особенностью является наличие внутренней самостоятельной подсветки. Онинг может использоваться в качестве оформления окон и парадного входа. Каркас изготавливается из металла, покрытие — из поликарбонатных или пластиковых светопропускающих плит. Снизу онинг также закрывается плитами из поликарбоната или пластиковым профилем [4, с. 249].

Канопи — вид онинга со значительно выступающей проекцией, имеющий дополнительные опоры и устанавливаемый над входным блоком. Канопи придает входной зоне парадный вид. Изготавливается из ак-

рилового стекла и пластика. Вся конструкция может включать в себя такие элементы как перила, стойки и прочее [4, с 249].

Вывески являются разновидностью внешней рекламы торгового предприятия. В Положении о порядке размещения (распространения) на территории Республики Беларусь наружной рекламы и ее средств, рекламы на автомобильных и транспортных средствах, трамваях, троллейбусах, утвержденном постановлением Совета Министров Республики Беларусь 12.11.2007 № 1497 определены понятия вывески и вывески рекламного характера.

Техническое средство будет являться вывеской, если оно обладает следующими признаками: площадь его информационного поля составляет не более 5,5 квадратного метра; предназначено и используется для информирования о наименовании организации (обособленного подразделения) и (или) названии принадлежащего ей объекта, режиме их работы и иной обязательной в силу требований законодательства информации; закреплено вдоль поверхности здания (сооружения), в котором осуществляет деятельность организация (гражданин) или ее обособленное подразделение.

Основными отличиями вывески рекламного характера от вывески являются: размер рекламного поля более 5,5 квадратного метра и возможность размещения иной информации без ограничений [5].

Как правило, на фасадных вывесках располагают официальный наглядный логотип компании или организации.

Логотипом называют набор графических элементов, символизирующих вид деятельности компании, ее товар или услугу и используется в качестве элемента фирменного стиля [6, с. 7].

Вид вывески зависит от типа здания, его архитектурного решения, расположения относительно примыкающих домов, направлений людских потоков, а также объема деятельности магазина, его финансовой состоятельности. По месту размещения вывески подразделяются на: фасадные, надкрыш-

ные, угловые, фронтоновые, брандмауэрные (размещаемые на глухих стенах зданий).

Брандмауэры представляют собой рекламные конструкции, расположенные на стенах зданий. Преимущества брандмауэров в том, что они имеют неограниченные размеры и могут размещаться такие рекламные носители практически в любой части города, в том числе и в историческом центре. Размеры брандмауэров могут быть самыми разными, это зависит от величины стены и финансовых возможностей фирмы-рекламодателя. Это очень зрелищные и запоминающиеся конструкции.

Вывеска может быть выполнена в виде настенного панно, кронштейна, маркизы либо размещаться на крыше, козырьке здания, сооружения, пристроенного помещения, а также в витрине. Конструктивно вывеска может быть выполнена в виде нескольких отдельных элементов.

Панель-кронштейн – это световая вывеска (или световой короб), располагающаяся перпендикулярно зданию и имеющая две или более рекламных поверхности.

Витрины являются одним из самых эффективных средств привлечения внимания клиентов, передают суть ассортимента магазина. Заметность и удобство чтения информации из витрины, цветовые решения в дизайне и общая композиция обеспечивают быстрое и комфортное восприятие целостного образа торгового объекта. Если человек проходит рядом с витриной, то у него есть определенное время, чтобы рассмотреть все детали экспозиции и принять решение о визите в торговый объект. Но когда магазин расположен на улице, где потребитель проезжает мимо на машине, необходимо сделать витрину заметной на большой скорости движения. Её внутреннее оформление должно быть одновременно лаконичным и броским.

Смена экспозиции в витрине должна быть регулярной, это может быть связано с появлением новой коллекции, распродажей, юбилеем марки, праздничными днями, сменой сезона.

Многообразие витрин классифицируется по виду конструкции, по принципу оформления, по техническим средствам оформления, по расположению витрины относительно здания, по размещению на фасаде, по товарному признаку, по композиционному принципу.

Конструктивно витрины делятся на: открытого, закрытого и закрыто-открытого типа. Первый тип называют «витринами на просмотр» – когда прохожему через стекло виден весь торговый объект. Здесь деление торгового объекта на интерьер и внешнее пространство достаточно условно. Интерьер не замыкается в оболочке здания, он прорывается наружу, захватывая примыкающие к зданию пространства, или, наоборот, запускает внешнюю среду внутрь здания, визуально объединяя интерьер с окружающей средой [2].

Второй тип – с перегородкой, отделяющей витрину от зала, - акцентирует внимание на рекламной экспозиции. Третий тип частично открывает пространство зала, а частично отделяет его от витрины специальной перегородкой.

По оформлению витрины делятся на: сюжетные, товарные, товарно-сюжетные, непредметные (нетоварные) и акционные. Товарные витрины демонстрируют товар, которым торгует магазин. Дополняют оформление витрин манекенами, подставками, подиумами, фирменными ценниками.

Цель сюжетных и непредметных витрин – создать настроение для совершения покупки. В витрине выставляются не столько товары, сколько идеи и образы, связанные с этими товарами. Акционные витрины оповещают о скидках, распродаже, поступлении новых коллекций или поздравление с праздником [4, с. 250].

По техническим средствам оформления витрины классифицируются как статические, динамические, комбинированные. В них можно устанавливать механические устройства и другие приспособления для придания экспозиции движения, динамики.

По отношению к зданию витрины бывают встроенными и отдельно стоящими. Встроенные витрины располагаются непосредственно в здании торгового объекта, отдельно стоящие – перед торговым объектом, что позволяет обозревать экспозицию со всех сторон [4, с. 250].

Встроенные витрины классифицируются по размещению на фасаде как ленточные, кадрированные, многоэтажные и угловые. Ленточной называют единственную протяженную по длине всего фасада торгового объекта витрину. Витрины, изолированные друг от друга простенками окон, позволяют создавать серию художественных решений и эффект кадров. Многоэтажная витрина открывает потенциальным покупателям планировку, тектонику, коммуникации и интерьерную привлекательность торгового объекта. Угловая витрина обладает свойством перехватывать пешеходные потоки.

По товарному признаку витрины делятся на комбинированные, специализированные, узкоспециализированные и смешанные [4]. Комбинированные витрины рекламируют изделия нескольких товарных групп, связанных общностью спроса или потребления. Например, в магазинах «Обувь» могут быть витрины, демонстрирующие потребительские комплексы для детей, женщин и мужчин. Специализированные витрины демонстрируют товары одной товарной группы. Так, в магазинах по продаже электробытовых приборов осуществляется раздельный показ электроосветительных приборов, стиральных машин, пылесосов, холодильников. Узкоспециализированные витрины рекламируют часть изделий товарной группы (например, фотоаппараты, часы, мужские сорочки). Смешанные витрины демонстрируют товары различных групп, между которыми нет прямой связи.

Композиционных принципов оформления витрины может быть несколько. Широко распространен принцип композиции витрин с единым визуальным центром (например, какой-то товар делается основной смысловой доминантой всей композиции, ос-

тальные объекты экспозиции располагаются по эстетическим принципам подчинения доминанте).

Не менее широко распространен принцип композиции без единой доминанты. В этом случае расположенные в витрине товар и предметы экспозиции обладают смысловым и визуальным равновесием.

Элементы художественного оформления внутри витрины торгового объекта могут включать муляжи, манекены, лозунг, логотип и другие составляющие фирменного стиля. Муляжами называют увеличенные или в натуральную величину копии реальных товаров или их упаковок. Манекены – это трехмерные изображения фигуры человека, изготавливаемые из папье-маше, дерева, пластика и т.д., зачастую идеализированные, и используемые как элемент оформления витрин и интерьеров мест продажи, предназначенные для демонстрации одежды в целях привлечения потенциальных покупателей [4, с. 252]. В оформлении витрин также активно используются стандартные и эксклюзивные дизайнерские (фирменные) подставки, вешалки, подиумы специальной конструкции.

На фасадах, в частности в витрине, как элементы художественного оформления могут присутствовать рекламные персонажи или корпоративные герои, герои рекламы, фирменные персонажи. Эти визуальные образы используются для придания марке человеческих черт, близких определенным стереотипам целевой аудитории, привлечения внимания к марке. [8].

В остеклении витрин рекомендуется применение следующих материалов: армированное стекло – пожароустойчивый светопрозрачный материал, со стальной сеткой внутри; ламинированное стекло, покрытое специальной полимерной пленкой, которая даже при разрушении стекла не дает разлетаться осколкам; триплекс – многослойное стекло, при ударе трескается, но не рассыпается за счет склеивающего материала; закаленное стекло, очень прочное, ударостой-

кое и при разрушении раскашивается на мелкие неострые осколки.

Заключение. В формировании единой образной системы сетевых торговых объектов главную роль играет фирменный стиль. Фирменный стиль торгового объекта – это информационная система, которая служит основой для его идентификации. Элементы фирменного стиля должны присутствовать во всех структурных составляющих торговых объектов: в конструктивных элементах, предметном наполнении и системе визуальных коммуникаций (Рис. 1-4). В данной статье определены носители системы визуальной идентификации на фасадах торговых объектов, предложена классификация некоторых носителей: архитектурно-рекламных конструкций, вывесок, витрин, рассмотрены элементы художественного оформления фасадов.

Литература

1. Еременко, Л.Ю., Дашкевич, О.В. *Фирменный стиль в потребительском пространстве.* / Л.Ю. Еременко, О.В. Дашкевич, // *Архитектура и строительство.* – 2011. – № 3. – с.90-93
2. *Канаян, Кира/ Проектирование магазинов и торговых центров / Кира Канаян, Рубен Канаян, Армен Канаян// - М.: Юнион-Стандарт Консалтинг. – 2008 – 419 с, ил.*
3. *Дизайн магазина одежды [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://abconcept.ru/dizain-magazina-odezdi.html/> - 20.04.2012*
4. *Архитектурный дизайн: словарь-справочник/под общ. ред. Е.С. Агранович-Пономаревой. – Ростов н/Д: феникс, 2009. – 342.*
5. *Министерство торговли Республики Беларусь [Электронный ресурс] - Режим доступа: http://www.mintorg.gov.by/index.php?option=com_content&task=view&id=948/ - 25.04.2012*
6. *Патернотт, Жан. Разработка и создание логотипов и графических концепций/Жан Патернотт; пер. с фр. Т.Л. Черноситова. – Ростов н/Д: Феликс, 2008. – 154, [1] с.: ил. – (Мастер-класс).*
7. *Ефимов, А.В. Дизайн архитектурной среды: учеб. для вузов/Г.Б. Минервин, А.П. Ермолаев, В.Т. Шимко, А.В. Ефимов, Н.И. и др. – М.: Архитектура – С, 2004 – 504 с., ил.*
8. *Рекламные персонажи [Электронный ресурс] - Режим доступа: http://www.eso-online.ru/kollekciya_reklamy/udachnye_primery_reklam_y_skoro/reklamnye_personazhi/ - 20.04.2012*
9. *Краткий справочник архитектора (Гражданские здания и сооружения). Коваленко Ю.Н., Шевченко*

В.П., Михайленко И.Д. Киев, «Будівельник», 1975, стр. 704

10. Дизайн витрин магазинов [Электронный ресурс] - Режим доступа: <http://abconcept.ru/dizain-vitrin-magazinov.html> // - 24.04.2012

THE APPLICATION OF THE CORPORATE STYLE ON THE FAÇADE OF SHOPPING CENTERS

Dashkevich O.

The article deals with the formation of the unified image system by using corporate style on the facade of shopping centers. It is proposed the classification system of the visual identification carriers in the exterior.

Поступила в редакцию 23.04.2012

УДК 725.54

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ НОРМАТИВНЫХ ТРЕБОВАНИЙ ПО СОЗДАНИЮ БЕЗБАРЬЕРНОЙ СРЕДЫ

Лазовская Н.А.

кандидат архитектуры, доцент, кафедра «Архитектура жилых и общественных зданий», БНТУ

Изложены основные теоретические положения формирования безбарьерной среды, проанализирована практика проектирования и строительства на примере города Минска, как полигона, где реализуются основные мероприятия Государственной и городской программ по формированию комфортной среды жизнедеятельности для инвалидов и физически ослабленных лиц, выявлено несоответствие проведенных мероприятий нормативным требованиям, даны предложения по совершенствованию среды жизнедеятельности с учетом требований физически ослабленных лиц.

Введение. В настоящее время в городе Минске проживает 112 511 инвалидов, в том числе 4434 детей-инвалидов, 2699 инвалидов-колясочников, 3082 инвалидов по слуху, 2354 инвалидов по зрению. Количество инвалидов от общей численности населения города Минска составляет 5,9%. Учитывая пенсионеров, детей в возрасте до 3-х лет, травмированных и других категорий физически ослабленных лиц, количество людей, нуждающихся в элементах доступной среды составляет более 35% населения города. По статистическим данным на конец 2011 года элементами безбарьерной среды обеспечено 2824 объекта (62,9%).атурные обследования, проведенные на объектах социальной и транспортной инфраструктуры г. Минска, и анализ их на соответствие нормативным требованиям, позволяет усомниться в объективности оценки общего уровня доступности для физически ослабленных лиц. Обследовались только объекты, на которых в той или иной степени реализованы мероприятия Государственной

и городской программ по формированию комфортной среды жизнедеятельности для инвалидов и физически ослабленных лиц. Создание безбарьерной среды в ряде случаев ведется с многочисленными нарушениями нормативных требований, что делает использование таких объектов и отдельных их элементов затруднительным или невозможным для физически ослабленных лиц.

Основная часть. Теоретические предпосылки формирования безбарьерной среды в Республике Беларусь. В странах Западной Европы и США с середины прошлого века инвалиды начали активно интегрироваться в жизнь общества, появились законодательные документы по защите прав инвалидов и нормативные документы, регламентирующие доступность элементов социальной и транспортной инфраструктуры. В СССР, и в частности в БССР, в это же время инвалиды практически исчезли с улиц городов и поселков и были фактически сегрегированы в интернатных учреждениях или «заточены» в стенах своих квартир. Понимание проблемы и более или менее активные действия по интеграции инвалидов в жизнь общества начались уже в суверенной Республике Беларусь в начале 1990-х годов. Вступившие в силу Законы «О социальной защите инвалидов в Республике Беларусь» (1991 г.) [1] и «О предупреждении инвалидности и реабилитации инвалидов» (1994 г.) [2] соответствовали целям «Декларации о правах инвалидов» [3] и рекомендациям «Стандартных

правил обеспечения равных возможностей для инвалидов» [4]. В это же время проводятся первые научно-исследовательские работы в области архитектуры и градостроительства (Е.С. Агранович-Пономарева, И.А.Иодо, К.К. Хачатрянц), результатом которых становятся изменения к действующим СНиП на жилые, общественные, административные здания. В 2000 году защищается первая и пока единственная кандидатская диссертация, посвященная функционально-пространственной организации одному из типов специальных зданий – реабилитационным центрам [5]. Появляется осознание того, что существующая среда обитания является не комфортной, и в ряде случаев травмоопасной не только для инвалидов, но и для престарелых, травмированных, детей, т.е. для физически ослабленных лиц.

В течении практически 20 лет нормативные требования к организации безбарьерной среды для физически ослабленных лиц содержались в отдельных пунктах СНиП, СТБ, РСН. В 2010 году вводится в действие государственный стандарт «Среда обитания физически ослабленных лиц. Общие положения» СТБ 2030 – 2010 [6] и технический кодекс установившейся практики «Специальные здания для физически ослабленных лиц. Общие положения по проектированию» ТКП 45-3.02-187– 2010 [7], СТБ устанавливает требования к среде обитания для физически ослабленных лиц и полностью посвящен вопросу проектирования безбарьерного пространства. ТКП дает общие положения по проектированию вновь строящихся и реконструируемых специальных зданий для физически ослабленных лиц в возрасте старше 18 лет.

В настоящее время в Республике Беларусь под эгидой ПРООН проводится аналитическая и законодательная работа по ратификации Конвенции о правах инвалидов, предусматривающей, в том числе в статье 9 требования к государствам-участникам по «обеспечению доступности к объектам и услугам, открытым или предоставляемым

для населения, как в городских, так и в сельских районах» [8].

Следующей ступенью после проектирования гуманистического, направленного на создание безбарьерной среды, становится проектирование универсальное, основной целью которого является одновременный и согласованный учет требований всех категорий физически ослабленных лиц с учетом интересов практически здоровых людей, т.е. создание комфортной для всех среды обитания [9].

Реализация «Государственной программы о безбарьерной среде жизнедеятельности физически ослабленных лиц на 2007 – 2010 годы» [10] и запланированные мероприятия «Государственной программы о безбарьерной среде жизнедеятельности физически ослабленных лиц на 2011 – 2015 годы» [11] в сочетании с техническими нормативно-правовыми актами в области архитектуры, строительства и стандартизации должны создать комфортные условия жизнедеятельности физически ослабленных лиц.

Среди новых задач, поставленных Государственной программой о безбарьерной среде жизнедеятельности физически ослабленных лиц на 2011 – 2015 годы:

- создание электронного методического пособия, содержащего нормативно-правовые акты, регулирующие вопросы создания безбарьерной среды в Республике Беларусь;
- разработка типовых решений пандусов к входам в многоквартирные жилые дома массовых серий и типовых узлов увеличения дверных проемов в санузел, кухни, жилые комнаты, выходы на балкон, лоджию;
- создание не менее 5 – 7 % мест в санаторно-курортных и оздоровительных организациях для лечения или оздоровления инвалидов-колясочников;
- создание во всех гостиницах г. Минска, областных центров и городов с населением более 100 тыс. человек не менее 3 % номеров, оборудованных для проживания инвалидов-колясочников, городов с населением

менее 100 тыс. человек – не менее 1 % номеров;

– покрытие контрастными, рельефными, противоскользящими материалами проступи первой и последней ступеней лестничного марша при входе и внутри зданий объектов социальной и другой инфраструктуры;

– обустройство в одном из центральных парков г. Минска и областных центрах дорожно-тропиночной сети для инвалидов по зрению.

Реализация мероприятий по созданию безбарьерной среды. В г. Минске кроме Государственной программы о безбарьерной среде жизнедеятельности физически ослабленных лиц действует Городская программа по формированию комфортной среды жизнедеятельности для инвалидов и других физически ослабленных лиц [12]. В исследовании рассматриваются только объекты в г. Минске, на которых в той или иной мере реализованы мероприятия по безбарьерной среде и которые включены в статистическую отчетность как доступные для физически ослабленных лиц. Объекты анализировались на соответствие требованиям СТБ 2030 – 2010. Исследование проводилось в ноябре-декабре 2011 года.

Устройство пандусов произведено на 680 городских объектах. Из 150 обследованных объектов на 82 % пандусы устроены с нарушениями одной или одновременно нескольких позиций нормативных требований. Прежде всего это касается уклона, ширины, длины, размеров площадок в начале и конце марша. Уклон пандусов во многих случаях, в первую очередь внутри зданий и в подземных пешеходных переходах, составляет 1:2 – 1:1,75 (при нормативе в зависимости от длины пандуса и наличия промежуточных площадок должен быть 1:10 – 1:5). Ширина превышает 1,2 м, размеры площадок менее 1,8х1,8 м. Пандусы пересекаются поперек решеткой ливневой канализации, на пути движения размещаются выступающие колонны или декоративные цветочницы, что сужает ширину до 50 – 60 см (при нормативе не менее 90 см). Свобод-

ные площадки перед лестницами и пандусами не контрастируют с окружающими поверхностями, отсутствуют ограничительные бортики. Материал покрытия скользкий, особенно при неблагоприятных погодных условиях (снег, дождь).

Нарушаются нормативные требования и при устройстве поручней лестниц и пандусов, которыми оборудовано 864 объекта. Не соблюдается норматив по устройству поручней с двух сторон, по их высоте и необходимости превышения длины поручня относительно длины лестницы и пандуса на 30 см. В 18 % обследованных объектов длина поручня была короче лестницы или пандуса на 50 – 150 см, в 6% поручни отсутствовали.

На 3831 пешеходном переходе проведены мероприятия по выполнению требований безбарьерной среды. Однако натурные обследования 50 пешеходных переходов показало, что на 28 не соблюдаются нормативные требования по сопряжению пути движения по тротуару с проезжей частью улиц по высоте бортового камня, по уклону, ширине и длине площадки перед началом съезда. Высота бортового камня превышает нормируемые 50 мм и составляет 100 – 150 мм. Имеются случаи понижения высоты бортового камня только с одной стороны пешеходного перехода.

Выделены места для стоянок автомобилей инвалидов, нанесена разметка и установлены стационарные дорожные знаки на 163 объектах. Однако в реальной практике, особенно около крупных торговых центров, специально выделенные места заняты автомобилями, не принадлежащими инвалидам-колясочникам. В ряде случаев система навигации стационарных дорожных знаков располагается не по пути движения, на столбах на высоте, затрудняющей их прочтение. Отсутствие символа «инвалид на кресле-коляске» на поверхности покрытия земли не позволяет распознать конкретно выделенное место стоянки.

Лифтами и подъемниками для инвалидов-колясочников оборудовано 6 из 25 дей-

ствующих станций минского метрополитена. На всех станциях на верхнюю и нижние ступени лестничных маршей нанесены контрастные полосы, выполнены ограничительные шпунты вдоль края платформы на станциях «Восток», «Октябрьская», «Московская». Несмотря на проведенные мероприятия самостоятельно пользоваться метрополитеном физически ослабленным людям, и в первую очередь инвалидам-колясочникам и слепым, по-прежнему затруднительно. Время работы подъемников ограничено с 7.30 до 22.30, что не соответствует времени работы метрополитена. Разница отметок между уровнем остановки поезда и платформы составляет более 15 см, расстояние между ними 12 – 15 см.

По статистической отчетности 59,3% от общего количества подвижного состава в городе Минске составляет низкопольный транспорт – 1311 транспортных единиц (613 автобусов, 693 троллейбуса, 5 трамваев). Однако в силу ряда причин воспользоваться самостоятельно таким транспортом инвалиды с нарушениями опорно-двигательного аппарата не могут. Разность между отметками пола транспортных средств и поверхности покрытия остановки составляет более 15 см. Водители не подъезжают вплотную к остановке, транспортные средства не обозначены соответствующим символом, отсутствует система информирования заинтересованных граждан о движении низкопольного транспорта и водителей о нахождении на остановочном пункте инвалидов-колясочников, что в совокупности делает возможность использования такого транспорта физически ослабленными лицами затруднительным.

Из 49 подземных пешеходных переходов 16 оборудованы подъемными устройствами, остальные пандусами. Часть подъемных устройств находится в технически неисправном состоянии. Пандусы имеют уклон равный уклону лестницы, что делает самостоятельное использование данной вертикальной коммуникации инвалидами-колясочниками невозможным, а другими

физически ослабленными лицами, в первую очередь с детскими колясками, затруднительным.

Таким образом можно сделать вывод, что несмотря на выполнение мероприятий Государственной и Городской программ остается ряд проблем:

- проведенные мероприятия не соответствуют требованиям нормативов;

- повсеместно нарушается принцип непрерывности. Затрачиваются финансовые средства на обустройство прилегающей территории, а свободный доступ в здание и отдельные помещения отсутствует, либо выполнены мероприятия по доступности в здание, а подходы к зданию представляют трудно преодолимые препятствия;

- не учитывается принцип универсальности. В основном, внимание по созданию безбарьерной среды сконцентрировано на доступности для лиц с нарушениями функций опорно-двигательного аппарата, а требования слепых и слабовидящих, глухих и слабослышащих, людей с сенсорными нарушениями практически не решаются.

Предложения по совершенствованию по совершенствованию среды жизнедеятельности с учетом требований физически ослабленных лиц. Для успешной реализации программ по созданию безбарьерной среды необходима:

- корректировка существующих и разработка новых нормативно-правовых документов по проектированию среды обитания для физически ослабленных лиц, в том числе на отдельные типы специальных зданий;

- разработка типовых решений входных узлов, вертикальных и горизонтальных коммуникаций, элементов квартир многоквартирных жилых домов массовых серий;

- введение в программу обучения студентов-архитекторов курса лекций «Среда обитания для физически ослабленных лиц»;

- проведение совместных проектов студентов по специальности «Архитектура» и «Социальная работа» (ГИУСТ БГУ);

- разработка учебно-методического пособия по универсальному проектированию;

– участие специалистов (архитекторов) в составе рабочих групп по мониторингу доступности объектов социальной и инженерной инфраструктуры;

– проведение разработчиками нормативных документов (сотрудниками АФ БНТУ) семинаров по изучению и практическому использованию требований по созданию безбарьерной среды с проектировщиками и членами рабочих групп;

– ужесточение штрафных санкций за нарушение норм по обеспечению безбарьерной среды для физически ослабленных лиц.

При разработке информационно-программного комплекса «Карта доступности Республики Беларусь для физически ослабленных лиц» (п. 49 Государственной программы) перед внесением в нее зданий и элементов среды необходимо проведение обязательного натурного обследования на соответствие нормативным требованиям.

Заключение. В заключении следует отметить, что несмотря на действующие нормативно-правовые документы в области архитектуры, строительства и стандартизации, мероприятия проведенные по Государственной и городской программам в ряде случаев не соответствуют нормативным требованиям, что делает использование элементов среды обитания затруднительным или невозможным для физически ослабленных лиц. Безусловно, можно разработать нормативно-правовые документы, научить архитекторов и дизайнеров требованиям по созданию безбарьерной среды и основным принципам универсального проектирования при разработке проектов зданий, их отдельных элементов, интерьеров, благоустройства территории. Однако немаловажно научить потребителей использовать разработанные предложения и усилить контроль за соблюдением нормативных требований.

Литература:

1. *О социальной защите инвалидов в Республике Беларусь* : Закон Респ. Беларусь, 11 листопада 1991 г. // *Ведомасці Вярхоўнага Савета Рэсп. Беларусь.* – 1991. – № 34.

2. *О предупреждении инвалидности и реабилитации инвалидов* : Закон Республики Беларусь □□ Звезда. – 1994. – 25 ліст. – С. 2.

3. *Декларация о правах инвалидов. Принята резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 9.12.1975* [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/disabled.shtml. – Дата доступа : 20.03.2012.

4. *Стандартные правила обеспечения равных возможностей для инвалидов. Приняты резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 48/96 от 20.12.1993* [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disabled.shtml. – Дата доступа : 20.03.2012.

5. *Лазовская, Н.А. Функционально-пространственная организация центров реабилитации инвалидов* : дис ... канд. арх-ры : 18.00.02 / Н.А. Лазовская. – Минск, 2000 – 186 л., прил. доступа : 20.03.2012.

6. *Среда обитания для физически ослабленных лиц. Основные положения = Асяроддзе пражывання для фізічна аслабленых асоб. Асноўныя палажэнні* : СТБ 2030–2010. – Введ. 01.08.10. – Минск : *Минстройархитектуры Респ. Беларусь*, 2010. – 32 с.

7. *Специальные здания для физически ослабленных лиц. Общие положения по проектированию = Спецыяльныя будынкі для фізічна аслабленых асоб. Асноўныя палажэнні па праектаванню* : ТКП 45-3.02-187–2010. – Введ. 01.11.10. – Минск : *Минстройархитектуры Респ. Беларусь*, 2010. – 56 с.

8. *Конвенция о правах инвалидов. Принята резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 6/106 от 13.12.2006* [Электронный ресурс]. – Режим доступа : www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability.shtml. – Дата доступа : 20.03.2012.

9. *The principles of Universal Design / The Centre for Universal Design* / – Нью-Йорк, 1997 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.design.ncsu.edu>. – Дата доступа : 5.03.2010.

10. *Об утверждении Государственной программы о безбарьерной среде жизнедеятельности физически ослабленных лиц на 2007–2010 годы* // постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 3 апр. 2007 г., № 424 // *Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь.* – 2007. – № 5/24995.

11. *Государственная программа по созданию безбарьерной среды жизнедеятельности физически ослабленных лиц на 2010–2015 годы, утвержденная постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 1 ноября 2010 г., № 1602* // *М-во здравоохранения Респ. Беларусь* [Электронный ресурс]. – 2010. – Режим доступа : <http://minzdrav.gov.by/med/min/index.htm>. – Дата доступа : 20.03.2012.

12. *Городская программа по формированию комфортной среды жизнедеятельности для инвалидов и других физически ослабленных лиц на 2011–2015 годы. Утверждена решением Минского городского*

Совета депутатов 24.11.2010 №79 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: minsk.gov.by/ru/org/8645/attach/abbebea/resh 21/11/2010/doc. – Дата доступа : 20.03.2012.

PROBLEMS OF THE REGULATORY REQUIREMENTS' IMPLEMENTATION FOR A BARRIER-FREE ENVIRONMENT DEVELOPMENT

Lazovskaya N.

The basic theoretic points of a barrier-free environment development are outlined; the practice of designing and construction for the case of Minsk City, as a testing area where the main activities of the State and City Programs for Development of Comfortable Living Environment for the Disabled and Frail Persons are implementing, is analysed; suggestions to improve the living environment in consideration of frail persons' requirements are given.

Поступила в редакцию 2.04.2012

УДК 711

СОВРЕМЕННАЯ ТИПОЛОГИЯ ОБЪЕКТОВ ВНЕДОМАШНЕГО ВОСПИТАНИЯ СИРОТ: ВЕРИФИКАЦИЯ ГИПОТЕЗ

Мазаник А.В.

кандидат архитектуры, доцент, кафедра «Градостроительство», БНТУ

В статье рассматриваются изменения, произошедшие в типологии объектов призрения сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, за последнее десятилетие.

Введение. Сиротство – явление постоянное, оно существует даже в самых развитых странах и в самые благоприятные периоды истории. Решение проблемы призрения (проживания, обучения, воспитания) сирот в принципе возможно только тремя путями – через усыновление сирот приемными родителями, через опеку (и попечительство) над сиротами (обычно родственников) и через помещение детей в детские учреждения того или иного типа.

В своей диссертации «Градостроительная организация учреждений внедомашнего воспитания сирот» я рассматривала среди прочего типологические особенности отечественной системы призрения сирот. За прошедшие со времени ее написания годы мы проделали большой путь. Сегодня можно говорить о том, что изменяется демографическая ситуация в стране, постепенно меняется отношение общества к сиротству биологическому и социальному, совершенствуются формы воспитания сирот, взрослеют дети, участвовавшие в становлении системы учреждений, условия жизни в которых, на взгляд специалистов, в большей или мень-

шей степени имитируют жизнь в идеальной многодетной семье.

Основная часть. Стабилизация и некоторое уменьшение количества детей, находящихся на попечении государства, связаны со многими изменениями, происходящими в обществе. На фоне заметной социальной деградации, выражающейся в росте алкоголизма, распространении наркомании (особенно среди молодежи), росте жестокости и насилия, общей деформации нравственных ценностей, разрушении устоявшихся культурных стереотипов, в конце прошлого века мы по многим показателям вышли на пиковые значения. С выравниванием общей ситуации, с ведением большой целенаправленной работы многими специалистами, удалось частично переломить складывавшуюся ситуацию.

Прежде всего это демографическая ситуация: хотя общий коэффициент суммарной рождаемости в 2011 году составил 1,4 ребенка, что обеспечивает воспроизводство населения только на 65,5%, в последние годы наблюдается некоторое повышение рождаемости (0,93% в 1999 г. и 1,15 % в 2011 г.) при значительном уменьшении показателя материнской смертности (около 20 случаев на 100000 живорожденных детей в 1999 г. и

2,5 случая на 100000 живорожденных детей в 2008 г.). За последние 10 лет в стране увеличилось количество несовершеннолетних матерей (в 2008 г. – 1383) и доля внебрачных детей (в 1990 г. – 8,5%, в 1999 г. – 16,4%, в 2007 г. – 22,4% всех новорожденных), общее число абортот в 2010 г. составило 38 на 100 родов. Число отказов от новорожденных за 10 лет уменьшилось в 3 раза, снизился показатель разводимости (до 445 разводов на каждые 1000 браков), уменьшилось количество родителей, лишенных родительских прав (в 2002 г. было лишено родительских прав 4457 человек, в 2008 г. – 2579 человек).

В результате, общее число воспитанников интернатных учреждений снизилось с 28664 в 2002 г. до 22467 в 2008 г., в том числе сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, – с 11272 в 2002 г. до 8924 в 2009 г.

Воспитание детей может быть домашним и внедомашним (применение более точных терминов «семейное» и «несемейное» воспитание невозможно из-за документально закреплённого понятия «детский дом семейного типа»). В первом случае ребенок является членом семьи-домохозяйства, во втором – воспитанником учреждения, функционирующего по определенным, официально установленным правилам, соблюдение которых контролируется извне. В условия домашнего воспитания сироты попадают в случае их усыновления (когда юридически между ребенком и его усыновителями закреплены права и обязанности, как между родителями и детьми); опеки (до исполнения детям 14 лет) и попечительства (для детей от 14 до 18 лет) (когда опекуна или попечителя назначают органы опеки для представления интересов подопечного); передачи в приемную семью (которая образуется на основании договора о передаче ребенка на воспитание в семью и трудового договора) или семью патронатного воспитателя (для воспитанников детских интернатных учреждений).

Учреждения внедомашнего воспитания предназначены для призрения детей, оторванных от дома временно (например, для оздоровления, лечения) либо постоянно (по причине сиротства). Они могут быть семейного и интернатного типа.

В воспитательных учреждениях *семейного типа* (квазисемейных учреждениях) имитируется структура многодетной семьи, понимаемой как домохозяйство, которое включает хотя бы одного взрослого и воспитанников разного пола и возраста. В *интернатных* учреждениях внедомашнего воспитания сирот объектом воспитания является группа (в идеале – коллектив), количественный состав которой, а также возраст, пол, способность к обучению, социальная направленность поведения и т.п. детей удобны для воспитания.

В Президентской программе «Дети Беларуси», выполняющейся с 1998 г. (в прошлом году стартовала уже третья программа – на 2011-2015 годы), были выделены три основные направления решения проблемы содержания, обучения, воспитания детей, по разным причинам лишенных семьи и дома:

- * создание новых форм устройства осиротевших детей,
- * развитие сети учреждений для сирот;
- * совершенствование материально-технической базы этих учреждений.

Достижение названных целей требует увеличения числа учреждений призрения сирот путем нового строительства, реконструкции функционирующих объектов либо ревитализации освобождающихся зданий иного функционального назначения.

В подпрограмме «Дети-сироты» утверждается, что организационная структура учреждений внедомашнего воспитания сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в обозримом будущем сохранится традиционной, т.е. с преобладанием учреждений интернатного типа, однако отмечают недостатки этих учреждений и признается необходимость создания новых форм устройства осиротевших детей.

На сегодняшний день около 70% сирот воспитывается в семьях, а общее число интернатных учреждений за десять лет сократилось более чем вдвое. Соответственно, значительно (более, чем в 6 раз по сравнению с 1998 г.) выросла доля учреждений семейного типа, появились и новые типы объектов.

Длительный или постоянный отрыв детей от дома, переход к их внедомашнему воспитанию может быть вызван смертью, болезнью, бедственным положением, девиантным поведением или асоциальными установками родителей, а также состоянием соматического, психического и морального здоровья самих детей. В результате в одних и тех же учреждениях могут воспитываться и сироты, и дети, длительно оторванные от семьи, причем в отдельных случаях преобладают последние.

Практически здоровые дети нуждаются в модификации ухода и воспитания применительно к возрасту.

Дефекты внутриутробного развития, родовые травмы, болезни раннего возраста могут привести к серьёзным нарушениям, исправление которых либо компенсация, хотя бы частичная, возможны только в учреждениях внедомашнего воспитания с большим количеством профессионалов (медиков, педагогов, психологов), обслуживающих каждого ребенка, со специальным оборудованием, обеспечивающим больным детям возможность лечиться, учиться, обслуживать себя, играть. Большинству семей слишком трудно обеспечить даже простое выживание детям с глубокими дефектами развития.

Детей с такими тяжёлыми заболеваниями, как туберкулёз, астма, бронхит, сколиоз и т.п., приходится подолгу, иногда по нескольку лет, лечить в стационарных условиях, совмещая лечение с обучением.

Появились и объекты, облегчающие уход из жизни неизлечимо больным детям.

Особую группу составляют дети с асоциальными поведенческими установками, склонные к правонарушениям и преступле-

ниям, либо уже совершившие их, а также дети, пристрастившиеся к алкоголю, наркотикам и др.

Естественно, что детям разного возраста с разным уровнем здоровья и психического развития, как и детям с отклоняющимся поведением нужны качественно разные условия внедомашнего воспитания (включая градостроительные). Эти различия учитываются при функционировании системы учреждений внедомашнего воспитания, при определении номенклатуры типов этих учреждений.

В целом в Беларуси в учреждениях внедомашнего воспитания находятся дети следующих категорий:

- практически здоровые с нормальным или опережающим умственным развитием;
- с нормальным или опережающим умственным развитием и с заболеваниями, требующими длительного стационарного лечения;
- с особенностями развития;
- социально запущенные;
- неизлечимо больные;
- нуждающиеся в срочной помощи и защите.

Практически здоровые дети не имеют соматических или психосоматических заболеваний, требующих соблюдения специального режима и длительного лечения в стационаре. При этом они обладают интеллектом дающим им возможность обучаться по общим программам Министерства образования. Дети с медленно излечимыми соматическими и психосоматическими заболеваниями (туберкулёз, сколиоз, астма и т.п.) нуждаются в специальном режиме и лечении, но при этом могут обучаться по общим программам.

Среди детей с особенностями развития в специальных условиях содержания нуждаются прежде всего дети, не поддающиеся обучению. Среди обучаемых детей с особенностями развития более половины составляют дети с пограничной формой умственной отсталости – задержкой психического развития.

11% детей с особенностями развития имеет недостатки слуха (глухие, немые и сохранившие в разной степени способность говорить; слабослышащие с разным уровнем речевого развития), 5% детей относятся к слепым и слабовидящим, 3,5% страдают поражением опорно-двигательного аппарата (последствия полиомиелита, церебральный мозговой паралич, вялые параличи и парезы, врождённый вывих тазобедренных суставов и т.п.).

Детей, обладающих особыми способностями (например, к искусствам, спорту, наукам) иногда приходится воспитывать в условиях интерната, поскольку иначе невозможно обеспечить полное развитие их дарований.

Социально запущенных детей, беспризорников, детей, склонных к девиантному поведению, приходится помещать в интернатные учреждения внедомашнего воспитания с целью перевоспитания, своевременной адаптации их к требованиям общества.

Наконец, внедомашнее воспитание на более или менее длительный период нужно детям, которым необходима защита (в связи с потерей родителей, от агрессии родителей, от вовлечения в пьянство, наркоманию, преступную деятельность) или психологическая поддержка. Этим детям жизненно необходимо место, где для них могут быть обеспечены приемлемые условия социализации.

Детям, не нуждающимся в длительном стационарном лечении, нужна элементарная замена «дому» – кров над головой, люди и предметы создающие приемлемые условия социализации, а также доступ к людям и предметно-пространственным комплексам вне дома.

Точнее всего домашний очаг имитируется детским домом семейного типа (ДДСТ) или группой таких домов (детская деревня, детский городок), где по официально утвержденным методикам родители-воспитатели воспроизводят типичный домашний быт совместно с несколькими разновозрастными детьми. В настоящее время

в Беларуси функционирует около 170 ДДСТ, 5 детских деревень, 1 детский городок, 1 детская деревня-хоспис для детей-инвалидов.

Для адаптации бывших воспитанников детских деревень создаются молодежные дома с независимым и полунезависимым проживанием воспитанников.

Дети до 3-х лет включительно живут в домах ребёнка общего и специального назначения, где за детьми ухаживают, вовлекают их (в соответствии с научно обоснованными и официально утвержденными методиками) в предметную деятельность и общение, обеспечивающие желательную интенсивность и направленность их социализации. Специфика содержания, воспитания, обучения большого количества малышей требует развития в доме ребёнка дополнительно к жилой ещё и общественно-воспитательной, медицинской и административной функций.

Практически здоровые дети старше трех лет могут находиться:

- с 3 до 6 лет – в дошкольных детских домах общего типа;
- с 6 до 18 лет – в школьных детских домах общего типа;
- с 3 до 18 лет – в смешанных детских домах общего типа (детских домах смешанного типа).

Функциональная программа зданий детских домов предполагает проживание, общественное воспитание, административную функцию, но медицинская функция в них по сравнению с домом ребенка существенно свернута.

Для постоянного проживания детей 3 – 18 лет, которые не могут обучаться в общеобразовательных или специализированных школах по программам Министерства образования, существуют детские дома-интернаты трёх профилей: а) для необучаемых детей, б) для обучаемых детей, в) смешанные. Их функциональная программа включает проживание, общественное воспитание, лечение и оздоровление, отра-

жающие специфику контингента воспитанников, административное управление.

От 6 до 18 лет дети могут находиться в школах-интернатах. Дети с нормальным или опережающим уровнем интеллектуального развития помещаются в общеобразовательные или профильные (специализированные) (хореографические, музыкальные, художественные, спортивные и т.д.) школы-интернаты, в которых основной функцией, дополняющей проживание, становится обучение, дополнительными – оздоровление, административное управление.

Дети с заболеваниями, требующими длительного стационарного лечения или восстановительного периода, помещаются в санаторные и специальные школы-интернаты, детские реабилитационно-оздоровительные центры, где лидирующими наряду с проживанием являются одновременно медицинские и учебные функции. Специфика контингента здесь определяет характер всех функций.

Для детей с хроническими заболеваниями функционирует детский хоспис, где наравне с проживанием, обеспечивается пеллиативная помощь ребенку и его родным.

Социально запущенные дети, склонные к девиантному поведению, помещаются в общие и специальные школы-интернаты, а также в приемники-распределители и специальные исправительные учреждения, функциональная программа которых включает проживание, общественное воспитание, обучение, административное управление.

Для детей в возрасте от 4 до 14 лет, нуждающихся во временном (до 6 месяцев) убежище, создаются социальные приюты

интернатного типа, социальные кризисные центры. В них живут дети, убежавшие из дома, нуждающиеся в психологической поддержке, в защите от агрессии родителей, насилия и т.п. Их основная функция – проживание.

Заключение. Таким образом, во всех типах учреждений внедомашнего воспитания основной функцией является проживание детей, т.е. в функциональном отношении эти учреждения аналогичны прежде всего жилищу. Остальные функции (лечение, обучение, общественное воспитание) можно считать дополнительными, аналогичными общественным составляющим в общежитиях и домах-интернатах. Эта картина не меняется, если номенклатуру учреждений внедомашнего воспитания расширить.

Литература:

1. Мазаник, А.В. Градостроительная организация системы учреждений внедомашнего воспитания сирот: дис. ... к-та арх: 18.00.04 / А.В. Мазаник. – Минск, 2000. – 197 л.
2. Мазаник, А.В. Типология, контингент воспитанников и градостроительное размещение учреждений для сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, на территории Беларуси // А.В. Мазаник – Градостроительство и архитектура: современность и перспективы: Сб. науч. тр. – Минск, 1998. – Ч.2. – С. 64-65.

MODERN TYPOLOGY OF FACILITIES FOR OUT-OF-HOME EDUCATION OF THE ORPHANS: VERIFICATION OF HYPOTHESES

A. V. Mazanik

Changes are considered in the article that occurred in the typology of facilities for orphans and children left without parental care over the past ten years.

Поступила в редакцию 16.04.2012

УДК 728.2.012.26

ОТ ЛОДЖИИ К ГЕЛИО-ТЕПЛИЦЕ

Прокопенко К.И.

аспирант, кафедра «Жилые и общественные здания», БНТУ

В статье описывается изменение традиционного для Беларуси решения организации летних помещений (лоджий) жилых зданий, для эффективного ис-

пользования особенностей климата в течение всего года.

Введение. В практике строительства Беларуси сложилась традиция организации

летних помещений (лоджий) в жилых домах, имеющая ряд структурных недостатков. Эти недостатки, приводят к дополнительным затратам энергии на отопление и кондиционирование жилых зданий. При ориентациях фасада с расположенными на нем лоджиями на юг, юго-запад, юго-восток и внесении небольших структурных изменений, возможна трансформация традиционных лоджий в гелио-теплицы, значительно повышающие энергоэффективность всего жилого здания.

Данная публикация основана на информации, изложенной в следующих научных работах [1,2,3,4,5,6,7,8,9], и публикациях [10,11], и является адаптацией зарубежного опыта организации гелио-теплиц под отечественные климатические условия, строительные нормы и традиции.

Традиционная отечественная лоджия

Обычная для отечественной практики проектирования и строительства остекленная лоджия (точнее «веранда») является летним помещением, утепленным по внутреннему контуру (по стене отделяющей лоджию от помещения расположенного за ней). Наружный контур образован в нижней части либо тонкими бетонными панелями, либо представляет собой кладку в полкирпича, либо штучные бетонные блоки малой толщины. В верхней части располагается остекление, выполненное чаще всего из раздвижной профильной системы с плохими теплоизоляционными характеристиками. Тепловая оболочка здания при такой схеме разрывается во многих местах, перекрытиями и торцевыми стенами лоджий. При проектировании большой проблемой является утепление таких сложных мест, поскольку система термовкладышей, применяемых в данном случае, плохо справляется с задачей. Из-за значительного количества мостиков холода расчет термического сопротивления стен является сложным и трудоемким, а на практике часто не производится, результатом чего являются дополнительные теплопотери, промерзание строительных конструкций, образование конденсата и т.д.

Характер устройства лоджий в объеме здания, как встроенных, так и частично встроенных, в подавляющем большинстве случаев, влечет за собой изрезанность тепловой оболочки, и, соответственно, дополнительные теплопотери [10].

Гелио-теплица: североамериканский опыт

Большинство жилых зданий в США являются малоэтажными, появился даже специфический термин – «двухэтажная Америка». За последнее столетие в США также накоплен большой опыт проектирования и строительства «солнечных домов» («solar houses») [1,2]. Из-за традиций сложившихся в области строительства жилья опыт этот касается малоэтажных зданий, однако после некоторой адаптации к отечественным условиям он может быть применен в нашем климате и к жилым зданиям большей этажности.

Важным элементом «солнечного дома» является гелио-теплица. Существует несколько разновидностей гелио-теплиц, в зависимости от этажности, наличия зеленых растений внутри и т.д. Однако правила их организации и функционирования довольно просты. К жилому помещению с южной, юго-восточной либо юго-западной стороны пристраивается летнее помещение с большой площадью остекления. Это помещение служит своеобразным буфером между жилой комнатой и наружной средой. В отопительный период воздух в теплице нагревается теплом солнечной радиации. Тепло передается через массивные теплоемкие ограждения внутрь жилого помещения аналогично системе «Стены Тромба» [12], либо напрямую через светопрозрачное ограждение. В теплый период года теплица принимает на себя излишки тепла солнечной радиации и при помощи простой системы естественной вентиляции предохраняет жилой дом от перегрева. На (рис. 1) приведены варианты одно- и двухэтажных гелио-теплиц для малоэтажных «Солнечных домов» в США.

По внешнему виду картина очень напоминает наши энергозатратные лоджии.

Климат Беларуси, конечно далек от североамериканского, но исследования [4, 10], а также расчеты, [проведенные автором], показывают, что остекление фасадов южных ориентаций является источником поступления тепла в отопительный период даже в нашем климате.

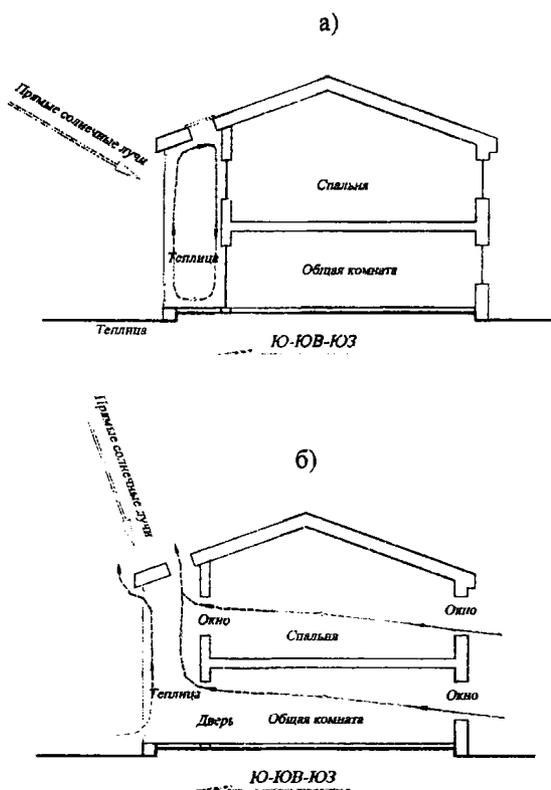

Рисунок 1 – Двухэтажные гелио-теплицы “Солнечных домов” для условий США:

а) зима: двухэтажная теплица изолирована от внутреннего объема жилого дома и является буфером между холодной наружной средой и отапливаемым объемом здания, б) лето: двухэтажная теплица и северные окна обеспечивают сквозное проветривание и охлаждение всего внутреннего объема жилого дома.

Лоджия-теплица

При организации лоджии-теплицы должны соблюдаться следующие правила:

1) Летние помещения должны быть расположены на фасадах, ориентированных на юг, юго-восток, юго-запад. Наибольший эффект будет достигнут при ориентации на одну из этих сторон горизонта протяженно-

го фасада здания. Этот фасад можно условно назвать “солнечным”.

2) Вместо отдельных фрагментов-вставок целесообразно расположить сплошной фронт таких помещений на всей площади “солнечного” фасада здания (рис. 2).

3) “Солнечный” фасад здания не должен затеняться окружающей застройкой в отопительный период. При строительстве жилых домов с большим количеством этажей это условие становится трудновыполнимым. Поэтому оптимальным количеством этажей, подходящим для большинства градостроительных ситуаций [по мнению автора] является 5-6. В любом случае и при любой этажности лучше рассматривать каждую градостроительную ситуацию индивидуально. Главное здесь – обеспечить беспрепятственное освещение летних помещений прямыми солнечными лучами в отопительный период.

4) “Солнечный” фасад здания должен быть плоским либо иметь плавные изгибы, без резких выступов и загибов, чтобы исключить возможность самозатенения. Фасад с теплицами в данном случае можно рассматривать как один большой “гелиоколлектор”, принцип работы будет очень схож.

5) Ограждение между жилым помещением и теплицей должно обладать достаточной термической массой (т.е. должно быть достаточно теплоемким). Это ограждение должно передавать энергию солнечного тепла в отопительный период внутрь жилого помещения и гасить резкие температурные колебания в теплый период года, предотвращая излишний перегрев. На практике это означает, что ограждение должно быть достаточно массивным, его необходимо выполнять либо из полнотелого керамического кирпича, либо из блоков вибропрессованного бетона, либо из другого аналогичного материала. Толщина внутренней стены должна составлять около 200мм при использовании тяжелого бетона, и 250мм при применении полнотелого кирпича. На-

ружная поверхность этой стены должна быть окрашена в темный цвет.

б) Остекление лоджии-теплицы должно быть вертикальным либо находиться под небольшим наклоном, при этом верхняя грань "солнечного" фасада должна быть ближе к центру здания, чем нижняя (рис. 2). Данное требование обусловлено характером воздействия солнечной радиации на наружные ограждения здания в разные периоды года, а также физическими свойствами стекла (отражением и пропусканием прямых солнечных лучей).

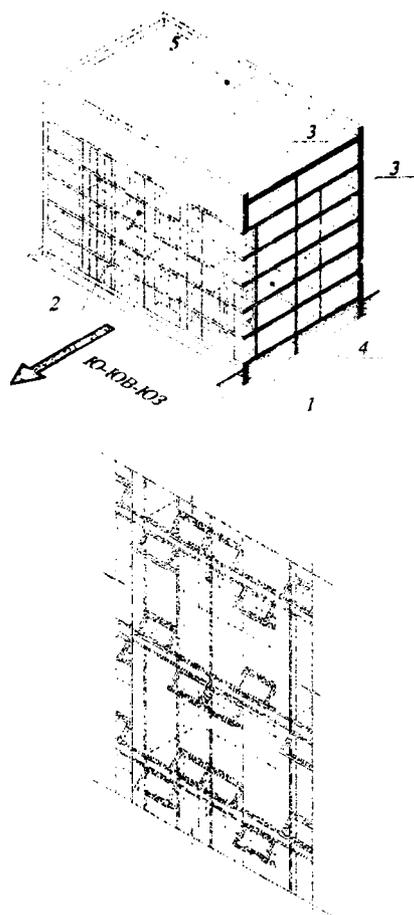

Рисунок 2 – Расположение сплошного фронта лоджий-теплиц на "солнечном" фасаде жилого дома. Расположение вентиляционных отверстий лоджий-теплиц со смещением по высоте:

- 1 – фронт лоджий на "солнечном" фасаде
- 2 – светопрозрачное ограждение лоджий
- 3 – теплоемкие массивные внутренние стены
- 4 – внутренние помещения жилого дома
- 5 – вертикальные коммуникации (лестничная клетка/лестнично-лифтовой узел)

7) В отопительный период, когда здание больше всего нуждается в солнечной энергии, прямые солнечные лучи приходят к поверхности земли под малыми углами, если витраж или окно расположены вертикально, то тепло и свет с минимальными потерями проникают внутрь помещения. В теплый период года, когда солнце высоко, и прямая солнечная радиация может являться негативным фактором, вертикальное светопрозрачное ограждение отражает значительную часть тепловой энергии из-за оптических особенностей самого стекла, и предотвращает излишний перегрев внутренних помещений. Этот эффект подробнее описан в [13].

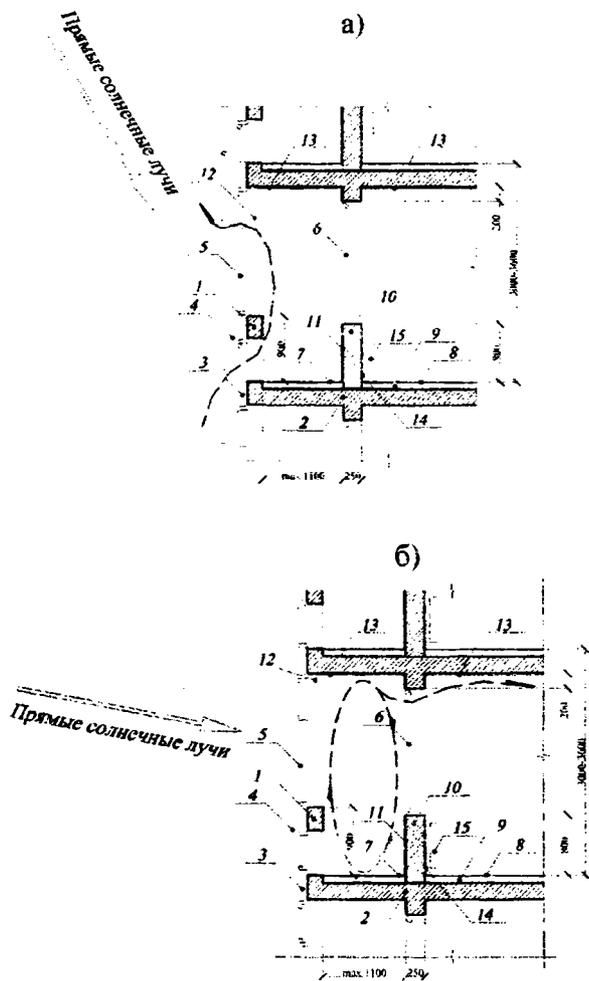

Рисунок 3 – Организация лоджий-теплицы для условий Республики Беларусь

- а) – теплый период года (апрель-сентябрь), вертикальное сечение; б) – отопительный период (октябрь-апрель), вертикальное сечение;

1 – теплоемкий материал (монолитный железобетон либо кирпичная кладка) 2 – перекрытие из теплоемкого железобетона 3 – основной теплоизоляционный слой (минеральная вата либо аналог) $R_{\text{терм}} \text{ глухих наружных ограждений } 3.2 - 5.2 \text{ м}^2 \cdot \text{град}/\text{Вт}$ 4 – конструкция вентилируемого фасада 5 – наружное остекление $R_{\text{терм}} 1 - 1.2 \text{ м}^2 \cdot \text{град}/\text{Вт}$ (общий витраж либо оконные блоки) 6 – внутреннее остекление лоджии $R_{\text{терм}} 0.6 - 1 \text{ м}^2 \cdot \text{град}/\text{Вт}$ 7 – керамическая плитка черного цвета на сплошном слое раствора либо клея 8 – толстая паркетная доска темного цвета 9 – тяжелая стяжка из цементно-песчаного раствора 10 – перегородка из полнотелого керамического кирпича 250мм 11 – цементно-песчаная штукатурка, окрашенная в темный либо черный цвет 12 – внутренняя солнцезащита (горизонтальные жалюзи белого либо серебристого цвета) 13 – покрытие потолка белого либо светлого цвета 14 – покрытие внутренней стороны перегородки белого либо светлого цвета (обои, декоративная штукатурка либо аналог) 15 – место для расположения отопительного прибора при системе водяного отопления внутрь через нижние отверстия, нагреваться солнцем, подниматься вверх, а затем удаляться через верхние отверстия, унося с собой лишнее тепло. Этот способ вентиляции описан в [1] на примере теплицы в пространстве двух этажей индивидуального жилого дома (рис.16). В отопительный период большую часть времени все эти вентиляционные отверстия должны будут находиться в закрытом положении. В [1] описаны варианты устройства гелио-теплиц для малоэтажных жилых домов. Нагретый солнцем воздух в теплый период года в этом случае удаляется через вентиляционные отверстия в верхней зоне теплицы и свободно уходит в наружную среду (рис.2).

8) В помещении теплицы необходимо организовать систему естественной вентиляции, для удаления излишков тепла в теплый период года. Во-первых, плани-

ровка жилого здания должна обеспечить сквозное либо угловое проветривание, каждая квартира должна иметь открывающиеся окна на двух фасадах. Для обеспечения проветривания можно использовать традиционную схему с открывающимися балконными дверями и фрамугами во внутреннем контуре остекления. Во-вторых, наружное ограждение лоджии-теплицы должно иметь открывающиеся фрамуги для вентиляции в нижней и верхней части. Воздух будет поступать.

9) Распределение термической массы по внутреннему объему помещений должно способствовать накоплению тепловой энергии в отопительный период и сглаживанию температурных колебаний в течение дневного цикла на протяжении всего года. Здесь важно соблюдение одного правила: “термической массы много не бывает”. Поверхности теплоемких конструкций предназначенных для накопления тепла должны поглощать как можно больше энергии, а значит, должны быть окрашены в темные цвета. Поверхности конструкций из материалов, не обладающих достаточной термической массой (блоков ячеистого бетона, пустотных изделий, пористых материалов и т.д.), должны отражать лучистую энергию на поверхности теплоемких конструкций. Рациональной [по мнению автора], является следующая схема: темный теплоемкий пол, светлые внутренние стены и светлый потолок.

В качестве теплоемких конструкций могут использоваться:

для внутренних стен и перегородок – тяжелый бетон и полнотелый керамический кирпич.

для перекрытий – тяжелый сборный либо монолитный бетон.

для полов – керамическая плитка темных тонов, уложенная на сплошной слой клея либо раствора, обеспечивающая полное прилегание к цементно-песчаной стяжке; темная паркетная доска из пород

дерева высокой плотности, толщиной не менее 25мм. Исходя из информации, изложенной в [1, 2], при работе с теплостойкими ограждениями надо учитывать то, что увеличение их толщины после определенного порога является бессмысленным, гораздо важнее площадь наружной поверхности, и чем она больше, тем лучше. Для тяжелого бетона таким порогом является толщина в 150мм, для полнотелого кирпича можно предположить, что оптимальными значениями будут 120/250мм (полкирпича / кирпич).

10) В теплый период года “солнечный” фасад должен иметь защиту от излишнего перегрева. В качестве солнцезащиты стоит использовать внутренние горизонтальные жалюзи белого либо серебристого цвета, расположенные у наружного светопрозрачного ограждения лоджии-теплицы.

На рисунке 3 приведены примеры возможной организации лоджии-теплицы.

Заключение. Произведенный расчет модели подобного здания показывает хорошие результаты по сравнению с применением традиционной конструкции лоджий, как минимум, за счет серьезного уменьшения площади ограждающих конструкций. За счет этого соответственно снижается расход теплоизоляционных материалов при лучших показателях энергопотребления.

Данный вариант организации лоджий пока не был реализован в отечественной строительной практике, поэтому требует экспериментальной апробации. После постройки одного подобного жилого здания, можно будет проверить принятые технические решения в реальных условиях. К сожалению, в реальной практике проектирования и строительства, на сегодняшний день большинство попыток снизить энергопотребление здания сталкиваются либо с инертностью мышления, либо с проблемой цены. Теплотехнические нормы соблюдаются формально, по минимальным показателям, а зачастую и просто игнорируются. Приходится признать, что в таких условиях больше шансов на практическое воплощение

имеют простые, дешевые решения, а еще лучше решения, экономящие средства здесь и сейчас. Когда люди слышат термин “энергосбережение”, они чаще всего представляют себе сложное дорогостоящее инженерное оборудование. Фотоэлектрические панели, гелиоколлекторы, ветрогенераторы, энергосберегающее отопительное оборудование и т.д. – все эти достижения технического прогресса, несомненно, являются важными элементами единой рациональной энергосистемы здания. Однако, представляя все это, мы часто забываем или просто не знаем, что имеют место простые приемы, которые не так будоражат воображение, как сложные технические средства вроде системы “умного дома”, однако часто являются еще более эффективными. Они почти всегда лежат на поверхности, нам остается лишь поднять их.

Литература:

11. Holloway, D.R. *SUN TEMPERED ARCHITECTURE A Simple Design Methodology For Passive Solar Houses* / D.R. Holloway [Electronic resource]. - 2009- Mode of access: <http://www.dennisrhollowayarchitect.com/SimpleDesignMethodology.html> - Date of access 19.04.11
12. Luce, B. *Passive Solar Design Guidelines for Northern New Mexico* / B. Luce [Electronic resource]. - 2004- Mode of access: http://www.nmsea.org/Curriculum/Courses/Passive_Solar_Design/Guidelines/Guidelines.htm - Date of access 19.04.11
13. *Справочник по климату СССР. Вып. 7: Белорусская ССР, ч.1. Солнечная радиация, радиационный баланс и солнечное сияние.* – Ленинград: Гидрометеоиздат, 1966.- 68 с.
14. *Круглова, А.И. Климат и ограждающие конструкции* / А.И. Круглова – Москва: Издательство литературы по строительству, 1970. – 168 с.
15. *Табуничиков, Ю.А. Энергоэффективные здания* / Ю.А.Табуничиков, М.М. Бородач, Н.В. Шилкин – Москва: АВОК-ПРЕСС, 2003. – 200 с.
16. *Фокин, К.Ф. Строительная теплотехника ограждающих частей зданий* / К.Ф. Фокин – 4-е изд., перераб. и доп.- Москва: Стройиздат, 1973.- 288 с.
17. *Староверов, И.Г. Внутренние санитарно-технические устройства ч.1 Отопление в 3 ч.* / И.Г. Староверов [и др.]; под ред. И.Г.Староверова, Ю.И. Шиллера – 4-е изд., перераб. и доп.- Москва: Стройиздат, 1990.- 278 с.
18. *Елагин, Б.Т. Инсоляционные расчеты в архитектуре: учебное пособие для студентов высших учеб-*

ных заведений / Б.Т.Елагин, М.В. Прядко -- ДГАСА.-
Макеевка, 2003. – 47 с.

19. Аладов, В.Н. Архитектурное решение фасадов с использованием открытых и остекленных приквартирных пространств и эркеров / В.Н. Аладов, И.П. Реутская, Т.А. Рак – Минск: Технопринт, 2004. – 59 с.

20. Данилевский, Л.Н. Архитектура и энергоэффективность зданий / Л.Н.Данилевский // Архитектура и строительство 2009.- № 10. - 3 с.

21. Мамедов, Н.Я. Использование солнечного тепла для частичной компенсации теплопотерь зданий в условиях Азербайджанской Республики / Н.Я. Мамедов, А.Б. Зейналов; - Баку: Проблемы энергетики 2005 - №2.- 6 с.

22. Пассивное использование солнечной энергии / Герасименко С. // Энергетический портал [Электронный ресурс]. - 2006 – Режим доступа: http://reenergy.by/index.php?option=com_content&task=view&id=24&Itemid=88888950 - Дата доступа 17.09.2011.

23. Реутская, И.П. Климатизация многоквартирных жилых зданий / И.П.Реутская, К.И. Прокопенко // Архитектура и строительные науки 2010-№ 11- 3 с.

24. Жилые здания: СНБ 3.02.04-03. – Введ. – 01.01.2004.- Минск: Государственное предприятие “Стройтехнорм” Министерства архитектуры и строительства Республики Беларусь, 2004.- С. 6.

Ограничение распространения пожара в зданиях и сооружениях. Объемно-планировочные решения: ТКП 45-2.02-92-2007. - Введ. – 17.12.2007.- Минск: Государственное предприятие “Стройтехнорм” Министерства архитектуры и строительства Республики Беларусь, 2007.- с. 4.

FROM LOGGIA TO THE HELIO-HOTHOUSE Prokopenko K.I.

This article deals with changing of traditional Byelorussian method of summer placements (loggias) creation in residential buildings, for efficient usage of climate properties during the all year cycle.

Поступила в редакцию 14.05.2012

УДК 727:069.9:747.012

ОПЫТ АРХИТЕКТУРНОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ ИНТЕРЬЕРОВ В РЕКОНСТРУИРУЕМОМ ЗДАНИИ (НА ПРИМЕРЕ ЗАЛА БОРЦОВСКОЙ СЛАВЫ В "ЦЕНТРЕ СПОРТИВНОЙ БОРЬБЫ ИМ. А. МЕДВЕДЯ")

Башаримова Т.В.

заведующая отделом «Архитектурно-инновационный центр», БНТУ

Статья посвящена проблеме разработки методики проектирования и реализации основного идейно-художественного замысла музейной экспозиции в реальной архитектурной среде. В статье научно-методически рассмотрены вопросы по решению практических и художественных задач по организации пространства, возникающие в процессе проектирования: I Организация внутреннего архитектурного пространства; II Формирование визуально-стилистических особенностей музейной экспозиции; III Подбор выставочного и музейного оборудования. На основании проведенных исследований сделаны выводы. Концепция нашла практическое применение в реализации проекта музейной экспозиции.

Архитектурно-инновационным центром НИЧ БНТУ (научный руководитель доктор архитектуры А.С.Сардаров) выполнена в 2012 году научно-проектная работа по разработке интерьерного пространства для музея спортивной славы. Сложность задачи заключалась в том, что для целей размещения музея использовалось здание, ранее застроенное и построенное как кинотеатр (кинотеатр “Вильнюс” по ул. Калиновского в г. Минске). Необходимо было выполнить концептуальное решение интерьеров таким образом, чтобы выполнялись главные задачи музея: размещение и показ экспонатов, посвященных спортивной теме, организация движения посетителей, формирование торжественного образа («Зал славы»).

Научно-проектная концепция организации выставочного пространства "Центра спортивной борьбы" последовательно включала следующие основные разделы:

I Организация внутреннего архитектурного пространства;

II Формирование визуально-стилистических особенностей музейной экспозиции;

III Подбор выставочного и музейного оборудования.

I Организация внутреннего архитектурного пространства.

Пространство выставочно-музейного характера организовано в реконструированном здании, с использованием полезной площади 598 м²; в том числе 1-й этаж - 218 м², 2-й этаж - 380 м².

Архитектурное пространство интерьеров включало следующие музейно-выставочные тематические разделы:

1. Белорусская федерация борьбы;
2. Международная федерация борьбы;
3. Женская борьба;
4. Вольная борьба;
5. Самбо;
6. Герой Олимпиад.

С учетом существующего неприспособленного интерьерного пространства (фойе

бывшего кинотеатра) была предложена система обособленных тематических разделов экспозиции.

Данное обособленное размещение стендов по отдельным темам позволило осуществить их последовательный осмотр, с организацией оптимального маршрута движения посетителей: от общего знакомства с данным видом спорта, более глубокого ознакомления с белорусской практикой этого спорта и отдельными видами борьбы, включенными в федерацию, к главной коммуникационной зоне - стендам "героев Олимпиад", представляющих белорусских спортсменов - чемпионов Олимпийских игр в греко-римской борьбе (рис.1).

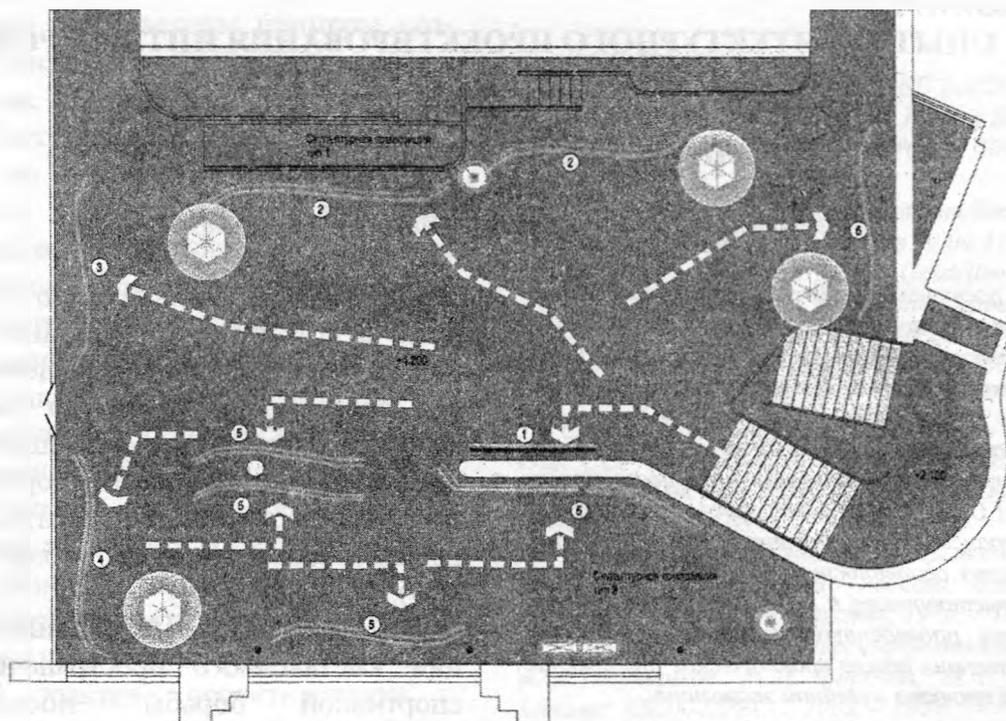

Рисунок 1 – Схема движения посетителей

II Формирование визуально-стилистических особенностей музейной экспозиции.

Архитектурные, художественные и дизайнерские проектные технологии, использованные в проекте, передают визуально-

стилистическими средствами идею спорта, как важнейшей стороны развития общества и отдельного человека, а также конкретного вида спорта, его особенностей, исторического развития, отдельных событий, организаций и конкретных личностей.

Цветовая гамма использована сдержанная, но торжественная: светло-бежевые тона, охристые, темно-бежевые, вишневые, белые и золотые. Единым приемом, позволяющим визуально объединить интерьерное пространство, является введение фризовой росписи с мотивом лавровых венков, сим-

волизирующих победу, и изображения золотых олимпийских наград.

Двумя пространственно художественными акцентами являются две декоративные скульптуры: "Схватка" - у стенда "Белорусская федерация борьбы" и "Медведь" в разделе "Герои Олимпиад".

Рисунок 2 – Раздел, посвященный А.В.Медведю

Скульптуры подчеркивают особое значение данных разделов, а также дополняет единое цветовое и пластическое решение интерьера.

III Подбор выставочного и музейного оборудования.

Приняты два вида музейно-выставочного оборудования: свободно стоящие стенды и витрины. Основные стенды выполняются на базе модульной выставочной системы "М-Ванг", позволяющей обеспечить независимое (без крепления к стенам), криволинейное в плане (что способствует плавности маршрутов движения), а также легко сменяемое наполнение и быструю трансформацию.

Витрины запроектированы индивидуально: островные и пристенные, что наиболее гибко и полноценно позволяет ознакомиться с экспонатами различного характера (медали, кубки, грамоты и т.д.).

Моделирование пространства светом запроектировано для достижения основной цели концепции: организовать пространство экспозиции по темам, подчеркнуть имеющимися средствами идею спорта, как важнейшей стороны развития общества и отдельного человека, а также конкретного вида спорта, его особенностей, исторического развития, отдельных событий, организаций и конкретных личностей.

Также в оборудовании экспозиции используются мультимедийные технологии: на стенде первого этажа и у стендов "Международной федерации борьбы" на втором этаже размещаются ЖК-мониторы с возможностью видеотрансляции различных сценариев. Введение в дизайн интерьеров индивидуальной фресковой росписи, скульптурных композиций, динамически расположенного оборудования (стенды, витрины) позволяют создать запоминающийся образ

Рисунок 3 – Общий вид экспозиции

"Центра спортивной борьбы", расставить знаковые акценты в экспозиционном пространстве, дать возможность широкому кругу людей ознакомиться с историей и достижениями белорусских спортсменов в данном виде спорта.

Заключение.

1. Проектирование сложных интерьерных пространств требует первоначальной разработки концептуальных решений.

2. Для архитектурных пространств музейного типа с постоянно движущимся потоком посетителей требуется четкая организация путей движения, с последовательным раскрытием каждой экспозиции.

3. Особую задачу для архитектуры тематического музея представляет собой создание запоминающегося художественно-эстетического образа.

4. Для наиболее полного экспонирования реальных объектов необходимо формирование (режиссура) искусственного света с введением точечных и локальных источников.

EXPERIENCE OF ARCHITECTURAL DESIGN OF INTERIORS IN A RECONSTRUCTED BUILDING (ON AN EXAMPLE OF THE HALL OF FAME IN "THE WRESTLING CENTER OF A.MEDVEDYA")

T. V. Basharymava

The article is devoted to the development of a methodology of design and implementation of the main ideological and artistic design of museum exhibition in the real built environment. The article examined the scientific and methodical questions on the practical and artistic goals for the organization of space, resulting in the design process:

I Organization of the internal architectural space;

II Formation visual and stylistic features of the museum exposition;

III Selection of museum and exhibition equipment.

The concept has found practical application in the project the museum exhibition.

Научное издание

АРХИТЕКТУРА

Сборник научных трудов

Выпуск 5

Дизайн обложки, цветных вкладок *О. В. Белова*

Подписано в печать 29.10.2012. Формат 60×84 ¹/₈. Бумага офсетная. Ризография.

Усл. печ. л. 13,72 + 0,46 вкл. Уч.-изд. л. 5,36 + 0,18 вкл. Тираж 100. Заказ 1146.

Издатель и полиграфическое исполнение: Белорусский национальный технический университет. ЛИ № 02330/0494349 от 16.03.2009. Пр. Независимости, 65. 220013, г. Минск.